

interaction

интеракция

interview

интервью

interpretation

интерпретация

INTER

INTER, 15'2018

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

15'2018

© 2018 Журнал «ИНТЕРАкция.
ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация»

Главный редактор

Виктория Семенова (Москва, Россия)

Соредакторы номера:

Елена Рождественская (Москва, Россия),

Ирина Тартаковская (Москва, Россия),

Анна Стрельникова (Москва, Россия),

Павел Сушко (Москва, Россия).

Редакционная коллегия:

Розвита Брекнер (Австрия)

Том Венграф (Великобритания)

Леокадия Дробижева (Россия)

Кэти Дэвис (Нидерланды)

Лена Иновлоки (Франкфурт-на-Майне, Германия)

Ирина Козина (Россия)

Кшиштоф Косела (Польша)

Елена Омельченко (Россия)

Анна Роткирх (Финляндия)

Елена Ярская-Смирнова (Россия)

Журнал рецензируемый

Индексируется РИНЦ

Номер подготовлен при финансовой поддержке
Российского научного фонда. Грант № 14-28-00217-П

Автор снимка на обложке: Чунг Сунг Джун, Агентство Getty Images

Адрес редакции:

117259, Москва

Ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

Тел.: (499) 128-86-18

Факс: (495) 719-07-40

e-mail: inter.fnisc@gmail.com

Размещение журнала: www.inter-fnisc.ru

ISSN 2307-2075

DOI: 10.19181/inter.2018.15

Содержание

Письмо редакторов	5
Социологические концепции в качественных исследованиях	6
<i>Жанна Чернова</i> Репрезентации отцовства: социологический анализ блогов	6
<i>Ольга Пинчук</i> «Нестандартные» условия труда женщин на производстве: опыт включенного наблюдения.....	24
Дискурсы и дискуссии	41
<i>Роман Абрамов</i> Ностальгические аффекты и коммодификация советского: на примере Музея советских игровых автоматов.....	41
<i>Михаил Рожанский</i> Новый советский консенсус: реанимация идеала в пятидесятых.....	55
<i>Елена Рождественская</i> Фронтное письмо	78
Визуальная социология	91
<i>Елена Рождественская</i> Перформативная память и памятник вианбу в Южной Корее	91
Биография номера	102
<i>Ирина Тартаковская</i> Интервью с прекарием: «Я такой человек — мне проще без всяких бумажек, без всего»	102
Полевые исследования	120
<i>Олег Оберемко</i> Социальное пространство отдыха (российское Черноморье): палеоэтнографические этюды.....	120
Обзоры конференций	143
<i>Иван Касьяненко</i> Социальные исследования и современность: обзор конференции «Ломоносов-2018»	143
<i>Анастасия Говорова, Мария Красникова</i> Многоголосие исследовательских подходов на Апрельской международной конференции	146
Рецензии	149
<i>Мария Красникова</i> Анализ системы «позднего социализма»	149
Abstracts	151
Авторы номера	154

Contents

Editors's letter	5
Sociological concepts in qualitative research	6
<i>Zhanna Chernova</i> Representation of Fatherhood: Blogs' Sociological Analysis.....	6
<i>Olga Pinchuk</i> "Unconventional" Working Conditions of Women's Industrial Labor: The Experience of Participant Observation	24
Discourses and discussions	41
<i>Roman Abramov</i> Nostalgic Affects and the Commodification of the Soviet Period: on the Case of Museum Soviet Arcade Machines	41
<i>Mikhail Rozhansky</i> New Soviet Consensus: Resuscitation of the Ideal in the Fifties	55
<i>Elena Rozhdestvenskaya</i> Letters from the Front	78
Visual Sociology	91
<i>Elena Rozhdestvenskaya</i> Performative Memory and the Vianbu Monument in South Korea	91
Biography of this issue	102
<i>Irina Tartakovskaya</i> An interview with a precarious worker: "I'm such a person - it's easier for me without any papers, without everything"	102
Field research	120
<i>Oleg Oberemko</i> Social Space of Rest (the Russian Black Sea Coast): Paleoethnographic Etudes	120
Conferences review	143
<i>Ivan Kasyanenko</i> Social Studies and Modernity: an Overview of the Conference "Lomonosov-2018"	143
<i>Anastasia Govorova, Maria Krasnikova</i> The Many Voices of Research Approaches at the April International Conference	146
Reviews	149
<i>Maria Krasnikova</i> Analysis of the System of "late socialism"	149
Abstracts and key words	151
About the authors	154

Письмо редакторов

Мы выпускаем 15-й номер журнала ИНТЕР в юбилейный для качественной социологии год. Наверное, началом эры эмпирических качественных исследований в социологии можно считать 1918 год, ознаменовавшийся стартом издания многотомника У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и в Америке». Таким образом, в этом году мы отмечаем столетие становления и утверждения интерпретативно-качественной парадигмы как вида социологической практики.

С той поры начального, скорее, романтического, периода своего зарождения это методически-практическое поле из узкого ручейка неформального движения отдельных энтузиастов, зараженных идеями социального реформирования, сближения науки и социальной практики, превратилось в мощную волну, опровергая аргументы скептиков о временном характере этого «модного» увлечения отдельных исследователей «новой научной экзотикой». Движение разрасталось и, со временем, разделилось на отдельные национальные научные течения со своими символически значимыми фигурами; приобрело официальный статус и свое пространство как в научном дискурсе (журналы), так и в образовательном — вошло в стандарты социологического образования.

К настоящему времени существенно расширилась и усложнилась методолого-методическая база социологов-качественников, а также сфера их интересов, затрагивая такие, казалось бы, сугубо «количественные» области, как социальная стратификация, трудовая занятость, межпоколенные изменения, онлайн-исследования.

Статьи этого номера журнала свидетельствуют о подобной экстраполяции качественной методологии на «соседние» области. Это могут быть и культурно-экономические аспекты, например, проблема коммодификации в процессе становления экономики развлечений (Р. Абрамов); и собственно социологические проблемы особенностей женского труда на производстве (О. Пинчук), и размышления об «идейных» прекариях (И. Тартаковская); этнографические заметки о структуре зон летнего отдыха по результатам студенческой исследовательской экспедиции (О. Оберемко и его студенты); исторические сюжеты, связанные с памятью о российском и советском прошлом (М. Рожанский, Е. Рождественская), а также исследование о российских моделях отцовства (Ж. Чернова).

Если говорить о методическом разнообразии исследовательских практик, то данный номер убедительно демонстрирует их постоянное обогащение. Кроме уже ставших классическими глубинных интервью и включенного наблюдения авторы используют как этнографическое наблюдение с длительным погружением в исследуемую среду, так и анализ блогов, дискурсивный анализ военных писем как пример эпистолярного жанра и социальный анализ литературного творчества как индикатора настроений определенной эпохи.

Расширение поля качественных исследований продолжается.

В. Семенова, Е. Рождественская, И. Тартаковская

Социологические концепции в качественных исследованиях

Репрезентации отцовства: социологический анализ блогов

DOI: 10.19181/inter.2018.15.1

Жанна Чернова

Данная статья посвящена анализу репрезентаций отцовства, представленных в блогах российских авторов. Блоги отцов рассматриваются как способ формирования и воспроизводства ответственного, современного родительства, которое характеризуется плюралистичностью моделей родительства, большим включением мужчин в ежедневные практики заботы о детях, отсутствием гендерной специфики проблем, с которыми сталкиваются родители в процессе воспитания детей. Делается вывод о том, что модель современного, включенного отцовства формируется преимущественно на уровне практик, в то время как консервативная семейная политика, закрепляющая ситуацию «патриархального дефицита», направлена на воспроизводство гендерной асимметрии в сфере родительства.

Ключевые слова: родительство, отцовство, патриархальный дефицит, блоги

Понятие родительства в современном обществе трактуется не только через формальные статусы и отношения между родителями и детьми, оно представляет собой сложный дискурсивный феномен, включающий родительские чувства и привязанность к детям, воспитательные стили и практики, а также, с социологической точки зрения, нормативные культурные предписания и определенные социальные роли (Кон, 2005; Гурко, 2000). В социологической литературе родительство условно разделяется на традиционное и современное. К традиционному родительству относят такую форму организации заботы о детях, когда матери осуществляют основной уход и заботу о ребенке, в то время как отец выполняет роль «кормильца». При такой модели родительства разделение ролей и их содержание биологически детерминированы и, как правило, поддерживаются государственной семейной политикой, а также конвенциональными представлениями о нормативной мужественности и женственности, воспроизводятся на уровне практик воспитания и разделения домашней работы. Современное, «вовлеченное» родительство, напротив, вписано в идеологию гендерного равенства, где преобладает эгалитарное разделение обязанностей между супругами, размывается нормативное представление о содержании родительских ролей, происходит отказ от гендерной асимметрии в сфере родительства. Для современного родительства характерна большая по сравнению с традиционной моделью вариативность содержания родительских ролей. Такая модель родительства предполагает, что не только мать, но и отец активно

* Чернова Жанна, доктор социологических наук, профессор департамента социологии Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». zhchernova@hse.ru

включен в повседневную заботу о ребенке. «Вовлеченное» родительство активно формируется и транслируется в СМИ, а также в ряде стран поддерживается семейной политикой, дружественной по отношению к семье, посредством специальных мер, адресованных не только матерям, но и отцам, целым комплексом поддержек, предоставляемых работникам с семейными обязанностями.

В отличие от западных стран, где модель ответственного родительства в целом и «вовлеченного» отцовства в частности стала нормативной моделью гендерного поведения, в России трансформация идеологии и практик родительства происходит довольно медленно по ряду причин, таких как семейная политика, которая главным образом ориентирована на стимулирование рождаемости и закрепление представлений о матери как основном поставщике заботы о детях; а также из-за традиционной гендерной идеологии, в рамках которой гендерный контракт «работающей матери» остается доминирующим, закрепляя приоритетную роль матери в воспитании детей и восприятие отца в категориях кормильца. В то же время новые модели родительства, имеющие возрастное, классовое измерение и характерные для представителей молодого, образованного городского среднего класса, если даже не поддерживаются структурными условиями, то достаточно активно транслируются в масскультурных продуктах, в особенности в интернете, играющем все более важную роль в современном обществе и позволяющем индивидам создавать собственную идентичность, образы, реальность и т. д. (Штомпка, 2007; Asenhend et al., 2014; Harrington et al., 2011). Создаваемые образы нового отцовства также реализуются на практике молодыми представителями городского образованного среднего класса (Авдеева, 2012; Ангелова, Темкина, 2009; Безрукова, 2013; Чернова, 2012а). Социологически становится интересным и важным понять, как модель современного отцовства формируется и распространяется в современном российском обществе, а также каким образом мужчины не только выстраивают новые практики отцовства в условиях, не всегда дружественных семье, но и репрезентируют их в интернет-пространстве.

Данная работа посвящена анализу репрезентаций опыта отцовства в блогах российских авторов. Выбор эмпирического материала обусловлен тем, что, во-первых, блоги представляют информацию об опыте отцовства, во-вторых, они «...обеспечивают анонимность и секретность, поэтому их анализ дает возможность получить более открытую информацию, чем в случае интервью лицом к лицу» (Asenhend et al., 2014), в-третьих, блоги представляют собой вид личного дневника и, при условии их открытости, каждый интересующийся может прочитать его и прокомментировать. Таким образом, блоги являются платформой для репрезентации повседневного опыта отцовства автора, где каждый желающий может найти нужную информацию или поделиться своим опытом. Данная работа посвящена изучению практик отцовства, характерных для российского контекста. Анализ повседневных практик заботы и ухода за ребенком, представленных в отцовских блогах, позволит реконструировать и содержательно наполнить представление о том, что значит быть хорошим отцом.

Модели отцовства в исследованиях семьи и родительства

Изучению отцовства посвящен ряд отечественных и западных исследований (Авдеева, 2012; Ангелова, Темкина, 2009; Безрукова, 2013; Гурко, 2000; Клецина, 2009; Кон, 2005, 2006; Рождественская, 2010; Синельников, 2015; Asenhend et al., 2014; Bailey, 2015; Dermott, Miller, 2015; Harrington et al., 2011; LaRossa, 1995; Miller, 2015; Wall, Arnold, 2007). Интерес к изучению данной проблематики обусловлен происходящими изменениями гендерного порядка современных обществ. И. Кон связывает эти изменения с «семейной революцией», происходящей, по мнению ученого, в результате начавшихся в XX в. сексуальной и гендерной революций и приводящей к изменению семейных

и родительских практик (Кон, 2011), а также традиционной модели отцовства (Чернова, 2012а). Исследователями проблематизируется вопрос о второстепенной роли отца в воспитании детей (Авдеева, 2012; Синельников, 2015; Asenhend et al., 2014; Bailey, 2015; Dermott, Miller, 2015; Harrington et al., 2015), которая воспроизводится в общественном дискурсе (Синельников, 2015; Wall, Arnold, 2007). Предметом критики служит гендерная асимметрия родительства, формирующаяся в рамках традиционной гендерной культуры, во многом в результате консервативной семейной политики, ориентированной преимущественно на поддержку матерей (Чернова, 2012 а). В зависимости от набора родительских практик, степени вовлеченности мужчин в заботу о детях, стратегий воспитания детей и различий в понимании, что значит быть хорошим отцом — в научном дискурсе выделяются две модели отцовства: традиционная и современная.

Традиционное отцовство

Традиционная модель отцовства соотносится с набором и разделением ролей, которое Т. Парсонс выделил для мужчины при описании модели нуклеарной семьи. В такой семье преобладает дифференциация ролей в семье по признаку пола, что, по мнению автора, «...является ключевым аспектом существования семьи и общества в целом» (Парсонс, 2006: 8). В рамках данной модели женщине отводится роль «домохозяйки». Она должна выполнять экспрессивную функцию, включающую заботу о детях и муже. А мужчине отводится инструментальная функция (Парсонс, 2006), которая в основном включает в себя: «обеспечение семьи/детей; их защиту; специфические задачи воспитания, такие как утверждение родительской власти, приучение к дисциплине, порядку, в случае необходимости — наказание детей» (Тартаковская, 2005: 198). Таким образом, степень успешности выполнения гендерной роли мужчиной в данном случае определяется его успехом на работе. Хороший отец в традиционной модели: обладает персонификацией власти; выполняет роль кормильца, который в полной мере обеспечивает семью; является примером для подражания детям и высшим дисциплинатором (Кон, 2008).

Традиционное отцовство описывается исследователями метафорой «отсутствующего» отца (Клецина, 2009; Кон, 2005, 2006; Рождественская, 2010), подчеркивающей неучастие мужчин в повседневных практиках заботы о ребенке и его воспитании. Дж. Бейли для описания неоднозначной позиции маскулинности в контексте семейных отношений предлагает концепт «патриархального дефицита» — в противовес понятию «патриархальные дивиденды» Р. Коннелл. Если Коннелл исходит из представления о том, что мужчины занимают привилегированное положение в гендерном порядке и получают ряд дивидендов, выражающихся в более высокой оплате труда, доступе к политике и наличию власти и контроля, то Дж. Бейли замечает, что в сфере отцовства дела обстоят наоборот: мужчины оказываются в менее привилегированном положении по сравнению с женщинами. «Патриархальный дефицит» проявляется для мужчины именно в ограничении времени, которое отец может провести со своими детьми. Данные ограничения связаны со спецификой рынка труда и гендерными аспектами занятости, а также гендерной политикой, при которой женщины являются основными лицами, осуществляющими уход за детьми, а мужчинам выделяется роль второстепенного родителя (Bailey, 2015: 15).

Современные исследователи до сих пор отмечают присутствие и распространение традиционной модели «отца-кормильца» в общественном дискурсе (Harrington et al., 2015; Wall, Arnold, 2007). Исследователи Уолл и Арнольд утверждают, что ожидания вокруг новой модели отцовства не совпадают с реальностью, где до сих пор превалирует дисбаланс распределения ролей между отцом и матерью в вопросах воспитания и ухода за детьми. На основе анализа материалов канадской газеты «The Globe and Mail» эти

авторы приходят к выводу о том, что нормативная гендерная роль мужчины-кормильца не теряет своей значимости, отцу до сих пор отводится второстепенная роль в процессе воспитания и ухода за детьми. Несмотря на то, что общественное представление об отцовстве, содержании роли отца меняется в сторону его большего участия в организации и осуществления заботы о детях, отцы по-прежнему позиционируются как менее важные фигуры в воспитании детей (Wall, Arnold, 2007). Также исследователи отмечают, что в некоторых случаях, например, в роддоме или на работе, мужчины как отцы могут сталкиваться с дискриминацией. В качестве примеров приводятся распространенные ситуации, когда врачи, обсуждая различные аспекты развития плода, обращаются преимущественно к женщине, при этом игнорируя присутствующего на консультации мужчину, или когда коллеги и начальство с насмешкой и непониманием относятся к желанию молодого отца взять отпуск по уходу за ребёнком (Bailey, 2015; Miller, 2015).

Таким образом, традиционная модель отцовства соответствует парсонсианской модели нуклеарной семьи, где мужчина выполняет функцию кормильца и защитника семейства, а степень успешности данной роли зависит от уровня дохода и наличия власти у мужчины внутри и вне семьи. Так, к практикам хорошего традиционного отцовства можно отнести: наличие четкой позиции насчет будущего и нынешнего развития ребенка, контроль за семьей в целом, контроль за дисциплиной детей, редкое времяпрепровождение с детьми (только по выходным), редкое посещение развлекательных мероприятий, полное обеспечение семьи. Хотя в российском обществе данная модель до сих пор остается нормативной, результаты исследований показывают увеличение ориентации на эгалитарное разделение обязанностей в семье и распространение мнения относительно важности участия отца в воспитании детей.

Современное отцовство

Появление и развитие критической парадигмы и возникновение мужского вопроса в социологических гендерных исследованиях дают возможность рассматривать модели отцовства, альтернативные традиционной. Модель современного отцовства наделяется разными названиями, Например, «вовлеченное» отцовство подразумевает непосредственный интерес мужчины к воспитанию своих детей, участие в их жизни, ответственность и заботу: ««хороший» отец должен быть максимально вовлечен в жизнь своих детей» (Авдеева, 2012: 96). Такие отцы проявляют заботу по отношению к своим детям и имеют эмоциональную связь с ними (Dermott, Miller, 2015). Е. Рождественская говорит о наличии модели «социал-демократический отец»: он «очень интересуется развитием и повседневной активностью детей, ведет беседы, заботится о школьных успехах, детоцентричен» (Рождественская, 2010). И. Клецина разделяет «ответственных» и «новых» отцов: первые принимают активное участие в жизни ребенка, но не готовы оставить свою работу для ухода за ним, «содержание отцовского поведения весьма похоже на материнское поведение, однако вклад отца в развитие и воспитание ребенка в целом меньше материнского вклада» (Клецина, 2009). «Новое» отцовство подразумевает эгалитарное отношение к распределению обязанностей между супругами: отец такого типа находит баланс между работой и воспитанием детей и способен взять отпуск по уходу за ребенком и осуществлять заботу и уход за детьми наравне с матерью детей (Harrington et al., 2015).

Движение к современной модели отцовства происходит в разной степени в разных странах. Большинство исследователей в первую очередь пытаются выявить, где данные изменения происходят быстрее всего, и понять, что в большей степени их определяет. Современные авторы отмечают изменение старых и распространение новых практик отцовства и, наоборот, встречающиеся несоответствия между нормативными

предписаниями об отцовстве и его функциях и социальными ожиданиями (Авдеева, 2014; Harrington et al., 2015; Wall, Arnold, 2007). Т. Миллер говорит о важности изучения таких малых групп отцов, у которых именно практики радикально отличаются от традиционных, чтобы увеличить размах изменений, происходящих в современном отцовстве (Miller, 2015). Если обратиться к российскому контексту, то прослеживается распространение традиционной модели на уровне институтов и появление моделей современного родительства вообще и отцовства в частности на уровне практик.

Российский вариант «хорошего отца»

Для российского гендерного порядка характерна ситуация «патриархального дефицита». Государственная семейная политика направлена на четкую дифференциацию родительских ролей: как в риторике политических документов, так и на уровне реализации программ, направленных, например, на создание оптимальных условий для совмещения профессиональной занятости и материнства, именно матери определяются в качестве основного поставщика заботы о детях. Несмотря на пронаталистскую семейную политику, а также сильное влияние традиционных представлений о семейных и родительских ролях мужчин и женщин, данные массовых опросов показывают определенный сдвиг в сторону большего гендерного равенства (Отцы, матери, бабушки: кому воспитывать ребенка, 2008; Отец сегодня — больше, чем отец, 2017). Хотя при этом остается существенный разрыв между дискурсами и практиками.

Исследователи отмечают появление новых практик у отцов еще на этапе беременности супруги (Ангелова, Темкина, 2009). Участие будущего отца в родах обусловлено недоверием к медицине и к системе родовспоможения в целом: отец выполняет роль контролера медперсонала. Авторы выделяют две модели участия отцов в родах, которые характеризуются «разной степенью вовлеченности на этапе беременности жены (помощь жене, совместное посещение курсов, консультаций) и в планировании семейных родов» (Ангелова, Темкина, 2009: 507). Так, отцы первой модели проявляют активное участие на протяжении всего процесса беременности и родов. Отцы второй модели проявляют лишь формальное участие, следят за процессом со стороны. Первая модель в большей степени демонстрирует новые практики отцовства, она предполагает равенство между супругами, что позволяет исследователям сделать вывод о трансформации традиционных практик родительства (Ангелова, Темкина, 2009).

Также для российского контекста в большей степени характерна модель современного отцовства, при которой отец включен в процесс воспитания и ухода за ребенком, но не оставляет профессиональную занятость. А. Авдеева отмечает отличие российского контекста и две модели «вовлеченного» отцовства, различные по стратегиям: «управление» и «исполнение». Первая стратегия подразумевает активное участие отца в воспитании ребенка и равное распределение обязанностей, в то время как вторая характеризуется более пассивным участием в воспитании детей и соотносится с традиционной моделью отцовства. Для российских семей в исполнении обеих стратегий важным остается то, чтобы «вовлеченное» отцовство не оказывало отрицательного влияния на профессиональную деятельность отца, так как он продолжает оставаться основным добытчиком в семье (Авдеева, 2012: 103).

В целом, можно сказать, что изменения в сфере родительства и отцовства происходят в разной степени в разных сферах и обществах. В российском контексте отмечается зарождение новых практик отцовства, однако структурные условия (семейная политика, ориентированная на поддержку материнства и детства), а также гендерная культура (стереотипы о том, что роль матери в заботе о ребенке важнее и что она лучше заботится о детях) не позволяют мужчинам реализовывать поведенческие модели ответственного

отцовства. Общими характеристиками хорошего современного отцовства являются: максимальная вовлеченность в жизнь детей; вовлеченность отца в непосредственный уход, обучение, общение или игру с ребенком; доступность отца для ребенка; ответственность за воспитание и принятие соответствующих решений.

В академической литературе, как правило, выделяются две модели отцовства: «традиционная», характеризующаяся высокой степенью ориентации отца на профессиональную деятельность с целью прокормить семью, и современное «включенное» отцовство, появившееся не так давно и характеризующееся большим включением отцов в процесс воспитания своих детей. В данной работе будет использована эта условная схема, необходимая для операционализации понятия отцовства. Фокусируясь на практиках «вовлеченных» отцов, чтобы определить, как при «патриархальном дефиците» современного российского общества реализуются новые формы активного участия отца в уходе за ребенком, мы обратим внимание на те практики, которые характеризуют мужчину как «хорошего отца» нового типа: участие в родах и пренатальных курсах с супругой, использование отпуска по уходу за ребенком, разделение домашних обязанностей наравне с супругой, продолжительное времяпрепровождение с детьми, наличие различных по роду деятельности активностей (развлекательные, обучающие, включающие повседневный уход).

Эмпирические материалы исследования¹

Современные исследователи отцовства подчеркивают важность изучения медиа-репрезентаций (Коннелл, 2015; Harrington et al., 2011; Wall, Arnold, 2007), конструирующих представления о нормативном родительстве и тем самым влияющих на реальные практики индивидов. Как отмечают исследователи, некоторые институты чаще поддерживают и продвигают традиционную модель отцовства, например: фильмы и развлекательные передачи (Синельников, 2015), газеты (Wall, Arnold, 2007). В то же время интернет-пространство представляет широкий диапазон возможных репрезентаций, в том числе новых моделей родительства. Интернет-ресурсы (сайты, форумы, социальные сети, блоги) становятся для родителей массовым и доступным способом сбора интересующей их информации, общения и обмена мнениями по вопросам воспитания, а также для нормализации и документирования своего родительского опыта (Dworkin, Connell, Doty, 2013). Отмечая, что матери и отцы по-разному используют онлайн-ресурсы, исследователи фиксируют при этом проблему недостаточности знаний об отцовских онлайн-практиках (Dworkin, He, 2015).

Учитывая вышесказанное, блоги отцов, где авторы с определенной периодичностью публикуют посты и делятся историями из своей жизни, можно рассматривать как одну из онлайн-площадок, анализ которой поможет понять: каким образом мужчины определяют для себя отцовство в рамках своего жизненного проекта, содержание роли отца; какие родительские практики они выбирают; с какими вопросами и проблемами сталкиваются в своей повседневной жизни и как их решают.

Блоги стали рассматриваться в качестве материалов социологического исследования относительно недавно. По мнению исследователей, анализирующих их, этот способ получения информации о социальной реальности — хорошая альтернатива интервью и опросам, поскольку открытые блоги выступают не только источником информации о жизни индивида, но и, как общедоступные истории, являются одним из дискурсивных

¹ Хочу выразить благодарность Кристине Лачко — выпускнице бакалаврской программы социологического департамента Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук НИУ ВШЭ за помощь в сборе эмпирических данных.

источников, оказывающих влияние на их читателей (Asenhend et al., 2014; Hookway, 2008; Stehouwer, 2014). Исследования блогов отцов посвящены различным аспектам отцовства, например: первый опыт отцовства в период беременности партнерши (Asenhend et al., 2014), опыт отцовства в воспитании детей с аутизмом (Stehouwer, 2014). Наше исследование фокусируется на изучении характерных для российского контекста практик отцовства в целом.

Блоги для анализа выбраны следующим образом: с помощью ключевых слов произведен поиск блогов в поисковой системе Google (запросы: блог отца; блоги отцов; отец блог; отец, ведущий блог) и найдено 17 блогов, которые вошли в первоначальный список сайтов для анализа. Из полученного списка выбраны блоги, которые соответствовали следующим критериям:

1. Самонаименование, то есть в названии или описании данного блога должно быть указано, что это блог об отцовстве и именно мужчина, имеющий опыт отцовства, является автором публикуемых в нем постов. Например, блоги «Crazyрапа», «Хоккейный Папа» и блог «Путешествия с детьми».
2. Блог должен являться общедоступным контентом, то есть информация в блогах не является конфиденциальной, а, наоборот, общедоступна и может быть использована для анализа.
3. Продолжительность ведения блога: мы полагаем, что конфигурация практик, связанных с воспитанием и заботой о ребенке вообще, и отцовских практик в частности, меняется в зависимости от возраста ребенка.

Всего для анализа было отобрано пять блогов, которые соответствовали всем заданным критериям: «Блог А-Каткова», «Картонный Папа», «Степан Иван», «Папа Карло», «Батин Блог».

Анализ блогов отцов проводился с использованием метода дискурсивного анализа текста, который был направлен на выделение категорий, используемых авторами, и реконструкцию смыслов и значений этих категорий (Тичер и др., 2009). Выделенные категории обобщались на основе критериев, характеризующих образ «хорошего отца». На основании проведенного анализа нами были выделены три аспекта репрезентаций «хорошего отца»: 1) идеология отцовства, 2) конфигурации практик, 3) проблемы, с которыми сталкивается сам отец или оба родителя. За единицу анализа был взят один пост в блоге, при этом объем поста мог варьироваться от нескольких строчек до текста в несколько страниц. Далее более подробно представим результаты, полученные в ходе анализа эмпирического материала по каждой из выделенных категорий.

Идеология «хорошего отцовства»

Под идеологией родительства в целом и отцовства в частности понимается набор ролей, норм и ценностей, относящихся к уходу, заботе о детях и их воспитанию. Как было указано ранее, условно можно выделить две модели отцовства: традиционное и современное (Кон, 2006; Чернова, 2012а, 2013). Традиционное родительство биологически детерминировано, для него характерна гендерная асимметрия родительских ролей; роли отца и матери жестко закреплены, их содержание нормативно задано и мало зависит от «индивидуального исполнения» (например, классовой, этнической принадлежности и др.). В современном родительстве, в отличие от традиционного, детско-родительские отношения необязательно основаны на биологическом родстве. Достаточно распространенным является так называемое социальное родительство, когда взрослые члены семьи выполняют функции заботы и воспитания по отношению к ребенку, который не является им кровным родственником. Современное родительство

не предполагает жесткой гендерной асимметрии родительских ролей. Содержание ролей контекстуально, оно, как и разделение практик заботы о детях между родителями, является предметом переговоров между ними. В итоге это находит выражение в плюрализации моделей и практик родительства, которые зависят от классовой позиции, образовательного уровня, этнической принадлежности родителей, а также от возраста ребенка и этапа жизненного цикла семьи. При анализе репрезентаций отцовства в блогах важно было понять, как отцы мыслят отцовство и родительство в целом, какие ценности родительства они транслируют; какой принцип разделения обязанностей по воспитанию детей преобладает в их нарративах о воспитании ребенка; кто обладает авторитетом в семье.

Авторами изученных блогов подчеркивается важность участия отца в воспитании детей, и родительство является важной сферой для их самореализации. Хороший отец позиционируется не только как источник финансового благосостояния семьи, а как пример для подражания, транслирующий идеальный образ мужественности для ребенка, а также передающий свой жизненный опыт и навыки. Проиллюстрируем данный тезис на примере следующих цитат:

«Напишу банальность: папа очень важен для воспитания ребенка, а мальчика особенно. Сыну папа обязательно должен передать свой опыт, знания. Не только показать, какой папа умный, но и рассказать о своих ошибках и объяснить, почему он считает их ошибками» (А-Катков, 22.04.2015)

«Хороший отец — не тот, кто способен в любой момент вынуть из кармана любую сумму денег, как фокусник зайца из шляпы, а тот, кто делает свое дело — где может и как может» (Батин Блог, 29.06.16)

При этом фигура отца не мыслится как главная в семье, отец в данном случае не является единственным авторитетом в семье. Родительский авторитет разделяется в равной степени между отцом и матерью. Однако подчеркивается важность наличия единой воспитательной модели у отца и матери:

«В семье должна быть единая воспитательная доктрина! Чудесные результаты в воспитании детей дает согласованность действий между родителями. Даже находясь не вместе, мы принимаем одинаковые воспитательные решения» (Папа Карло, 31.02.2015)

С появлением первого ребенка авторы блогов отмечают изменения в своем отношении к отцовству и родительству вообще. Оно характеризуется не только появлением ответственности за ребенка, но и сопровождается положительными эмоциями:

«Раньше я думал, что маленький ребенок — это такой непрерывно писающий, какающий, срыгивающий, пукающий и кричащий бестолковый комочек, радующий своими “вредоносными” действиями только его маму (любой маме покажи пальчик её ребенка — она и счастлива). Отец же, думал я, будет рад сыну только лет через 10, когда его можно будет отправить в бар налить и принести стакан виски... Но я ошибался! Потому что нет большего удовольствия и наслаждения, чем наблюдать за тем, как растет твой малыш» (Степан Иван, 21.10.2012)

Необходимо отметить, что не все отцы, чьи блоги стали объектом изучения, придерживаются преимущественно либерального подхода в воспитании детей, характерного для современного «вовлеченного» отцовства. Нередко это вполне традиционная позиция

отца относительно будущего ребенка, дисциплины в семье, отношений с супругой или других жизненных ценностей:

«Если честно, я до сих пор не могу понять, как можно приравнять один, генетически более сильный, пол к другому, более чувствительному и нежному. Свыше было предопределено, кто и за что должен отвечать в семье, в быту, в жизни» (Батин Блог, 06.04.2016)

Но при этом отцовство (родительство) авторов проанализированных блогов не является авторитарным в том смысле, как это понимается в научной литературе (Кон, 2005). Их представления о хорошем отце, скорее, вписываются в современную модель родительства, поскольку авторами подчеркивается важность свободы выбора ребенка, а также решения конфликтов путем компромисса и переговоров, а не с помощью любого типа принуждения со стороны родителя. По мнению авторов блогов, отец (и родители в целом) не должны своими действиями вызывать у ребенка страх из-за его неподчинения и нарушения им дисциплины.

«Гуляя с Тимуром, практически каждый день сталкиваюсь с тем, что другие родители бьют своих детей, ругают, обзывают, выплескивают на них свой негатив. Хочется остановить взрослого, сказать, что так нельзя делать — это же ваш малыш» (А-Катков, 15.04.2010)

«Иногда балуется, иногда не хочет. А мы не суровые поклонники военной дисциплины дома. Поэтому и помогаем, и одеваем, и кормим» (А-Катков, 20.01.2014)

Блог позиционируется отцами не только как дневник повседневной жизни родителей и ребенка, но и как способ развеять стереотипы о родительстве, показать, как можно интересно проводить время с ребенком, поделиться советами по воспитанию и узнать мнение других родителей. Авторы отмечают, что нередко мужчины мало вовлечены в заботу и воспитание детей, и хотя на своем примере продемонстрировать, как можно успевать и работать, и проводить время с семьей:

«...хочется всеми способами доказать, что жить в свое удовольствие можно и с детьми» (Батин Блог, описание)

«Друзья, вот скажите, кто-нибудь мне может объяснить, почему ни на какие детские мероприятия не ходят мужчины? Как я писал недавно — прихожу в детский садик на утренник. Ну, вроде как дети старались, готовились, стишки-песенки учили, а в зале одни мамы и бабушки. Мужчины тоже есть, но буквально два-три человека. Приходим на детский день рождения. Гостей полно, а из мужчин только я, Ваня и Стёпа» (Степан Иван, 13.03.17)

Таким образом, отцовство позиционируется как важная сфера для самореализации мужчины. «Хороший отец» является для ребенка, в первую очередь, примером для подражания, и его роль не сводится к исключительно финансовому обеспечению и дисциплинарным требованиям. Также «хороший отец» не является единственным, главным авторитетом для детей. Авторитет разделяется между супругами или между всеми взрослыми, осуществляющими уход за ребенком (представителями старшего поколения семьи, няней). Роль родителя мыслится в категориях предоставления выбора и создания условий для развития ребенка. Важно отметить, что сама возможность применения физической силы в воспитании ребенка полностью исключается.

Практики «хорошего отцовства»

К практикам современного отцовства относятся: посещение курсов подготовки к родам и родительству вместе с матерью ребенка и присутствие отцов на родах (Ангелова, Темкина, 2009); использование отпуска по уходу за ребенком, оформление больничного листа в случае болезни ребенка; более равное деление домашних обязанностей и участие в осуществлении повседневного ухода за ребенком; продолжительное времяпрепровождение с детьми; «качественное» проведение времени с ребенком (Авдеева, 2012), то есть не только развлекательная, двигательная активность, но и обучение и развитие. Для сравнения, к практикам «хорошего отца» в традиционной модели относятся, в первую очередь: материальное обеспечение семьи; регламентация поведения всех членов семьи и дисциплинирование поведения ребенка; контроль за семьей в целом; достаточно редкое и фрагментированное совместное времяпрепровождение с детьми и семьей, например, по выходным или в отпуске, редкое посещение развлекательных мероприятий с детьми (Кон, 2006; Клецина, 2009).

Несмотря на то, что большинство отцов, ведущих блоги, считают, что совместные роды — это важный и необходимый поступок как для самого мужчины, так и для семьи в целом, не все отцы присутствовали при рождении первого ребенка. Это связано с разными причинами: отсутствием возможности совместных родов в том медицинском учреждении, где проходили роды; занятость на работе и невозможность отпроситься с работы или отсутствие из-за командировки; медицинские основания, связанные с состоянием здоровья роженицы и характером протекания родов, например, кесарево сечение. В подобных случаях отцы практически не участвовали в этом семейном событии: они только отвозили жену в родильный дом и потом получали новости о рождении малыша. Однако впоследствии они изменили не только свое отношение к совместным родам, считая это событие важным в истории семьи и формировании отцовской идентичности, но и испытали этот опыт при рождении второго и последующих детей:

«Не спавшая больше суток, она творила свой подвиг, пока меня не было рядом. Видимо, это косяк. Потому что даже от сторонних мужиков слышал версию, что быть рядом с женой во время родов — очень важно с точки зрения поддержки. Подумаю над этим» (Батин Блог, 10.09.2015)

В то же время среди авторов блогов встречается представление о том, что совместные роды — это, скорее, мода, чем необходимость. Так, один из авторов считает, что мужчина не должен не только присутствовать на родах, но и сам процесс не должен быть документирован (фото-, видеосъемка), так как считает, что, во-первых, мужчина не должен видеть женщину в данной ситуации; во-вторых, он не сможет оказать необходимую помощь своей жене в этот момент; при этом его жена с ним солидарна. Такая позиция является хорошим примером того, что современное родительство не нормативно, супруги сами могут формулировать правила и нормы поведения, устраивающие их.

В своих блогах отцы крайне редко упоминают практики своего участия в уходе за новорожденным ребенком. Как правило, это объясняется возрастом ребенка и связанной с этим спецификой ухода за ним (например, грудное вскармливание). Однако нельзя сказать, что современные «хорошие отцы» совсем устранились в этот момент, передавая ответственность по уходу за ребенком матери. Напротив, именно в этот период, по мнению авторов блогов, очень важно, чтобы мужчины как можно больше помогали своим женам и поддерживали их после рождения ребенка:

«Поэтому первый и самый важный совет — будьте рядом с женой и ребенком в первые дни после рождения» (Батин Блог, 10.09.2015)

«Я плохо помню первые дни его жизни, но, как ни странно, отлично помню первые его ночи. Ибо проводили их мы вместе. Маме нужен был покой, поэтому нам надо было помочь ей восстановиться, чтобы она могла полной сил вступить на свой важнейший пост» (Батин Блог, 14.05.2016)

В период от рождения ребенка до шести месяцев отцы редко остаются с ним наедине продолжительное время — обычно, лишь на время короткого отсутствия матери. В этом случае, отец берет на себя все обязанности по уходу в соответствии с четким планом и инструкциями, которая составила мать:

«В мою задачу входило — остаться в квартире один на один со Степой, сидеть в комнате и не отвечивать, пристально и неотрывно следить за экраном монитора видеоняни, по первому зову Степы являться с капельками, подгузниками и прочими гаджетами, а главное — пабам! — покормить его! Ну, не грудью, конечно (хотя, конечно, Доцент бы заставил), а из бутылочки. В полночь мне был дан мастер-класс кормления и последние напутственные слова...» (Степан Иван, 12.09.12)

Со временем, когда ребенок подрастает, отцы больше включаются в заботу о детях. Они вырабатывают собственные практики ухода, собственные способы «обращения с ребенком», находя подходящие для себя и эффективные «лайфхаки» — например, как быстро усыпить, накормить и переодеть ребенка:

«Тебе выдано важное поручение — переодеть ребенка. Все “боеприпасы” под рукой, объект переодевания смотрит на тебя преданными и одновременно озорными глазами. В руках у него твой порванный блокнот, и ты начинаешь выискивать лучшую стратегию подхода к сыну, которая обеспечит полную его капитуляцию до побега в другую комнату» (Батин Блог, 11.10.2016)

«На ночь я притащил автокресло в дом. Сработало!!! Три месяца дочь засыпала, не замечая подвоха. Потом “прочухала”. Но кресло же можно... раскачать! Еще полгода спокойствия» (Папа Карло, 04.03.2015)

По мере взросления ребенка практики «хороших отцов» становятся более похожими на то, как матери ухаживают за детьми. Иными словами, они перестают быть гендерно-маркированными, поскольку оба родителя участвуют в уходе и заботе о ребенке вместе. Гендерная нейтральность родительских практик выражается в том, как изменяются темы и содержания постов в отцовских блогах. Если вначале авторы блогов пишут о своем первом опыте нахождения с детьми наедине или об усталости матери и той помощи, которую ей может оказать мужчина, то по мере взросления ребенка в постах описываются совместные прогулки, путешествия или игры, в которых принимают участие оба родителя:

«С рождением Пересвета естественным образом акции культпросвета у нас ограничились до выжидания момента, когда же ребенка можно будет брать с собой. Утоляли свой интеллектуальный голод лишь походами в кинотеатры. Но вот настала пора открывать новые горизонты для себя и сына» (Батин Блог, 28.01.2017)

Анализ эмпирического материала позволяет говорить о том, что современные «хорошие отцы» в своих практиках заботы о детях не только не воспроизводят гендерно-

асимметричное родительство, но и ищут свои оригинальные способы для повседневного ухода за ребенком, его обучения и воспитания. Например, Картонный Папа — автор одного из изучаемых в исследовании блогов — придумывает вместе со своей дочерью новые игрушки. Отцы также пользуются советами супруг, у которых учатся на начальном этапе и чьим наставлениям следуют. Кроме того, они активно учатся новой для себя социальной роли, перенимая советы по воспитанию из книг или фильмов (Степан Иван, 22.07.2016; А-Катков, 13.04.2014), а также из блогов других отцов:

«До России популярность этого видеоблоггера только докатывается... В какой-то степени его подход стал для меня примером, в голове прошел небольшой мозговой шторм, и надо будет посмотреть, что из этого выльется. Даже не представляете, как было обидно, когда увидел одну мою идею уже реализованной им» (Батин Блог, 08.07.2016)

Для современного родительства в целом и отцовства в частности характерна рефлексивность: индивиды не просто исполняют предписанные им социальные роли, но и переосмысливают их в зависимости от структурных условий, контекста индивидуальной биографии. Так, авторы блогов, описывая собственные практики отцовства, отмечают, что содержание и конфигурация этих практик не являются константой, они меняются в зависимости от возраста ребенка:

«Забыли об опасностях раннего развития, про перегрузить ребенка информацией и т. д. Наступил новый этап. Теперь всё ровно наоборот! Впитываем, впитываем, впитываем» (Картонный Папа, 21.09.2012)

В период, когда ребенок ходит в детский сад, родители испытывают частичное снижение нагрузки повседневного ухода за ребенком. Обязанность приводить и забирать ребенка из детского сада приблизительно равномерно делится между родителями, частично эти обязанности могут быть переложены на няню, если семья пользуется такими услугами, или на бабушек и дедушек. В период посещения детского сада и обучения в школе отцы также активно включены в образовательный и воспитательный процесс: авторы анализируемых блогов публикуют свои мнения об учителях, воспитателях, детских садах, а также о системе образования в целом. Выбор того или иного учебного заведения осуществляется совместно с супругой, на него не в последнюю очередь оказывают влияние способности и склонности ребенка, что релевантно с точки зрения идеологии современного родительства. Также отцы наравне с матерями коммуницируют с воспитателями и учителями и пытаются донести свой взгляд на воспитание:

«Надо отдать должное нашим прекрасным учителям. Мы поговорили, привели аргументы, рассказали свою позицию о новом дневнике. Сказали, что мы бы хотели сохранить старый. И работать с Тимуром над улучшениями. В нашу пользу еще сыграло то, что у Тима с поведением были вопросы. Но наша постепенная работа, разговоры, обсуждения — дали результаты. Теперь у учителей нет претензий на уроках» (А-Катков, 6.12.15)

Анализ эмпирического материала показал, что представления о родительстве, содержании отцовской роли и практиках заботы о ребенке — контекстуальны. Они меняются в зависимости от возраста ребенка, родительского стажа, и становятся предметом обсуждения и рефлексии авторов блогов. Мужчины не сразу после рождения ребенка включаются в процесс ухода за ним. Если с младенцами отцы только пробуют оставаться

наедине, при этом следуя четкому плану и указаниям матери или пользуясь помощью других родственников, то потом, по мере освоения отцовской роли, они разрабатывают свои собственные способы ухода за ребенком, изобретают «лайфхаки», позволяющие упростить и оптимизировать процесс заботы. Включенность отцов в процесс воспитания детей растет по мере взросления ребенка. Так, к основным практикам хорошего отца можно отнести: гуляние, купание, чтение перед сном, развивающие игры с ребенком. Все последующие практики, касающиеся развлечения или обучения ребенка, зачастую осуществляются совместно с матерью ребенка или по очереди. При этом современные «хорошие отцы», изобретая собственные способы ухода за ребенком, по мере его взросления меньше ориентируются на гендерную дифференциацию родительских ролей.

Проблемы «хороших отцов»

Отцы сталкиваются с рядом проблем, обусловленных структурными и культурными особенностями, которые ограничивают время, посвящаемое мужчинами уходу и заботе о ребенке, и их включенность в процесс воспитания. Так, отцы зачастую рассматриваются государством, обществом и матерями как менее компетентные, выполняющие по сравнению с матерью роль второстепенного родителя, особенно если речь идет о маленьких детях.

Ролевой конфликт, с которым сталкиваются мужчины, не является уникальным и характерным исключительно для отцов. Проблема совмещения профессиональных и родительских ролей не менее, а может быть, и более актуальна для молодых матерей (Чернова, 2012с; Савинская, 2013). В зависимости от того, о матери или об отце идет речь, проблема баланса семьи и работы имеет различные способы решения. Несмотря на то, что семейное законодательство РФ предоставляет право на отпуск по уходу за ребенком как матерям, так и отцам, число мужчин, реально воспользовавшихся этим правом, остается крайне низким по сравнению с западными странами. Как показывают результаты исследований, в России в отпуск по уходу за ребенком уходят только 2% мужчин, в то время как в Швеции 75% отцов частично используют свой отпуск (Кравченко, Мотеюнайте, 2008). Экономические причины (размер пособия по уходу за ребенком, условия предоставления и использования родительского отпуска) и культурные конвенции предписывают мужчинам продолжать работать сразу после рождения ребенка, что существенно сокращает для них время, которое они могут посвятить заботе о ребенке (только в выходные и/или после работы).

«Не знаю, отец ли я года, да и вообще отец ли? И может ли считаться отцом человек, который живет в мастерской всё последнее время?» (Картонный Папа, 04.12.2012)

При этом отцы-авторы блогов декларируют готовность, в случае необходимости, воспользоваться имеющимся у них правом на заботу (взять отгул, отпуск):

«Поэтому читающим эти строки папашам я скажу лишь одно — нужно быть готовым к тому, чтобы взять отгул или отпуск. Ведь с ребенком нужно не просто играть, у нас паренек может спокойно рыться в игрушках сам по себе. За ним нужно следить» (Батин Блог, 27.02.2016)

Проблема совмещения семьи и работы — это, в первую очередь, проблема регламентации времени. Авторы разрабатывают собственные стратегии, которые позволяют им проводить больше времени с детьми:

«Очень важно выработать не просто план, а целую стратегию, которая должна помочь быть в тонусе, успевать работать и не забывать при этом о семье» (Батин Блог, 26.01.2016)

«Когда-то давным-давно Даша повелела установить славную и добрую традицию — чтобы Стёпа не забывал, как я выгляжу, и не путал меня в толпе родственников, нянек и домработниц, по будням я должен был являться домой 2 раза в неделю ровно в 20.00» (Степан Иван, 12.03.2013)

В качестве «лайфхака», который помогает обозначать для ребенка присутствие отца дома, приводится, например, такой совет:

«Стало быть, необходимо было разработать коронный звуковой эффект, чтобы он в момент понимал, что вернулся батя» (Батин Блог, 16.10.2015)

Конечно же, современные «хорошие отцы» понимают важность материального благополучия семьи, которое также является ресурсом для развития ребенка. Они и сами не отказываются от выполнения роли «кормильца», и поддерживают своих жен в желании вернуться на рынок труда после рождения ребенка. Проанализированный опыт блогеров показывает, что один из способов совместить противоречивые ролевые требования «кормильца» и «отца» — это выбор определенного типа занятости, позволяющего работать дистанционно, фриланс, а также открытие собственного бизнеса. Такая форма занятости позволяет мужчинам часть работы выполнять дома и, соответственно, проводить с детьми больше времени, чем при фиксированном графике работы:

«Иришка родилась в последний год существования нашей студии, и так как график работы в своей компании отличается от схемы «с 9.00 до 18.00, и до бесконечности», то я весь этот первый год был с семьей очень много, и мне это нравилось. Я хочу своими глазами видеть, как ребенок растет, как она развивается и учится. Хочу сам учить ее, рассказывать как устроен мир, гулять и играть с ней. Я не хочу больше уходить, когда они еще спят, и приходиться, когда они уже спят, и так почти каждый день... Понятно, что работать все равно нужно, но времени на семью, однозначно, получается уже больше выделять» (Картонный Папа, 15.05.2013)

Кроме трудности совмещения профессиональных и родительских обязанностей проблемой для молодых отцов становится поддержание отношений с друзьями и знакомыми в прежнем формате. Авторы блогов пытаются показать, что, вопреки стереотипам, наличие ребенка — не ограничение, а скорее ресурс, который может использоваться, в том числе, и для увеличения социального капитала родителей. После рождения ребенка у них часто меняется круг общения, и в качестве новых друзей появляются пары с детьми:

«Семья и дети — это дополнительный повод для коммуникации, но никак не барьер для нее. Раньше люди жили общинами, постоянно друг с другом общались, и уж дети точно не были причиной ухудшения отношений. Наоборот, только поводом для их скрепления. А в нашу бытность семья с ребенком сразу оказывается в некоем вакууме, потому что их и в гости не позовешь, и в заведение с ними не сходишь, и в Москву сообщать не поедешь. Но это только в головах, на деле оказывается все проще, и уж точно реализуемо» (Батин Блог, 14.07.2016)

Анализ блогов отцов показал также, что авторы проблематизируют вопросы, которые касаются родительства в целом. Так, например, их волнует, насколько городская

среда, в которой они живут, является «дружественной» семье (Шпаковская, Чернова, 2017). Авторы не только пишут об этой проблеме, но и составляют своеобразный рейтинг «дружественных» ребенку мест в публичном пространстве (торговых центров, кафе, ресторанов и пр.):

«Многие цивилизные места вводят своеобразный фейсконтроль, по которому агукающие и сосущие пальцы мини-люди не имеют права находиться под крышей этого элитного ресторана» (Батин Блог, 13.02.2016)

Также отцы отмечают негативное отношение других людей при появлении ребенка в самолете, поезде или других общественных местах:

«К примеру, уже сейчас ожидаем неудовлетворенное цыканье соседней по местам ввиду наличия маленького ребенка рядом с ними» (Батин Блог, 01.03.2016)

На основе анализа блогов отцов можно сделать следующее заключение о проблемах, с которыми сталкиваются современные отцы. Во-первых, это проблема баланса семьи и работы: профессиональная, семейная и родительская роли предъявляют к индивидам высокие, нередко конкурирующие друг с другом требования относительно времени и усилий, которые должны тратить индивиды на хорошее выполнение этих ролей. В этом смысле, для отцов, так же как и для матерей, работа является ограничивающим фактором в их стремлении быть «хорошим родителем». Анализ постов помог выделить способы нахождения баланса между семьей и работой, позволяющие отцу проводить с ребенком больше времени. Это жесткий тайм-менеджмент, создание четкого плана дня; выбор нескольких дней на неделю, когда отец будет приходить домой раньше; использование права на отпуск по уходу за ребенком, а также формат занятости, позволяющий отцу хотя бы периодически работать дистанционно. При этом анализ эмпирического материала не выявил структурного давления, испытываемого мужчинами со стороны социальных институтов при выполнении роли отца, о котором говорилось в первой части статьи.

Во-вторых, те аспекты повседневной жизни родителей, которые проблематизируются авторами блогов, носят гендерно-нейтральный характер. Проблемы баланса семьи и работы, изменения ритма жизни и круга общения после рождения ребенка активно обсуждаются и молодыми матерями. Таким образом, авторы блогов чаще всего отмечают проблемы родительства в целом, такие как отношения с друзьями после рождения ребенка, насколько общество и городское пространство «дружественно» семье в целом. Это также подтверждает тезис о том, что практики отцовства, представленные в блогах, вписаны в современную модель родительства, характеризующуюся плюралистичностью и рефлексивностью.

Заключение

Модель современного родительства и отцовства в разной степени распространяется в разных странах на уровне практик или на уровне институциональной поддержки. Для российского общества в целом отмечается более медленное движение к данной модели из-за консервативной семейной политики, гендерного неравенства на рынке труда и гендерной культуры, которые позиционируют мать как основного поставщика заботы о детях и отводят отцу второстепенную роль в реальных практиках заботы. Этим определяется важность изучения различных типов «вовлеченного» отцовства с целью понимания того, каким образом при «патриархальном дефиците» современного российского общества реализуются новые формы активного участия отцов в уходе за детьми.

В данном исследовании была предпринята попытка анализа блогов отцов с целью выявления тех практик отцовства и способов их репрезентаций, которые характеризуют мужчину как «хорошего отца». Результаты исследования позволили сделать вывод о том, что, во-первых, идеология нового отцовства в российском варианте представляет, скорее, «гибридный» вариант, в котором традиционная модель соседствует с современной.

Во-вторых, набор практик меняется в зависимости от возраста ребенка: чем старше ребенок, тем больше отцы включены в заботу о нем. В-третьих, сразу после рождения ребенка и в период младенчества практики отцов в большей степени вписаны в модель традиционного отцовства. В этот период отцы мало включены в повседневную заботу о младенцах, поскольку отпуск по уходу в подавляющем большинстве случаев берут матери, а отцы после рождения ребенка, в первую очередь, по экономическим причинам остаются на рынке труда. Они хотят, но не имеют возможности тратить на заботу о детях больше времени.

В-третьих, по мере взросления ребенка практики заботы о нем становятся все более гендерно-нейтральными, поскольку оба родителя включены в уход, воспитание, обучение и отдых с ребенком. Таким образом, практики отцовства все больше соответствуют модели современного родительства.

В-четвертых, для того чтобы быть более включенными в процесс воспитания детей, отцами разрабатываются собственные стратегии, «лайфхаки» по уходу за детьми, которые они активно используют на практике и тиражируют в своих блогах.

И, наконец, в-пятых, проблемы, с которыми сталкиваются отцы в повседневной жизни и которые становятся предметом их рефлексии в блогах (баланс семьи и работы, изменение качества жизни после рождения ребенка, организация городского пространства с точки зрения «дружественности» семье), не носят отчетливой гендерной специфики: они обсуждаются и молодыми матерями. Отличия можно увидеть, например, в способах их решения, а они определяются институциональным и культурным контекстом.

Итак, модель современного отцовства характерна для гендерной культуры современного российского общества. Важность отцовства как одной из значимых сфер жизни подтверждается тем вниманием, которое уделяют мужчины обсуждению содержания и практик отцовства, в том числе и в своих личных блогах. Распространение новой модели ответственного отцовства происходит не только в глобальной перспективе, на макроуровне, как результат гендерно-сбалансированной семейной политики, но и на индивидуальном уровне, и зависит от возраста ребенка. В целом, представление о «хорошем отце» подразумевает синтез двух основных моделей отцовства.

Литература

Авдеева А. В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 95–104.

Ангелова Е., Темкина А. Отец, участвующий в родах: гендерное партнерство или ситуативный контроль? // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности / Под ред. Здравомысловой Е., Роткирх А., Темкиной А. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 473–507.

Безрукова О. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 118–130.

Гурко Т. Вариативность представлений в сфере родительства // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 90–97.

Здравомыслова Е., Темкина А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15–24.

Клецина И. С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 29–41.

Кон И. С. Мужская роль и гендерный порядок // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 2. С. 37–43.

Кон И. С. Отцовство как компонент мужской идентичности // ДемоскопWeekly. 2006. № 237/238. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/analit03.php> (дата обращения: 10.01.2017)

Кон И. С. Отцовство как социокультурный институт // Педагогика. 2005. № 9. С. 3–16.

Кон И. С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // ЖССА. 2011. № 1. С. 51–65.

Кравченко Ж., Мотеюнайте А. Женщины и мужчины на работе и дома: гендерное разделение труда в России и Швеции // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 2. С. 177–200.

Отец сегодня — больше, чем отец? // ВЦИОМ [Электронный ресурс]: Пресс-выпуск № 3361. 2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116177> (дата обращения: 1.04.2017)

Отцы, матери, бабушки: кому воспитывать детей? ВЦИОМ [Электронный ресурс]: Пресс-выпуск № 969. 2008. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2973> (дата обращения: 1.04.2017)

Парсонс Т. Американская семья: ее отношения с личностью и социальной структурой / Пер. с англ. И. Н. Тартаковской // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2. С. 95–104.

Рождественская Е. Отцовство: либеральный тренд от отца к папе? // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 75–89.

Савинская О. Баланс работы и семьи: стратегии совмещения профессиональных и семейных обязанностей работающими матерями в Москве // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 2. С. 142–167.

Синельников А. Супружество, отцовство и материнство в российском обществе // Социологический журнал. 2015. № 4. С. 132–148.

Тартаковская И. Гендерная социология М.: ООО «Вариант» при участии ООО «Невский Простор», 2005. С. 368.

Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. А. Киселевой. Харьков: Гуманитарный центр, 2009.

Чернова Ж. Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии матерей // Журнал исследований социальной политики. 2012(с). Т. 10. № 3. С. 295–308.

Чернова Ж. Родительство в современной России: политика государства и гражданские инициативы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 1. С. 51–61.

Чернова Ж. Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012(b). Т. 15. № 1. С. 103–122.

Чернова Ж. Специфика гендерных отношений молодых взрослых // СОЦИС. 2012(a). № 7. С. 118–127.

Шпаковская Л., Чернова Ж. Город, дружественный семье: новое публичное пространство для детей и их родителей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 2 (138). С. 160–178.

Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник/ пер. с польск. Н. В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н. Е. Покровский. М.: Логос, 2007. С. 168.

Asenhend L., Alehagen S. and Kilstam J. Becoming a father is an emotional roller coaster — an analysis of first-time fathers blogs // Journal of Clinical Nursing, 2014. Vol. 23, № 9–10. P. 1309–1317.

Bailey J. Understanding contemporary fatherhood: masculine care and the patriarchal deficit // Families, Relationships and Societies, 2015. Vol. 4. № 1. P. 3–17.

Connell R. W. Masculinities. Cambridge: Polity, 1995.

Connell R., Messerschmidt J. Hegemonic masculinity. Rethinking the Concept // Gender & Society, 2005. Vol. 19. № 6. P. 829–859.

Dermott E., Miller T. More than the sum of its parts? Contemporary fatherhood policy, practice and discourse // Families, Relationships and Societies. 2015. Vol. 4. № 2. P. 183–195.

Dworkin J., He Y. Cyber dads: What are fathers doing online? // *Fathering*. 2015. Vol. 13. № 3. P. 219–230.

Dworkin J., Connell J., Doty J. A literature review of parent's online behavior // A literature review of parents' online behavior. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. 2013. Vol. 7. № 2. P. 1–12.

Harrington B., Van Deusen F., Fraone J. S., Mazar I. The new dad: caring, committed and conflicted. Boston College Center for Work & Family, 2011. URL: https://www.bc.edu/content/dam/files/centers/cwf/research/publications/researchreports/The%20New%20Dad%202011_Caring%20Committed%20and%20Conflicted (дата обращения: 10.01.2018)

Hookway N. "Entering the blogosphere": some strategies for using blogs in social research // *Qualitative Research*. 2008. Vol. 8. № 1. P. 91–113.

LaRossa R. Fatherhood and social change // *Men's Lives* / Eds. by M. Kimmel, M. Messner. Boston: Allyn and Bacon, 1995. P. 448–461.

Miller T. Contemporary fatherhood: continuity, change and future // *Families, Relationships and Societies*, 2015. Vol. 4. № 1. P. 179–181.

Stehouwer, L.R. Living with "new normal": Fathers blogged experiences of parenting a child with autism (Doctoral dissertation, University of Guelph). 2014. URL: <https://atrium.lib.uoguelph.ca/xmlui/handle/10214/8276> (дата обращения: 10.01.2018)

Wall G., Arnold S. How Involved Is Involved Fathering: An Exploration of the Contemporary Culture of Fatherhood // *Gender and Society*. 2007. Vol. 21. № 4. P. 508–527.

«Нестандартные» условия труда женщин на производстве: опыт включенного наблюдения^{1,2}

DOI: 10.19181/inter.2018.15.2

Ольга Пинчук*

Статья посвящена специфике трудовой занятости женщин на производстве. Опираясь на эмпирический материал, собранный за период годичного включенного наблюдения на заводе по изготовлению конфет, автор рассматривает два аспекта: первый — это вахтовый тип трудовой занятости женщин, приезжающих в Московский регион из других областей РФ и трудоустраивающихся на промышленные предприятия. Вахтовые работницы в течение нескольких недель или месяцев занимаются неквалифицированной работой без оформления по трудовой книжке, после чего уезжают домой, как правило, ненадолго. Второй аспект — это риски, с которыми связан квалифицированный женский труд на производстве. В частности, речь пойдет о случаях женского травматизма. В статье сравниваются условия труда работниц по вахте и «постоянных» работниц, оформленных в соответствии с ТК РФ. Делается вывод о том, что обе формы занятости в одинаковой степени прекарны и ненадежны. Задача статьи — проанализировать особенности женского производственного труда на основании материалов включенного наблюдения.

Ключевые слова: прекариат, гендер, этнография, рабочие, женский труд

Введение

«Собирать ручную роллы ирисок в маленькие коробочки — занятие муторное. Ночью — еще и унылое. Укладываю по четыре ролла в три ряда. И планомерно засыпаю. Моя сегодняшняя машина работает неритмично, постоянно останавливается. Тогда я открываю защитную крышку и настраиваю машину. Но лучше так, чем практически без остановки двенадцать часов кряду собирать конфеты. Иногда я без особой на то причины останавливаю машину. Неспешно отскребаю шпателем налипшие на механизмах ириски, счищаю тряпкой шоколад с тэнов, сдуваю конфетную крошку сжатым воздухом. Это отвлекает. Мне помогает молодая упаковщица. Она здесь вахтовым методом.

¹ Текст написан по результатам исследовательского проекта «Этнография рабочего места», который стал возможным благодаря финансированию Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники». Помимо автора статьи в реализации проекта в разное время так или иначе принимали участие: Дмитрий Rogozin (РАНХиГС), Надежда Галиева (РАНХиГС), Роман Абрамов (НИУ ВШЭ), Марина Вырская (РАНХиГС), Владимир Картавцев (Synopsis Group). Полевая часть проекта длилась год: с августа 2016 г. по август 2017 г.

² Хотелось бы выразить благодарность Олегу Журавлеву (PS Lab) и Тимуре Миняжеву (МПГУ) за их комментарии и рекомендации к предыдущим версиям статьи, а также двум анонимным рецензентам и редакции журнала «ИНТЕР».

* Пинчук Ольга, научный сотрудник Лаборатории методологии социальных исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС (Москва). pinchuk-ov@ranepa.ru

В цехе шумно — машина ревет, словно раненный мамонт. Но мы разговариваем. Чтобы не уснуть» (Из полевых записей, 18 апреля 2017 г.)

«Этнография, несмотря на свою маргинальность, никогда не исчезнет», — такой обнадеживающий вывод делает Майкл Буравой в заключении к эссе «Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом» (Буравой, 1997: 175). Рассуждая о методологической конфронтации этнографического исследования и «опросов», в смысле совокупности формализованных процедур сбора данных, Буравой отмечает, что «внутри социологии включенное наблюдение всегда было второстепенным способом социального исследования» (Буравой, 1997: 157). В России, где «спора о позитивизме» так и не произошло, «качественные методы социологического исследования воспринимаются абсолютным большинством социологов как “мягкие” или даже как “ненаучные”» (Воронков, 2004: 3). Включенное наблюдение как ключевой этнографический метод предполагает, что «исследователь одновременно наблюдает и участвует в социальной деятельности, которую он пытается документировать» (Hume, Mulcock, 2004: xi). Именно такая конфигурация исследователя и «объекта исследования» по отношению друг к другу и смущает, говоря словами Буравого, приверженцев «жесткой», позитивистской, социологии: «этнографы искажают собираемые ими данные через взаимодействие с теми, кого они изучают» (Буравой, 1997: 156). Контраргументом служит утверждение о том, что, «присутствуя и активно участвуя во взаимодействиях, исследователь может приблизиться к восприятию и пониманию “инсайдерской” точки зрения» (Hume, Mulcock, 2004: xi). То есть включение исследователя в исследуемое поле разворачивается с точки зрения тех перспектив, которые такая позиция ему предоставляет (Воронков, 2009: 6).

Моему трудоустройству на конфетную фабрику предшествовала экспедиция в Республику Башкирия³, где мы с коллегами ощутили недостаточную степень вовлеченности в жизнь шахтерского городка, что мешало нам глубже понять те проблемы, с которыми сталкиваются жители поселка — рабочие и их семьи⁴. Понять — именно с перспективы самих информантов. Сложность заключалась в том, что в рамках экспедиции мы провели в поселке не более двух недель: их оказалось достаточно, чтобы в общих чертах понять «правила», по которым существует поселок, — однако не достаточно для того, чтобы понять, как эти «правила» работают. Метод включенного этнографического наблюдения куда более действенен — здесь речь идет уже не только о том, чтобы наблюдать за информантами, но о том, чтобы стать одним из них. Нельзя не сказать о методологических ограничениях такого подхода: «исследователь становится частью изучаемого сообщества, и ему всё сложнее отличить, где заканчивается исследование и начинается реальная жизнь» (Полухина, 2010: 146). Особенно, когда исследователь не просто наблюдает, но участвует наравне с информантами в общем деле. По мотивам башкирской поездки появилась идея трудоустроиться на завод — любое предприятие, где существует спрос на неквалифицированный труд. И там, в качестве рядового рабочего, изнутри посмотреть, почувствовать, поразмышлять о том, что сегодня в России собой представляет профессия рабочего.

В фокусе настоящей статьи — специфика ручного труда на производственном предприятии — конфетном заводе⁵ в Подмоскowie. Речь пойдет непосредственно о женском

³ Рабочая полевая экспедиция Лаборатории методологии социальных исследований ИнСАП РАНХиГС в Башкирию проходила в мае-июне 2016 г., участниками экспедиции были Владимир Картавец, Ольга Пинчук, Дмитрий Rogozin.

⁴ О бытовании шахтерского городка см.: Rogozin, 2016.

⁵ «Фабрика» и «завод» в рамках данного исследования употребляется мною и моими информантами в качестве абсолютно равносильных синонимов. В тексте я также буду называть свое поле «конфетным заводом» или «заводом Ирисок».

труде, так как весь эмпирический материал собран в процессе работы в женской бригаде. Производство в целом — такая сфера, где труд практически всегда гендерно-окрашен (Олимпиева, Ежова, 2009: 93). Физически более сложные и опасные профессии — например, в шахтах (проходчики, взрывники), на производстве огнеупоров (сортировщики изделий), на металлургическом производстве — являются исключительно мужскими. Легкая и пищевая промышленность таким же образом распределяет рабочих по цехам, исходя из их половой принадлежности. Актуально это и для той конфетной фабрики, на которой, в рамках исследования, я проработала год. Женщины здесь работают упаковщицами и операторами упаковки, мужчины — комплектовщиками и операторами процесса. По большому счету, гендерное разделение физического труда на производстве достаточно конкретное: чаще всего тем, чем занимаются женщины на производстве, не занимаются мужчины, и наоборот. Они заняты на разных этапах производства, у них разные условия труда, они работают на разном оборудовании. Потому и особенности труда у этих двух групп рабочих будут разными. Но даже анализ тех редких случаев, когда женщины и мужчины работают в одной бригаде, имеют одинаковые рабочие профессии и выполняют одни и те же операции, раскрывает гендерное разделение труда через субъективные представления рабочих о «мужской» и «женской» работе (Олимпиева, Ежова, 2009: 93).

Сама по себе тема гендерного разделения труда довольно активно изучается в рамках гендерных исследований: «в самом деле, мужественность и женственность представляют собой прежде всего определенный тип поведения, и трудовое поведение играет здесь центральную роль» (Тартаковская, 2001: 87). Особенностью трудового поведения женщин как на российском рынке труда, так и в некоторых других странах, является необходимость постоянно балансировать между семьей и работой (Годованная, Темкина, 2017: 31). Нередко «отсутствие или недостаточность социальной поддержки с какой бы то ни было стороны вынуждает многих женщин находить компромисс между работой и материнством с помощью выбора специфической категории precarious рабочих мест» (Тартаковская, 2017: 51). Исследователями проблематизируются те трудовые позиции, в рамках которых по каким бы то ни было причинам в большей степени аккумулированы именно женщины. Например, бытовое обслуживание (Здравомыслова, 2009; Ткач, 2009; Ткач, Хрженяк, 2016; Савоскул, 2013), работа в колл-центрах (Рогозин, 2017: 139–143; Bonds, 2006; Agnihotri, Srivastava, 2017) или, в рамках производственного сектора: швейная промышленность (Cairolì, 1999, 2011; Beinín, 2017), работа в агробизнесе (Arizpe, Aranda, 2014), другие фабричные профессии (Miles, 2014; Chang, 2009).

Чаще всего в фокусе исследователей оказывается гендерное неравенство. Об ухудшенных условиях труда для женщин писал Майкл Буравой, анализируя свой опыт рабочего на венгерских предприятиях в начале 1980-х: «куда бы я ни шел, всюду бросалось в глаза гендерное разделение труда: женщины были то захвачены безжалостным ритмом линии разлива, то отданы нормами выработки в рабство вращающимся бобинам, в то время как мужчины лениво похаживали вокруг них в качестве инспекторов, механиков, контролеров» (Буравой, 2009: 38). Подобную ситуацию на питерских судостроительных предприятиях зафиксировали в 2008 году исследователи Ирина Олимпиева и Любовь Ежова: «Женщины заполняют данные рабочие места не потому, что они лучше приспособлены к соответствующим видам работ, а потому, что сюда не хотят идти мужчины, которые ориентированы на более содержательные и более высокооплачиваемые работы» (Олимпиева, Ежова, 2009: 95).

Какова природа гендерного разделения труда на описываемой конфетной фабрике — вопрос открытый. Но общепринятый аргумент заключается в том, что в «мужских» цехах физической нагрузки куда больше, чем в «женских». Плюс к этому, сама по себе «упаковка чего-либо» считается женским занятием — требует быстрой мелкой работы

руками, аккуратности, терпения, длительной концентрации внимания на одном и том же: «У [мужчин] не получается так, как у нас. У нас ловко, раз! А у них терпения не хватает...» (Олимпиаева, Ежова, 2009: 94). Потому к работе по переборке брака, ручной укладке ирисок в маленькие коробочки традиционно привлекаются женщины. Но помимо женщин, выполняющих эту, не требующую квалификации, работу, в цехе упаковки ирисок трудятся женщины-операторы пяти разрядов⁶, выдержавшие квалификационные экзамены. Их работа формально связана с контролем и управлением промышленными механизмами, но на деле довольно часто требует той же самой быстрой ручной сборки. Работницы на фабрике не избавлены от физической нагрузки — лотки с конфетами, которые они периодически поднимают, весят порядка 6–10 килограмм. Мне доводилось испытывать это на собственном опыте: однажды за смену такими лотками я перетаскала более 100 килограмм. Таким образом, нельзя сказать, что «женская работа» здесь физически легкая. А по сравнению с мужчинами участка по изготовлению ирисок женщины буквально прикованы каждая к своей машине: линия поточная, упаковочную машину остановить нельзя. То есть отлучиться в туалет, курилку или на перерыв оператор может лишь в случае, когда ему на замену придет кто-то, разбирающийся в работе упаковочной машины. Мужчины-коллеги по участку не имеют конкретной машины, производственным процессом в своем цехе они управляют вместе и одновременно, ситуативно распределяя между собой обязанности. В этой ситуации им куда проще организовывать перерывы и перекуры. Данное здесь описание разных условий труда женщин и мужчин на кондитерской фабрике имеет своей целью аргументировать необходимость выделения «женского» и «мужского» труда на производстве в качестве отдельных категорий анализа. Дальше, не возвращаясь к гендерному сопоставлению режимов труда, я начну описывать особенности труда квалифицированных и неквалифицированных работниц с целью обосновать тезис об общей «нестандартности» условий женского труда на кондитерском заводе.

Методология исследования

Статья написана на основе эмпирических данных, которые удалось собрать за год включенного этнографического наблюдения на одной из кондитерских фабрик Подмосковья. Трудоустройство и работа на заводе в качестве рабочего были частью реализации проекта «Этнография рабочего места», поддержанного фондом «Хамовники». Помимо автора статьи как полевого исследователя в рабочий коллектив входили коллеги, с которыми мы регулярно встречались и обсуждали поле. Осмысляя свой полевой опыт, я понимаю, что не смогла бы проделать всю эту работу без участия коллег. Они являлись наблюдателями второго порядка, и часто их вопросы задавались мне как информанту, потому что длительное пребывание в поле без каких-либо ощутимых выходов из него, плотно встраивало меня в контекст, где моя самоидентификация как исследователя претерпевала постоянные трансформации⁷.

С августа 2016 г. по август 2017 г. я работала на фабрике сначала упаковщицей 1 разряда (первые 3 месяца), а затем оператором упаковки 1 разряда. Моя работа там происходила на общих условиях: ни руководство, ни коллеги-рабочие изначально не были в курсе моего исследовательского интереса. Я воспринималась как рядовой

⁶ Самый высокий разряд — пятый. По своему функционалу операторы пяти разрядов друг от друга ничем не отличаются, но, чем выше разряд, тем выше в итоге доход: между первым и пятым разрядами, по моим личным подсчетам, наблюдался разрыв в двадцать тысяч рублей.

⁷ О том, как протекает эмоциональная вовлеченность исследователя в поле своего исследования можно прочитать, например, следующие этнографические работы: Haraszti, 1977; Wacquant, 2004; Cairol, 2011.

рабочий, хотя наличие у меня высшего образования, личного автомобиля и отсутствие детей удивляло заводских коллег, провоцируя вопросы ко мне.

Первые шесть месяцев работы на фабрике цех упаковки ирисок, частью которого я была, работал по графику пять через два, по восемь часов, в три смены: пять дней в ночь, два выходных, пять дней во второй половине дня, два выходных, пять дней в первой половине дня, два выходных, и так далее. Следующие шесть месяцев мы работали по графику два через два по двенадцать часов в две смены (два раза в ночь, два выходных, два раза в день, два выходных). По первому графику работать было физически сложнее — приходилось каждую следующую неделю привыкать к новому режиму дня. Неделя в ночную смену давалась сложнее всего. За год работы на заводе я три раза была на больничном — в сумме это около пяти недель. Два раза брала оплачиваемый отпуск по пять дней, один раз отпуск за свой счет на месяц (март), и около десяти раз брала отгулы⁸.

Одной из моих непосредственных обязанностей как полевого исследователя было подневное заполнение полевого дневника. Не каждый день мне удавалось заполнять его сразу после смены — периодически случалось так, что, оказавшись дома, я чувствовала себя физически очень уставшей. В таких случаях дневник заполнялся после отдыха. Записывать что-либо непосредственно в цехе, в процессе работы, пусть даже схематично на клочке бумаги, практически не представлялось возможным: оператор упаковки всегда на ногах и постоянно занят настройкой машины, проверкой качества продукции, поиском механика, поиском старшей смены, иногда помощью коллегам на соседних машинах.

Для того чтобы было понятно, каким образом происходили мои наблюдения, расскажу немного о тех рабочих позициях, которые я занимала в цехе на протяжении года. Устроившись на фабрику в качестве упаковщицы, я оказалась прикреплена к конкретному участку и конкретной смене, где и оставалась до конца работы. Позиция упаковщицы предполагает разнородную работу, иногда монотонную (как переборка брака, ручная укладка конфет в коробки или выставление коробок с конфетами на конвейер), иногда физически тяжелую (как ручное засыпание конфет в бункеры машин лотками по 6–10 кг), иногда требующую расторопности и реакции (как выкладка конфет на подвижную ленту для последующей автоматической упаковки). Когда меня оформляли на эту должность, менеджер по персоналу сообщила, что упаковщица никогда не занимается одной и той же работой на протяжении всей смены: каждые три часа её позиция относительно конвейера меняется. Но на деле оказалось, что конвейера как такового в цехе нет, а упаковщица *чаще всего* занимается одной и той же работой всю смену. Я же, по факту, не так часто работала непосредственно в качестве упаковщицы: практически с первых дней меня поставили за конкретную машину как оператора упаковки, но под бдительным присмотром старшего оператора Нины⁹. Это длилось первые четыре месяца — вплоть до того, как я сдала квалификационный экзамен на оператора 1 разряда и стала, как и другие операторы, самостоятельно работать на разных машинах нашего участка. Однако, пока я была еще упаковщицей, мне куда больше удавалось общаться с разными людьми: мне всегда помогали другие упаковщицы, я сама время от времени помогала операторам, выполняла какие-то разовые работы — то есть была куда более мобильна, нежели после перехода в операторы.

⁸ Все мои пропуски рабочих смен осуществлялись с разрешения руководства, хотя такое, во многом вольное, отношение к рабочему графику не являлось принятым на производстве: я была свидетелем ситуаций, когда коллегам не давали отгул или не отпускали в отпуск, аргументируя это нехваткой кадров. Отказ или разрешение во многом зависели от личных взаимоотношений работника и руководителя (о неформальных взаимоотношениях на производстве см. например: Клеман, 2003; Алашеев, 1995; Ядов, 1999).

⁹ Все имена, названия, уникальные характеристики изменены в целях соблюдения и сохранения конфиденциальности участников исследования.

Большую часть времени оператор упаковки проводит у своей машины и имеет возможность общаться с коллегами только во время перерывов. На перерывы в моей смене было принято ходить одними и теми же составами в два захода. То есть и на перерыве мне удавалось общаться практически всегда с одними и теми же людьми. Эти люди — мои самые близкие коллеги, они помогли мне адаптироваться к новой для меня работе, понять неформальные правила, по которым живет цех. Они же первые узнали о моих исследовательских изысканиях. Общение с рабочими из других смен или из соседних цехов происходило в курилке или случайным образом, во время подработок (когда они выходили к нам в смену).

С первого месяца на фабрике я помогала коллегам с различной бумажной работой, выполняла различные операции на компьютере. Спустя восемь месяцев на фабрике старший оператор Нина стала обучать меня своей работе — обязанностям человека, который организует работу внутри бригады, управляет коммуникацией с другими цехами и участками, а также с начальством. Бывая периодически в роли помощника старшего оператора (и один раз у неё на замене) — без машины и локализованной рабочей позиции, но с кипой документов и набором организационных задач, которые надо решить, — я смогла более полно и с разных сторон увидеть то, как организована работа производства.

Условия труда на кондитерском заводе

Несмотря на то, что сам завод не является предметом моего анализа, считаю важным раскрыть некоторую особенность данного предприятия: описываемый кондитерский завод — часть иностранного концерна, но, в противоречие с организацией работы его заграничных «братьев», здесь ведущую роль на производстве играет ручной труд. Оборудование, на котором приходится работать, было привезено сюда к открытию предприятия — порядка пятнадцати лет назад. Уже тогда эти машины были списаны на заграничном заводе. Такая ситуация — с решающей долей ручного труда на производстве — согласно мнению одного из моих информантов, имеющего двадцатилетний опыт работы на пищевых производствах в качестве производственного менеджера, является скорее исключительной. Пищевая промышленность, в том числе российская, в основном автоматизирована и не требует такого существенного количества кадров, тем более неквалифицированных. Отмеченная особенность кондитерского завода, на который случайным образом попала я, позволяет пронаблюдать достаточно интересный, хотя и не уникальный, феномен. С одной стороны, руководством провозглашаются принципы социально ориентированной политики управления в контексте общей корпоративной культуры иностранного концерна по изготовлению сладостей (с заботой о психологическом и физическом здоровье работников, скрупулезным исполнением формальных правил). С другой стороны, на производстве преобладают тейлористские практики организации труда, «штурмовщина». Возможно, это связано с тем, как устроено управление на заводе: топ-менеджеры предприятия являются иностранцами, командированными в Россию на время контракта; средний и низовой менеджмент, а также всё производственное руководство, включая менеджеров по технике безопасности и охране труда, — это управленцы, формировавшиеся в условиях постсоветской экономики (Буравой, 2000: 19). В отличие от постсоветских промышленных предприятий, которые существовали при плановой экономике и после перестройки были вынуждены адаптироваться к новым экономическим условиям, кондитерская фабрика возникла уже как новое капиталистическое производство. Если для рабочего населения провинциальной России существенную роль сыграл водораздел «до и после Советской власти» (Абрамов, 2018: 210), то для рабочих данной кондитерской фабрики водоразделом являлось:

«до и после прихода нового руководства»¹⁰. Прежние управляющие производством, вышедшие из рабочей среды, по словам моих коллег-рабочих, понимали, как устроен процесс управления промышленными машинами. Новые управленцы — так называемые «эффективные менеджеры», для которых важнейшей задачей является оптимизация производства, ставка делается не на качество, а на количество произведенного товара.

«Нестандартная» занятость

Если говорить не о форме, но о характере «нестандартной» занятости, то его отличительной чертой является отсутствие постоянства. По словам Джона Ховарда, для работодателя такие условия видятся «гибкими», для рабочего же — прекарными, неустойчивыми. Помимо ненадежности, условия «нестандартной» занятости лишают работников доступа к юридической и социальной защите (Howard, 2017: 2). По сути, это прекариат, который описывает Гай Стендинг (Стендинг, 2014: 25): наряду с незащищенностью труда он сталкивается с отсутствием профессиональной самоидентификации, — «прекариат не ощущает себя частью солидаризированного трудового сообщества» (Стендинг, 2014: 29). Среди прочих особенностей «нестандартной» занятости В. Гимпельсон и Р. Капелюшников отмечают «сверхзанятость», когда продолжительность рабочего времени превышает «определенную пороговую величину (обычно — свыше 40 рабочих часов в неделю)» (Гимпельсон, Капелюшников, 2005: 8). Для Джона Ховарда одним из типов «нестандартной» занятости является трудоустройство через агентства (Howard, 2017: 2). Речь идет о посреднических организациях, которые нанимают неквалифицированный персонал, заключают с ними договор, а затем отправляют на те предприятия, где необходимы такие трудовые кадры: «возникающие трудовые отношения имеют нетрадиционную форму с участием трех сторон» (Козина, 2012: 19). Такая форма трудового найма в русскоязычной литературе получила название «заемный труд», в англоязычной — агентская занятость (agency work) или лизинговый труд (labor leasing) (Козина, 2012: 19). Ирина Козина в статье «Люди заемного труда» представила наиболее полную характеристику такого типа занятости; она заметила, что, «в отличие от большинства стран, в составе российских заемных работников преобладают молодые люди с высоким уровнем образования, которые воспринимают заемный труд как ступеньку к устойчивой занятости» (Козина, 2012: 18). В случае конфетной фабрики, «люди заемного труда» — это вахтовые работницы, однако большинство из тех, с кем мне удалось пообщаться за год работы, являются собой диаметрально противоположность представленному выше усредненному портрету, который на основе большого массива данных представила Ирина Козина. Оказалось, что вахтовые работницы — в основном, женщины среднего возраста, не сумевшие найти работу у себя в регионе, в одиночку воспитывающие детей, которые остались дома, — поэтому им интересен именно временный характер занятости. Для их трудовой деятельности на фабрике характерно отсутствие социальных гарантий, заниженный уровень заработной платы¹¹, постоянные переработки, — более подробно условия труда вахтовых работниц на конфетной фабрике будут описаны ниже.

Совсем иначе организован труд постоянных работников. Формально условия занятости выглядят вполне «стандартно» (Савельева, 2015б: 3): официальное трудоустройство

¹⁰ О контекстах, в которых конструируется идентичность российских рабочих, см.: Polukhina, Strelnikova, Vanke, 2017.

¹¹ В период моей работы на фабрике заработная плата вахтовых работниц была заметно ниже. Мой месячный доход как упаковщицы, но оформленной по бессрочному контракту, составлял порядка двадцати пяти-двадцати восьми тысяч рублей при восьмичасовом рабочем дне (на подработке я не выходила). Упаковщицы, работавшие по вахте, получали не больше двадцати-двадцати трех тысяч рублей, работая часто без выходных не по 8, а по 12 или 16 часов в сутки.

со всеми гарантиями в соответствии с ТК РФ, медицинское страхование, повышение процентной ставки дохода при переработках, стабильность занятости, официальный конкурентоспособный доход. Но в действительности оказывается, что положение постоянных рабочих во многом схоже с положением вахтовых: никакие формальные гарантии на деле не работают. Далее приведу несколько известных мне случаев, когда права постоянных рабочих оказывались в той или иной степени уязвлены:

— *Руководство принимало решение о коллективном отпуске в удобное для производственного цикла время, оповещая рабочих об этом не заблаговременно:*

«Получается, мы — люди подневольные. Не принадлежим своим планам, а принадлежим планам производства. При социализме такого не было! Мама у меня, я помню, когда у неё отпуск, она всегда уходила в отпуск. Хотя она работала на военном заводе» (Оператор с другой линии; из дневниковых записей, от 20 апреля 2017 г.)

— *В период отсутствия заказов сотрудников принудительно отправляли домой, а в период большого количества заказов сотрудников лишали выходных:*

«...4 ноября. Мы работаем полный рабочий день. Листок на стенке объявлений сообщает, что отработаем за 30-е декабря. Мы возмущаемся, что называется, в кулуарах — тихо, мирно, в столовой, среди своих:

— А они делают, как им выгодно! Кто нас спрашивать будет?

— У нас так всегда! Всё за что-то отработаем! Мы как... как стратегический объект какой-то!..» (Из дневниковых записей, от 4 ноября 2016 г.)

— *Рабочих оповещали о переходе на совершенно другой график работы не заблаговременно, после чего спустя полгода перевели обратно:*

«Многие очень испуганы грядущими переменами. С первого февраля мы официально переходим на график 2/2. Об этом время от времени поговаривали последние полгода, но конкретно сказали только сейчас. Вывесили списки новых бригад — всех перетасовали. Многие, которые несколько лет работали в одной смене, теперь не будут совпадать ни по выходным, ни по рабочим дням. Елена: “Я сегодня весь день проплакала. Глаза болят... Как мы теперь будем работать?!”» (Из дневниковых записей, от 25 января 2017 г.)

— *Внезапно лишали премии всю смену, участок или конкретного рабочего без особых на то причин:*

«Меня премии, вон, за все что угодно лишают! В прошлом месяце двери где-то на складе незакрыты были, хотя я-то тут при чем!» (Оператор 5-го разряда Нина — исполняла обязанности старшего оператора, из дневниковых записей, от 2 сентября 2016 г.)

«Постоянные» рабочие конфектной фабрики оказываются в полной зависимости от режимов работы производства, что лишает их всякой возможности планировать свое будущее и оставаться уверенными в своем настоящем. Наиболее критичным

показателем нестабильности и precariousности условий труда «постоянных» рабочих является нежелание менеджерского звена брать на себя ответственность за травмы рабочих на производстве. Именно громкий несчастный случай, произошедший после моего увольнения с фабрики, наиболее очевидно вскрыл те неформальные правила, в рамках которых вынуждены существовать «постоянные» рабочие цеха — в данном случае, операторы упаковки. В следующих разделах статьи я буду более предметно, на основе эмпирического материала, раскрывать особенности труда вахтовых и «постоянных» работниц, с целью обосновать тезис о том, что обе формы трудовой занятости в одинаковой степени являются «нестандартными», precariousными.

Работницы «по вахте» на подмосковном заводе

На заводе женщин, работающих здесь временно, называют просто «вахта»: «Света-вахта», «Катя-вахта». Это не значит, что отношение к ним со стороны операторов уничижительное. Вахтовые работницы выполняют вспомогательную работу, часто меняются и не закреплены за конкретным цехом или сменой, потому и воспринимаются просто как дополнительные рабочие руки. В целом, у женщин-операторов нормальные рабочие отношения с вахтовыми работницами, особенно когда последние работают усердно. Очень часто вахтовые работницы трудятся по 16 часов — шесть или даже семь дней в неделю. Сами объясняют это тем, что приехали сюда именно заработать. Им предоставляется бесплатное общежитие (8 человек в комнате); на работе их, так же как и всех сотрудников предприятия, кормят; они бесплатно пользуются корпоративным транспортом.

Работники по вахте на конфетной фабрике — исключительно женщины. У них нет возможности карьерного роста, они не работают на машинах, по профессии они все упаковщицы — здесь не требуется квалификация. Они не обременены ответственностью, в основном разбирают брак и оказывают посильную помощь «постоянным» работникам. «Вахтовики» могут перейти на «постоянку», при этом за ними сохраняется право жить в бесплатном общежитии. Вахтовые работницы — это типичные маятниковые мигранты, или «отходники» (Плюснин и др., 2013). Для них Московский регион является привлекательным лишь постольку, поскольку они имеют возможность заработать. Свои заработки они направляют домой, в большинстве случаев — помогают детям.

В числе вахтовых работниц есть и юные девушки, которые по какой-то причине не пошли учиться, не смогли найти работу с удовлетворяющей их заработной платой в домашнем регионе, потому приехали сюда. В большинстве случаев, когда на заводе я встречала молодую девушку, за этим практически всегда стояло какое-то жизненное обстоятельство: например, малолетний ребенок, больные родители, судимость. В целом, отсутствие эффективно функционирующего рынка труда в регионах, особенно когда речь заходит о небольших городах и селах, является безусловной причиной работы по вахте:

«Здесь я первый раз, но уже месяц почти — скоро домой. По дочке соскучилась. У нас там работы нет, я ж в деревне живу, в 100 километрах от города. Мотаюсь так. На кефирном заводе в Подмоскovie работала: но две недели там просидели без дела, заказов у них не было. На хлебном — сушки на конвейер выкладывала, но летом в цеху жарщица — до 60 градусов! Без выходных работали, выходило около 27 тысяч. Вахты вообще лет восемь назад только начались, до этого я приезжала, на “постоянку” устраивалась, три месяца работала и увольнялась. Домой-то надо ездить. Сейчас дочери 18, в колледже учится, а тогда маленькая была» (Из полевых записей, от 11 августа 2016 г.)

Немало сюжетов, когда из семьи на заработки уезжает именно женщина, а мужчина остается дома — «на хозяйстве»:

«В перерывах между работой Валя часто кричит в трубку телефона на всю раздевалку: «Семеныч, Семеныч, ну шо, как оно там?» Она из деревни у белорусской границы, сюда приехала по вахте, но потом перешла на постоянную основу: «Я два года так ездила туда-обратно, тысяч 20 выходило, а теперь, на “постоянке”, 40 у меня и общежитие бесплатное. А там муж на хозяйстве! По огороду, по дому: все посадит, все соберет, починит, засолит. Он раньше выпивал крепко, потому и решили, что работать я буду, иначе он и полполучки до дому не довезет!» Уточняю, не скучает ли по мужу в долгой разлуке: «Пфф, не-е!» (Из полевых записей, 1 сентября 2016 г.)

Согласно тем историям, которые мне рассказывали в цехе, вахтовых работниц раньше не было:

Нина: У нас вахта буквально полтора-два года как появилась..

Я: А почему?

Галя: Потому что справлялись сами, по два человека [на машине] было. Не было такого, чтобы у нас так [тоннами] брак стоял! У нас такого не было! У нас было по пять-шесть [килограмм] брака, максимум шесть, и все! А сейчас вместо пять-шесть — сто пятьдесят! (Из полевых записей, от 23 августа 2016 г.)

Появились вахтовые работницы после смены руководства, когда из-за критического увеличения темпов производства в разы увеличилось количество брака. Конкретно в том цехе, где работала я, процедура «реворка», то есть переработки бракованных по упаковке конфет, являлась частью обыденности. Потому весь брак, который получился из-за проблем с упаковочной машиной, отправляли на переработку, но перед этим конфеты надо было освободить от упаковки. Этим и занимались приехавшие вахтовые работницы — разбирали брак. Позже, когда уже стала возникать нехватка штатных сотрудников на производстве, вахтовых работниц начали привлекать и к работе на машине, и к посильной помощи — к разным задачам, нередко физически довольно тяжелым. В период моей работы на заводе «вахта» там выполняла большой объем вспомогательной работы. Важность их присутствия осознавалась тогда, когда они по каким-то причинам вдруг исчезали:

«Я катастрофически ничего не успевала. Спрашиваю Нину: где народ? Нина: “Вахта уехала, а другие не приехали!” В раздевалке встретила женщину, которая по вахте работает — таких осталось немного здесь, и они помогают на других линиях. Женщина: “Фабрика пустая!”»

(Из полевых записей, от 23 августа 2016 г.)

Плюс к этому все вахтовые работницы перерабатывают¹². Они пытаются заработать как можно больше, но их заработная плата, всё равно, куда ниже, чем у постоянных работников. То есть, по сути, они не способны существенно влиять на уровень своего дохода, в отличие от «постоянных» работниц. Важно подчеркнуть, что при желании вах-

¹² «Подработки» — это отдельная большая тема. Хочется только заметить, что именно возможность хоть каким-то образом управлять своим доходом путем увеличения часов работы долгое время оставалась чуть ли не основным стимулом сотрудников производства работать на этом заводе (оплата почасовая). На момент написания статьи (апрель 2018) мне известно, что объем заказов у завода упал, соответственно, существенно снизилась потребность в трудовых ресурсах. В результате подработки отменили, и рабочие стали увольняться.

товые работники могут перейти на постоянную работу. Но, в случае такого перехода, наряду с прочими преимуществами они лишаются возможности часто навещать родных дома. В то же время, в условиях вахтовой работы им приходится работать больше, получать меньше, терпеть задержки выплат, а иногда сидеть без работы, оставаясь без денег, — таким образом вахтовые работники прекариатизируются: оказываются в условиях, которые ведут к нестабильному существованию, «когда человек живет сиюминутным, не имеет четкой самоидентификации по профессиональному признаку» (Стендинг, 2014: 36). Но профессиональной самоидентификации не имеют и «постоянные» работники. Более того, несмотря на все противопоставления, их положение тоже нельзя считать стабильным и защищенным: в качестве наиболее яркой иллюстрации я опишу кейс о несчастном случае на производстве.

Производственная травма

Над входом в производственную зону располагается электронное табло: «Мы работаем без несчастных случаев <...> дней» и красным горит цифра «9». Внизу надпись дублируется на английском: «We have been working without lost time injuries». До недавнего времени счетчик не скидывался более четырехсот дней. Это, конечно, не говорит о том, что прежде не случалось ни одной травмы. Просто, видимо, не было таких серьезных. В этот раз один из рабочих повредил ногу (...).

По слухам, последнему несчастному случаю предшествовали и другие: «Да вон, на [другой линии], они вечно себе фаланги пальцев отрезают в машине, Светка мне говорила! И ничего им не оформляют. Так, на больничный сходят и работают дальше! Что-то заплатят сверх, но как производственную травму не оформляют!» [ж., 37 лет, оператор упаковки линии ирисок]. По мнению коллег-рабочих, начальству невыгодно лишний раз афишировать травмы на производстве — менее серьезные случаи решаются на месте, без официальной регистрации и — не трогая цифры на счетчике.

Алена получила травму колена спустя несколько месяцев после трудоустройства на фабрику. Ножка металлической лавки, на которую она встала, чтобы достать до бункера упаковочной машины, надломилась, Алена упала и порвала связки. Ей незамедлительно вызвали скорую, доставили в ближайший травмпункт. Начальник смены предложил Алене компромисс: она не разглашает обстоятельства инцидента, спокойно отлеживается дома, тем временем в таблице дни отсутствия ей проставляют как рабочие — согласно окладу и надбавкам за вечерние и ночные смены. Алена уверена, что если бы ее случай травмирования колена официально признали производственной травмой, она бы толком ничего не получила, а так, по ее собственному мнению, она осталась в выигрыше материально и не подвела коллектив: «А мне зачем? Там же ничего сверх больничного не выплачивают — а у меня стаж маленький! Только, что факт производственной травмы официально, и на работе плохо — считай, начальника подставил, а мне-то ничего с этого!»

(Из полевых записей, 6 июля 2017 г.)

Исследователи организационной культуры заявляют, что количество несчастных случаев на производстве напрямую зависит от понимания сотрудниками важности соблюдения техники безопасности (Luria, Yagil, 2010: 1424). Более того, сама степень осознанности по отношению к сохранению безопасности на рабочем месте связана с тем, какую позицию в рамках организационной структуры занимает работник. Например, как считают исследователи, временные работники более подвержены травмам, чем постоянные, во многом потому, что они понимают свой темпоральный статус и не ассоциируют себя с организацией и ее корпоративной культурой, в том числе культурой безопасного

поведения (Luria, Yagil, 2010; Clarke, 2003; Clarke, 2006). Культура безопасного поведения формируется на трех уровнях: организационном — тут референтами выступает само руководство, провозглашающее чрезвычайную важность техники безопасности; групповом — в рамках небольшой рабочей группы, референты на этом уровне — лидеры и члены групп; индивидуальном — личная осведомленность и осознание безопасного поведения (Luria, Yagil, 2010: 1424). В ситуации, когда руководством практикуется халатное отношение к соблюдению правил безопасности и на первый план выходит не жизнь и здоровье сотрудников, а количество произведенной продукции, — рабочие сами начинают пренебрегать техникой безопасности.

«Она [начальник производства] подходит ко мне: «что самое важное в работе оператора?» Ну, я говорю: «качество продукции!» А она смотрит на меня, как на дуру. Ну, я: «жизнь и здоровье рабочих!» Она вообще, знаешь, как на идиотку, и говорит такая: «Мария, самое важное в работе оператора — минимизировать количество бракованной продукции!» (Маша, оператор 1 разряда, из дневниковых записей, от 20 октября 2016 г.)

Металлическая лавка, с которой упала Алена в приведенной выше выдержке из полевого дневника, оставалась на том же месте в таком же неисправном состоянии еще несколько дней, пока один из инициативных рабочих из соседнего цеха лично не отнес её техперсоналу. Начальник смены, узнав о травме сотрудника, первым делом задумался не о том, чтобы устранить причину, но о том, как избежать санкций со стороны более старшего начальства, и предложил сотруднику неформальное решение проблемы.

За год работы на заводе мне самой случалось периодически травмироваться: обжигаться о накалинные участки упаковочной машины, ронять что-то тяжелое на ноги, ударяться, защемлять пальцы, получать порезы. Чаще — не от собственной невнимательности, но по причине высоких темпов работы («машина не должна стоять!») и неотлаженного оборудования. Руководство спускало в цех новые решения, например, обязывало нас всегда ходить в тканевых перчатках, но неисправное оборудование не исправлялось, а темпы работы не снижались. Более того, за год работы я лишь однажды присутствовала на инструктаже по технике безопасности, но в толстом журнале с разношерстными страницами за прохождение инструктажа мы с коллегами по цеху расписывались не менее пяти раз.

Все вышеперечисленные травмы, в том числе поврежденное колено Алены, воспринимались рабочими как штатные, хотя и нежелательные, ситуации в процессе работы на производстве. Были и характерные, в силу работы со специфическим оборудованием, травмы для женщин-операторов: это травмы рук — зажатие кистей, пальцев, вплоть до потери части конечности. Тема женского травматизма как иллюстрация уязвимого положения «постоянных» работниц раскрылась совершенно неожиданным и трагичным образом: уже после моего увольнения Мария — коллега по смене, подруга и ключевая информантка, оператор 1 разряда — в результате несчастного случая на производстве потеряла большой палец правой руки.

Дальше я подробно опишу этот кейс, — единственное, позволю себе некоторые уточнения, важные для понимания моей роли в данной истории. Произошедшее оказалось для меня сильнейшим эмоциональным шоком: и тут я говорю о себе не как о наблюдающем исследователе, которому, по всем известным правилам, необходимо блокировать любые эмоциональные переживания, дабы оставаться объективным (Буравой, 1997: 156). Как удачно заметил по этому поводу Сергей Мохов: «подобный взгляд в какой-то мере приближает исследователя к позиции колониального этнографа только вступившего своей белой ногой на горячий песок Тихоокеанского острова» (Мохов, 2017: 27).

Я говорю о себе как о человеке, вовлеченном в переживания близкого. Я буквально прожила этот год со своими коллегами-рабочими, и они не были для меня «объектом исследования», между нами давно разрушился какой бы то ни было осязаемый барьер: рабочими для меня были «мы», а не «они». Травма на производстве произошла с моей подругой, потому что я долго не могла рассматривать данную историю в качестве исследовательского кейса. Описать и осмыслить случившееся мне помогли коллеги-исследователи, которые, несмотря на отсутствие личного полевого опыта на кондитерском заводе, были достаточно вовлечены посредством чтения моих полевых записей и устных историй. Встречи с ними всегда помогали мне более объемно взглянуть на свой полевой опыт. Практически с самого начала я делала заметки, пытаюсь фиксировать развитие событий, — об этом знала Маша. Первый месяц я практически ежедневно была с ней — у нее случился сильный эмоциональный срыв, она постоянно испытывала физическую боль и фрустрацию от неспособности выполнять привычные прежде бытовые операции. Обо всем происходящем я узнавала от нее и от менеджера завода со странным функционалом: он был ответственным за так называемый «климат» на производстве, занимался расследованием конфликтов и одновременно был начальником по безопасности¹³. Этому менеджеру первому я рассказала о том, каким образом при помощи неформальных договоренностей руководство производства пытается не афишировать инцидент.

Несчастный случай на производстве: «скажи, что это бытовая травма!»

Спустя две недели после моего увольнения с завода Маша написала: «Оля, я инвалид, я сегодня палец отрубила себе на машине» (Из полевых записей, от 29 августа 2017 г.). Мы обменялись несколькими сообщениями, она была еще на заводе — ждала скорую. Чуть позже я получила от нее такой текст:

«Оля, мне нужно посоветоваться! Это же производственная травма? Но Илья, он сейчас за [начальника производства], говорит мне: ты скажи, что это не производственная травма, а мы тебе те же деньги выплатим!» (Из полевых записей, от 29 августа 2017 г.)

Я посоветовала ей не идти на поводу у начальника, но, как показывает случай с Аленой, такие договоренности с руководством на кондитерском заводе воспринимаются рабочими как норма. Рабочие не считают данное поведение менеджеров нарушением закона и с легкостью соглашались на сделку. Маша сообщила в травмпункте, что травму получила дома. По ее словам, она не хотела доставлять кому-то неудобства и до конца не осознавала тяжесть полученной травмы. Но в итоге палец ей полностью ампутировали. На следующий день ей позвонил Илья — исполняющий обязанности начальника производства:

Маша: Короче, слушай, мне Илья позвонил и сказал, что они мне выпишут 30% премии от моей заработной платы. Ну, представляешь, сколько это будет, да?»

Я: Семь тысяч.

Маша: Вообще, да? И больничный будет не как производственный. Ну, сколько там? У меня больничный вообще копейки — тысяча пять я получила в тот раз.

(Из полевых записей, 30 августа 2017 г.)

При таких обстоятельствах Маша не смогла бы получить страховку (которую сама себе оформила полгода назад): при бытовой травме ей необходимо было пройти медицинское освидетельствование на алкогольное и наркотическое опьянение в день

¹³ Он задолго до этого случая узнал о моих исследовательских интересах.

получения травмы, чего она по незнанию не сделала. Но при производственной травме такого освидетельствования не требуется. Маша была обижена на руководство завода, она едва осознала, что осталась без большого пальца правой руки, и на первой же перевязке призналась хирургу, что травму получила на заводе. Хирург посоветовал открыть больничный как производственный: «еще не поздно». После этого начался процесс. Менеджеры разных подразделений и уровней стали связываться с Машей: кто-то пытался ее поддержать, обещал позаботиться обо всех необходимых выплатах, кто-то сомневался — действительно ли она получила эту травму на производстве, кто-то обвинял ее в халатности и несоблюдении норм техники безопасности.

Менеджеры отдела по технике безопасности были как раз теми, кто сомневался и обвинял. Они приехали к ней домой со стопкой бумаг, пытаясь склонить её к подписи инструктажей по технике безопасности — задним числом. По её собственной оценке, она чувствовала давление со стороны ответственного менеджмента. То есть помимо общего стресса, связанного с потерей пальца (функционально важного для выполнения большей части бытовых операций), она регулярно получала стресс от общения с менеджерами по технике безопасности. В результате она просто подписала все бумаги. Единственное, что она получала из выплат — это больничный по производственной травме, отправку документов по которому менеджеры отдела кадров регулярно задерживали, оставляя Машу буквально без средств к существованию. Ей обещали в качестве компенсации выплатить месячный оклад в дополнение к больничному — тридцать одну тысячу рублей. Но произошла какая-то ошибка, и она получила меньшую сумму. В какой-то момент ей стали выплачивать деньги авансом — то есть предприятие перечисляло выплату заранее, в счет будущего больничного. Но менеджеры отдела кадров, судя по всему, ошиблись в подсчетах, и, закрыв больничный, Маша осталась должна заводу около 30 тысяч рублей. После трех с половиной месяцев на больничном она была вынуждена вернуться в смену. Произошло это еще до окончательного заживления пальца, по причине жесткой материальной нужды: Маша проживала на съемной квартире вдвоем с семилетним сыном, и ей попросту не хватало на жизнь. Руководство производства в лице Ильи, исполняющего обязанности начальника производства, встало на сторону Маши: ей разрешили выполнять только ту работу, которую она физически способна выполнять, до тех пор, пока её самочувствие не нормализуется. Сначала это вызывало негодование коллег-рабочих, но жесткая позиция Ильи по этому поводу обеспечила Маше минимум полгода работы с бумагами и легкую физическую нагрузку. Ее положение сейчас куда более нестабильное, нежели прежде, ведь нет никаких задокументированных обстоятельств, регламентирующих ее облегченную работу на производстве. Между тем заработная плата у нее такая же, как у коллег, работающих в полную силу. То есть любые кадровые перемены в руководстве, какие-то непредвиденные обстоятельства, и она может оказаться перед выбором: работать, как все, или уволиться.

Вместо заключения

Надежда Галиева: Ну, так это понятие «прекариат» — всех можно к нему отнести!

Владимир Картавец: Так и получается, просто новое какое-то состояние экономики. Я думаю, что можно вообще выкинуть Стендинга, если вам это не нравится, оставить только какие-то интуиции, которые нам кажутся наиболее важными. Точнее Олины интуиции.

Я: Мне кажется, что вахтовые рабочие, которые есть у меня на заводе, — вот они очень подходят под описание прекариата. У них, по сути, нет квалификации. В то время как рабочие на «постоянке», даже если им завтра, эм, пинка дадут, — они квалифицированные операторы: они знают машину. Есть тут одна женщина, пришла к нам буквально

три дня назад с бетонного завода: работала там 10 лет — сократили! К нам на фабрику её взяли сразу оператором. Сейчас обучают без отрыва от производства, а ставка у неё сразу куда выше, чем у меня. То есть, даже если кого-то из них уволят, у них есть огромный плюс — квалификация. (Расшифровка обсуждения первых полевых впечатлений, от 12 августа 2017 г.)

Одной из важных характеристик прекарной «нестандартной» занятости является социальная незащищенность, отсутствие многих социальных гарантий (Тощенко, 2015: 7). И моей задачей в рамках данной статьи было показать, что при формальной «стандартности» трудовой занятости «постоянные» работницы оказываются в схожих с вахтовиками условиях незащищенности. «Нестандартная», или прекарная занятость часто описывается как постиндустриальный тип трудовых отношений (Жвитиашвили, 2016: 16; Савельева, 2015а: 66; Стендинг, 2014: 25). Но де-факто рабочие кондитерской фабрики, как вахтовые, так и постоянные, лишены большей части тех социальных гарантий, о которых говорит Гай Стендинг, противопоставляя «новый класс» промышленному пролетариату (Стендинг, 2014: 26). О ненадежности официальной трудовой занятости на примере промышленных рабочих уже писали исследователи (Morris, 2012). В данной статье перед нами не стояла задача представить итог всего исследовательского проекта «Этнография рабочего места», также статья не содержит выводов или аналитических построений, демонстрирующих уникальность конкретного исследования и неоспоримую значимость метода включенного наблюдения. Фокус на «нестандартных» условиях труда женщин на производстве сформировался в процессе рефлексии о несчастном случае на производстве, произошедшем с Машей.

Перечитывая свои дневниковые записи, я вспомнила, как в период работы в цехе мы, «постоянные» рабочие, противопоставляли себя «вахте» посредством повседневных дискурсивных практик. Мы мыслили себя как целостный коллектив операторов цеха «Ирисок». «Вахта» же была для нас чем-то временным, уязвимым. Мы неосознанно, между делом, проблематизировали условия их труда, понимая, что они перерабатывают, получают меньше, выполняя довольно тяжелую работу. Из расшифровки нашей с коллегами беседы, приведенной выше, заметно, что практически с первых дней работы, когда я ещё не ассоциировала себя с рабочей средой, мне была очевидна прекарность вахтовых рабочих и стабильность, гарантированность труда «постоянных» рабочих. Но, осмысляя случай травмы на производстве, я поняла, что временность, неустойчивость, нестабильность — это общая характеристика для всех рабочих кондитерского завода. Мне показалось важным проанализировать то осознание своей (как одной из рабочих цеха) прекарности, которое пришло лишь в момент поломки, разрыва устойчивых повседневных практик. Несчастный случай на производстве — та самая поломка повседневности, вскрывшая для меня лично уязвимость, нестабильность, неустойчивость положения «постоянных» рабочих, что не отмечалось мной как комплексная проблема в течение моей работы на заводе. Таким образом, я сама как рабочий цеха, но, в то же время, как наблюдатель, исследователь попала в ловушку коллективного мифа о трудовых гарантиях и надежности официальной трудовой занятости.

Литература

Agnihotri K., Srivastava S. K. Gendered sustainable development: issues and challenges faced by women workers in call centers // *Management Dynamics*. 2017. № 2 (17).

Arizpe L., Aranda J. Women workers in the strawberry agribusiness in Mexico // *Migration, Women and Social Development*. Springer, Cham, 2014. P. 74–95.

Beinin J. Made in Egypt: Gendered Identity and Aspiration on the Globalised Shop Floor by Leila Zaki Chakravarti // *Labor*. 2017. № 4 (14). P. 119–120.

- Bonds A. Calling on femininity? Gender, call centers, and restructuring in the rural American West // *ACME: An international E-Journal for Critical Geographies*. 2006. № 1 (5). P. 28–49.
- Cairolì M. L. Garment factory workers in the city of Fez // *The Middle East Journal*. 1999. P. 28–43.
- Cairolì M. L. *Girls of the factory: A year with the garment workers of Morocco*. University Press of Florida, 2011.
- Chang L. T. *Factory girls: From village to city in a changing China*. Random House Digital, Inc., 2009.
- Clarke S. The contemporary workforce: implications for organizational safety culture // *Personnel Review*. 2003. № 32. P. 40–57.
- Clarke S. Safety climate in an automobile manufacturing plant: the effects of work environment, job communication and safety attitudes on accidents and unsafe behavior // *Personnel Review*. 2006. № 35. P. 413–430.
- Haraszti M. *A worker in a worker's state*. New York: Penguin Books. 1977.
- Howard J. Nonstandard work arrangements and worker health and safety // *American journal of industrial medicine*. 2017. № 1 (60). P. 1–10.
- Hume L., Mulcock J. (Eds.) *Anthropologists in the Field: Cases in Participant Observation*. New York: Columbia University Press. 2004.
- Luria G., Yagil D. Safety perception referents of permanent and temporary employees: safety climate boundaries in the industrial workplace // *Accident Analysis & Prevention*. 2010. № 5 (42). P. 1423–1430.
- Miles L. The Social Relations Approach, empowerment and women factory workers in Malaysia // *Economic and Industrial Democracy*. 2014. № 1 (37). P. 3–22.
- Morris J. Unruly Entrepreneurs: Russian Worker Responses to Insecure Formal Employment // *Global Labour Journal*. 2012. № 3 (2). P. 217–236.
- Polukhina E., Strelnikova A., Vanke A. (2017) *The Transformation of Working-Class Identity in Post-Soviet Russia: A Case-Study of an Ural Industrial Neighborhood*. NRU Higher School of Economics. Series SOC Sociology. No. WP BRP 77/SOC/2017.
- Wacquant L. J. D. *Body & Soul: Notebooks of an Apprentice Boxer*. Oxford University Press, USA. 2004.
- Абрамов Р. Н. «Нам хватает!»: жизнь и приключения постсоветского рабочего класса, увиденные глазами зарубежного этнографа // *Экономическая социология*. 2018. Т. 19. № 2. С. 208–224.
- Алашеев С. Ю. Неформальные отношения в процессе производства: «взгляд изнутри» // *Социологические исследования*. 1995. № 2. С. 12–19.
- Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // *Рубеж*. 1997. № 10–11. С. 154–176.
- Буравой М. Великая инволюция. Реакция России на рынок // *Рубеж*. 2000. № 15. С. 5–35.
- Буравой М. Жить в капитализме, путешествовать через социализм / *Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения* / Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2009. С. 28–58.
- Воронков В. Этот безумный, безумный, безумный количественный мир // *Неприкосновенный запас*. 2004. № 3 (35). С. 3–6.
- Воронков В. Размышления о полевом исследовании (вместо введения) // *Уйти, чтобы остаться: Социолог в поле: Сб. ст.* / Под ред. В. Воронкова и Е. Чикадзе. СПб.: Алетейя, 2009. С. 5–16.
- Гимпельсон В., Капелюшников Р. *Нестандартная занятость и российский рынок труда*. Пре-принт WP3/2005/05. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
- Годованная М., Темкина А. «Мать — ты навечно, но и художница всегда»: творчество в условиях интенсивно расширенного материнства // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2017. № 9 (1). С. 30–61.
- Жвитиашвили А. Нестабильная занятость и социальное неравенство: западный опыт // *Интер*. 2016. № 11. С. 16–26.
- Здравомыслова Е. Няни: коммерциализация заботы // *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности* / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх и А. Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 94–136.

Клеман К. Неформальные практики российских рабочих // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 62–72.

Козина И. М. Люди заемного труда: социальный состав и характеристики работы // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 5. С. 18–33.

Мохов С. Рынок ритуальных услуг: опыт этнографии сенситивного поля // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2017. № 1 (121). С. 23–38.

Олимпиева И. Б., Ежова Л. В. Механизм формирования гендерного неравенства в трудовых отношениях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. № 1 (12). С. 89–108.

Отходники: [монография] / Плюснин Ю. М. [и др.]. М.: Новый Хронограф, 2013.

Полухина Е. В. Этнографический метод в отечественных социологических исследованиях // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 143–147.

Рогозин Д. М. Дискурсивные штрихи и квершлагги Бурибая: социология слухов // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2016. № 4. С. 15–21.

Рогозин Д. М. В тени опросов, или Будни полевого интервьюера: исследование. М.: Страна Оз, 2017.

Савельева Н. Сетевой маркетинг: прекарный труд и организации-паразиты. The Journal of Social Policy Studies. 2015а. 13 (1). С. 65–80.

Савельева Н. В. Теоретико-методологические основания исследования атипичных форм занятости (на примере сетевого маркетинга в России): автореф. дисс. к.соц.н. Москва, 2015б.

Савоскул М. Сиделки из провинции в большом городе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 1 (113). С. 127–135.

Стендинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

Тартаковская И. Н. Мужская работа, женская работа... // Рубеж. 2001. № 16–17. С. 87–101.

Тартаковская И. Н. Женственность прекарности // ИНТЕР. 2017. № 14 (1). С. 45–53.

Ткач О. Уборщица или помощница? Варианты гендерного контракта в условиях коммерциализации быта // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх и А. Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 137–186.

Ткач О., Хрженяк М. Оплачиваемый домашний труд в постсоциалистических контекстах: региональные особенности глобального феномена. Введение // Laboratorium. 2016. № 8 (3). С. 15–27.

Тощенко Ж. Т. Прекариат — новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.

Ядов В. А. Рецензия на книгу: Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). В 2-х кн. СПб.: СПб. филиал Ин-та социологии РАН, 1997 // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 152–153.

Ностальгические аффекты и коммодификация советского: на примере Музея советских игровых автоматов¹

DOI: 10.19181/inter.2018.15.3

Роман Абрамов*

Статья написана по итогам включенного наблюдения за работой Музея советских игровых автоматов и интервью с его организатором. Кейс этого музея соединил в себе ностальгический интерес к позднесоветскому детству, «техноретроманию» как модное увлечение винтажными гаджетами, феномен «народной музеефикации» советского и тренд формирования новой креативной экономики развлечений в крупных российских мегаполисах (Москва, Санкт-Петербург). Музей, основанный группой московских инженеров в 2007 году, в настоящее время процветает, являясь прибыльным коммерческим предприятием. В статье описывается история создания и производства игровых автоматов в СССР; специальное внимание уделено истории Музея советских игровых автоматов. Раскрывается социальная история игровых автоматов разных поколений; показан социологический смысл изучения этого феномена технологической и массовой культуры. Анализируется феномен технологической ностальгии, связанной с особым аффектом восприятия игры на электронно-механическом автомате, с его ограниченными возможностями симулирования реальности. Проводятся параллели с произведениями Харуки Мураками, где игровые автоматы становятся якорями ностальгических воспоминаний для своих героев. Автор статьи постулирует важность изучения проявлений ностальгии о советском прошлом для понимания форм репрезентации этого периода истории нашей страны.

Ключевые слова: музеи, музеефикация, коммеморация, игровые автоматы, креативные индустрии, ностальгия

Современный мир охвачен ретроманией (Рейнольдс, 2015) и коммодифицированной версией ностальгии (Джеймисон, 2014: 116–137): субкультуры с одной стороны и коммерческая индустрия моды и развлечений, с другой, активно обращаются к объектам, образам и сюжетам недавнего прошлого в поисках утраченных смыслов бытия и подпитки для рыночных проектов. Горько-сладкое наслаждение 1950-ми, 1960-ми,

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования «Социологический анализ коллективной памяти о позднем советском периоде: контексты музеефикации и коммодификации» (№ 17-01-0058) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2017 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

* Абрамов Роман, кандидат социологических наук, доцент кафедры анализа социальных институтов факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. rabramov@hse.ru

1970-ми, а теперь и 1980-ми и 1990-ми годами, занимает создателей телевизионных сериалов, дизайнеров интерьеров, автомобилей, бытовой техники. На этой же почве развиваются партисипаторные культуры, состоящие из продвинутых энтузиастов, занятых самодеятельной исследовательской работой, музеефикацией и коллекционированием, реконструкциями и коммерциализацией прошлого.

В западных странах это явление, в первую очередь, связано с послевоенным экономическим взлетом и появлением массового потребительского общества, окруженного плотной средой материальных объектов и культурных продуктов. В постколониальном мире ностальгия носит противоречивый характер, напоминая о временах колониальной эксплуатации и отсылая к локальным проявлениям европейского изящного стиля жизни и архитектуры. В странах бывшего коммунистического блока коллективная память о социализме также приняла сложные формы, связанные с неоднозначным восприятием этого времени. Нередко коммунистический период трактуется как время исторической трагедии и катастрофы, позитивные воспоминания о котором воспринимаются как нежелательная девиация.

Однако, несмотря на авторитарный характер политических режимов этих стран в 1940–80-е годы, там происходили важные социальные изменения, связанные с ростом качества жизни, повышением уровня образования и появлением новых возможностей восходящей социальной мобильности. Материальные артефакты социализма (автомобили, одежда, игрушки, мебель, здания) старшему поколению напоминают о временах детства и юности, а для молодежи служат способом погружения в незнакомый мир советской повседневности.

знаком интереса к советскому времени стало появление «народных музеев» социалистического быта, в которых сочетаются культурная, ностальгическая, коммерческая и развлекательная составляющие (Тимофеев, 2014; Абрамов, 2013). В 2007 году группой инженеров из Москвы был основан Музей советских игровых автоматов. В настоящее время он процветает и имеет филиал в Санкт-Петербурге, являясь прибыльным коммерческим предприятием, «хранилищем ностальгии» по позднему советскому детству, хипстерской бургерной и развлекательно-образовательным центром для детей и их родителей. Данная статья основана на результатах включенного наблюдения в Музее советских игровых автоматов, проводившегося в 2016–2018 годах, и материалах интервью с одним из основателей музея — Александром Стахановым (1982–2017), а также на доступных публикациях по теме.

Игровые автоматы: исторический и социальный контексты

Периоду расцвета электронно-механических игровых машин 1960–70-х, который предшествовал эре видеоигр — провозвестников эпохи постмодернистской виртуальной реальности, — социальные исследователи уделяют немного внимания. Так, в обзоре «Игры империи. Глобальный капитализм и видеоигры» Н. Дайер-Визефорда и Г. де Петера (Witthoford, de Peuter, 2009) авторы акцентируют внимание на поколении электронных видеоигр и домашних игровых приставок 1980-х, а предыдущая эпоха игровых автоматов остается за пределами рассмотрения.

Исходно, в социологическом контексте, видеоигры (в частности, производства компании «Atari») помещались в дискурс социальных проблем и даже моральных паник, когда привязанность к этим играм детей и подростков рассматривалась как возможная причина агрессии и даже преступлений (Dominick, 1984). Позже, в связи с распространением игр на платформе «Nintendo», исследователи обращались к теме видеоигры в контексте коммодификации жизни детей и подростков через новации в индустрии

игрушек (Kinder, 1991). При этом на протяжении 1990-х шла активная дискуссия с участием психологов, социологов и антропологов относительно того, в какой мере видеоигры (а позже и компьютерные игры) способствуют развитию склонности к насилию и мизогинии у подростков-мальчиков, увлеченных жестокими играми-шутерами, подобными «Doom» (Grossman, Degaetano, 1999; Provenzo, 1991; Alloway, Gilbert, 1998; Flanagan, 2002: 424–454).

К началу XXI в. повзрослели дети, воспитанные в эру первых видеоигр и игровых приставок, — при этом массового роста насилия в этом поколении замечено не было. Поэтому фокус анализа видеоигр постепенно сдвинулся от анализа социально-психологических аспектов насилия к эстетической и даже литературной составляющей этой отрасли развлечений. Этот сдвиг произошел благодаря усилиям субкультурных сообществ критиков, историков-любителей и фанатов видеоигр, ставших аналитиками и архивистами в этой области (Herman, 1997; Herz, 1997). Они изменили образ видеоигр, представив их не в качестве низкопробного, одноразового электронного развлечения для неудачливых подростков и взрослых, но как богатый и содержательный мир, обладающий своей историей, сюжетами, эстетикой и повествовательностью, который не ведет к изоляции, но, наоборот, может стать способом сотрудничества.

В науке также произошло тематическое обогащение аналитических оптик исследования видеоигр, теперь помещенных в широкий контекст рассмотрения трансформаций современной культуры в ходе технического прогресса, а также постепенного осознания растущей роли индустрии видеоигр как новой реальности культуры и медиа. Появились группы исследователей, склоняющихся к нарратологической перспективе анализа видеоигр, рассматривающих их как текст, и тех, кто видел в видеоиграх, в первую очередь, спортивное начало, связанное с конкуренцией, структурированными правилами, целями и стратегиями. Сегодня видеоигры стали также объектом историко-культурологического анализа (Донован, 2014; Санагурский, 2015).

В СССР запрещались азартные игры, кроме ставок на ипподроме и розыгрышей денежных и вещевых призов в нескольких видах государственной лотереи. Однако государство дало возможность безопасного и легального выхода энергии азарта, начав создавать залы игровых автоматов при парках культуры и отдыха с первой половины 1970-х. В 1971 г. в двух московских парках — ЦПКиО им. Горького и Измайловском — прошла международная выставка «Аттракцион-71», на которой в течение полутора месяцев посетители могли увидеть и опробовать аркадные игровые автоматы из разных стран, включая современные образцы американской и японской игровых индустрий (Аттракцион-71..., 1971). Заметив сильный интерес посетителей к выставке, советское правительство приняло решение закупить выставочные образцы, чтобы на их основе разработать собственную линейку игровых автоматов для установки в кинотеатрах и парках культуры и отдыха. Это задание получили советские оборонные предприятия, и примерно через три года появились первые промышленные образцы советских игровых автоматов, ставших повседневностью для миллионов детей на протяжении всего последнего пятнадцатилетия советской власти. Советские игровые автоматы не полностью копировали зарубежные аналоги, но были творческой адаптацией идей и конструкторских решений, приспособленных к технической базе советской промышленности, что отражало циркуляцию технологий между капиталистическим и социалистическим блоками (Cohen, 2010).

Советские игровые автоматы размещались, в основном, в закрытых павильонах городских парков культуры и отдыха и холлах крупных кинотеатров. Парк культуры и отдыха в советскую эпоху был важным институтом реорганизации городского пространства с рекреационными и идеологическими целями (Кухер, 2012). В первые десятилетия

советской власти эти парки воплощали представления о социалистической культурности и были ориентированы на создание «нового быта» для жителей СССР. После Великой Отечественной войны, и особенно в 1960–80-е годы, рекреационная функция парков стала важнее идеологической. Советское общество потребления ожидало разнообразия видов отдыха, поэтому в парках стали появляться дискотеки, новые аттракционы — но исчезать статуи мускулистых рабочих, спортсменов и военные тренажеры. Игровые автоматы были важным этапом этой эволюции: для своего времени и советского контекста они олицетворяли самые передовые технологии развлечений, были ярко раскрашены в стиле мультипликационного поп-арта, имели сложную электронную начинку и, по сути, были элементом западной массовой культуры в культуре позднего социализма. К тому же для ребенка и подростка из СССР 1970–80-х именно игровые автоматы стали первым знакомством с миром электронно-вычислительной техники и погружением в отдаленный аналог виртуальной реальности, поскольку эти автоматы содержали элементы алгоритмических действий и для своего времени были довольно сложными устройствами.

Со второй половины 1980-х на волне перестройки в школах и вузах стали появляться компьютерные классы для обучения молодежи основам информатики. Тогда же стал налаживаться массовый выпуск советских версий персональных компьютеров, которые нередко были нелегальными копиями американских и японских компьютеров. «Персоналки» появились в конструкторских бюро и НИИ, где использовались, в том числе, и для развлечений: одна из классических компьютерных игр «Тетрис» была изобретена программистом Евгением Веселовым в 1985 году и быстро распространилась неформальным образом среди программистов СССР и стран социалистического блока, а потом завоевала весь мир.

Советские дети конца 1980-х стали приобщаться к миру компьютерных игр: некоторые игры были доступны в школах, оборудованных компьютерными классами, иногда родители брали с собой детей на работу, где те играли в компьютерные игры. Популярность советских игровых автоматов стала падать, и это падение ускорилось в 1990-е годы вместе с ростом числа компьютеров у населения, распространением компактных игровых модулей (дешевых китайских копий «Game Boy» фирмы «Nintendo») и приставок для видеоигр «Денди» (неофициального аппаратного клона игровой консоли третьего поколения Famicom). Распад СССР привел к тому, что рухнула национальная система управления парками культуры и отдыха, а многие заводы, выпускавшие советские игровые автоматы, обанкротились. Некому стало поддерживать в рабочем состоянии игровые автоматы, и залы с ними постепенно стали закрываться, оборудование сдавали в металлолом, а вместо залов игровых автоматов стали появляться частные компьютерные клубы, где проводили время постсоветские подростки.

И только массовая ностальгия по позднему советскому времени и советскому детству, начавшаяся в 2004–2006 годах, вернула интерес к игровым автоматам прошлого. Исследования посткоммунистической ностальгии в бывших социалистических странах (Petrovic, 2010: 61–68; Velikonja, 2008; Bancroft, 2009; Velikonja, 2009; Cook, 2007; Balazs, 2007) показывают: история «советского» продолжается на всем постсоветском пространстве. Продолжается либо в качестве негативного мифа об ужасном прошлом, отталкиваясь от которого как от отрицательного примера следует строить будущее и настоящее, либо в качестве позитивного мифа о «золотом веке» — ушедшем, к сожалению многих, навсегда. Самое важное в российской версии постсоветской ностальгии — это увлеченность периодом застоя, к которому можно условно отнести время с 1964-го по 1985-й годы, но его смыслообразующим центром, безусловно, являются «длинные семидесятые», когда советский мир приобрел завершенность и иллюзорную неизменность.

С середины 2000-х постсоветская ностальгия стала по-настоящему заметным социокультурным феноменом, охватившим глянецовые журналы и интернет (Каспэ, 2008: 205–218). В модных журналах и на интернет-ресурсах появились обзоры «комиссионок» и блошиных рынков, где предлагалось пополнить свою коллекцию советского винтажа. Любопытно, что мода на советское охватила поколение тех, кто либо родился на излете СССР, либо находился в детском возрасте на момент распада Советского Союза. Для части этого поколения, ставшего офисными служащими и новой городской интеллигенцией («хипстерами» или «креативным классом»), советский мир казался странным и притягательным одновременно. Те, кто были детьми и подростками на излете советской эпохи, стали генераторами «народной музеефикации» позднего советского времени.

Музей советских игровых автоматов: основание коллекции

Создание Музея советских игровых автоматов в Москве стало одним из проявлений ностальгии по времени 1970–1980-х. Этот музей был основан в начале 2007 года тремя молодыми инженерами из Московского государственного машиностроительного университета «МАМИ» (в настоящее время входит в состав Московского политехнического университета). Основатели музея — Максим Пинигин, Александр Стаханов и Александр Вугман — объясняют свои мотивы, обращаясь к ностальгическим грезам о позднем советском прошлом, хотя они застали советский период в самом детстве, будучи младшими школьниками:

«Это была стандартная мечта советского школьника — иметь дома игровой автомат “Морской бой”. С этой мечты, которая была 25 лет назад, и начался наш музей. Первоначально была просто общая идея с моим другом Александром: найти этот автомат и поставить его дома. Стали обзванивать парки культуры и отдыха. И вот в Таганском парке говорят: “Есть такой автомат. На помойке валяется”. Приехали. Забрали. Отремонтировали. Поставили к себе в гараж. Дальше стали собирать и другие автоматы: “Снайпер”, “Баскетбол”, “Хоккей”, “Кран”... Вскоре двух гаражей стало не хватать (машины давно выселили на улицу)» (Интервью, 2013).

«Я учился в аспирантуре технического университета, у меня было достаточно много свободного времени. И в каком-то нашем шутовом разговоре с одноклассником родилась идея, что нам нужно найти “Морской бой” — собственно, мечту детства любого советского школьника» (Интервью с А. Стахановым).

Когда закончился «гаражный» период увлечения коллекционированием и ремонтом советских игровых автоматов, друзья задумались о создании пространства «советского детства», в котором каждый может стать частью мира игровых автоматов и игрушек периода 1970–80-х. Согласно утверждению французского ученого и одного из основателей направления *memory studies* М. Хальбвакса, детство является исключительно важным периодом для формирования оснований коллективной памяти, поскольку «воспоминания нашего детства подобны стереотипным отпечаткам», запечатленным на «скрижалях нашей памяти» (Хальбвакс, 2007: 41). Детство часто видится лишенным серьезных экзистенциальных проблем, хотя в действительности не избавлено от проблем и напряжений (Creighton, 2001: 10744–10746). Таким образом, идея основателей музея игровых автоматов создать своеобразное собрание предметов «советского детства» имела хороший потенциал популярности.

«Мы хотим из нашего Музея советских игровых автоматов сделать своего рода музей детства. Моя мечта — это музей, в котором собраны атрибуты детства: игрушки, мебель, одежда, какие-то сопутствующие вещи, продукты питания. Мы хотим сделать такое место, куда было бы интересно прийти с детьми. Место, которое работает как машина времени, то есть отец, пришедший с ребенком в наш музей, на какое-то время сам станет ребенком — на час или два» (Васильков, 2009).

Примерно в тот же период (2008–2010) в разных регионах России стали возникать частные музеи, посвященные материальному миру позднего советского периода, в которых в хаотичном виде были экспонированы советские игрушки, предметы быта, радиоприемники, телевизоры, велосипеды, упаковка и даже автомобили. Эти музеи совмещали коммерческие задачи с ностальгической функцией. Музей советских игровых автоматов был одним из первых подобных проектов.

Технический университет, где работали и учились основатели музея, помог им с помещением, предоставив в 2006 году в их распоряжение заброшенный подвал — бомбоубежище времен холодной войны, находившееся в подвале студенческого общежития.

«Нам выделили бомбоубежище. Повсюду была плесень, до нашего прихода люди сюда не заходили лет десять, нам пришлось всё полностью отремонтировать, красить стены и выносить накопившийся мусор» (Васильков, 2009).

В результате, в апреле 2007-го на территории университета, в подвале, появился единственный в нашей стране Музей советских игровых автоматов, ставший одновременно студенческим клубом и кафе. На первом этапе в музее было несколько самых распространенных игровых автоматов из 1970–80-х: «Морской бой», «Магистраль», «Сафари», «Истребитель», «Танкодром» и другие.

Сначала доступ в музей был ограничен для внешней аудитории, экскурсии устраивались не чаще раза в неделю. Однако, по прошествии трех лет, основатели музея увидели в проекте коммерческие перспективы и решили переехать в другое, более просторное помещение, где музей стал работать в непрерывном режиме. В России это был период роста ностальгических настроений в отношении позднего советского времени, которые затронули не только бывших советских школьников и старшее поколение, но и молодежь. Тогда же возникли и другие любительские музеи советского прошлого, а Музей советских игровых автоматов был одним из первых и самых известных, поскольку журналисты активно освещали работу организаторов музея на протяжении всего его существования.

«Как только мы сказали о том, что у нас музей открылся, — там не было, по сути, никакого музея, — к нам сразу приехало два федеральных канала, и, в общем, как-то начали все писать про нас, что мы это... Тема была востребованной, все начали писать, писать, появился какой-то интерес к нам» (Интервью с А. Стахановым).

В течение 2010–2014 годов музей несколько раз менял свое местоположение, постепенно смещаясь к туристическому центру Москвы, пока не занял просторное помещение на реконструированной пешеходной улице неподалеку от станции метро «Кузнецкий мост». Параллельно заработали два филиала музея: на Невском проспекте в Санкт-Петербурге (открыт в 2013 г.) и в Казани (с 2014 г.), где проект постигла коммерческая неудача: казанской аудитории советские игровые автоматы оказались не очень интересны, а время открытия пришлось на период финансового кризиса.

«В августе 2014 года мы открыли музей в Казани. Не самое лучшее время, чтобы открывать музей. Он проработал год и закрылся, потому что мы не видели перспектив роста, видели как бы снижение покупательской способности. Мы, может быть, не провели верные исследования и не понимали, на самом деле, “внутреннюю кухню” Казани» (Интервью с А. Стахановым) .

Однако, возможно, дело в другом: уже почти десять лет в Казани работает Музей социалистического быта, организованный местным интеллектуалом и фотографом Рус-темом Валиахметовым и ставший одной из известных достопримечательностей столицы Татарстана. Тема ностальгии по «советскому», в значительной степени, реализована этим музеем, и новое музейное пространство оказалось невостребованным в этом контексте.

Отдельного внимания заслуживает процесс поиска советских игровых автоматов создателями музея. В советское время установку и техническое обслуживание этих автоматов курировала специальная организация «Союзаттракцион», имевшая филиалы во многих городах. После распада СССР исчезла и централизованная система управления парками и аттракционами, многие игровые автоматы оказались неисправными, поскольку прекратилась поставка комплектующих. Распространение компьютеров и вовсе подорвало интерес к этому виду развлечений. Советские игровые автоматы сдавались в металлолом и доживали свой век на складах и свалках. Основатели музея провели серьезную изыскательскую работу, чтобы найти их и восстановить. Первые игровые автоматы были обнаружены в Таганском парке г. Москвы:

«Обратились в Таганский парк, оказалось, там без дела стоят несколько сломанных автоматов. Мы забрали их и отвезли к дедушке в гараж. Стали искать запчасти, а находили всё новые и новые неработающие жестянки» (Музей..., 2015).

Затем география поиска была расширена и стала включать не только Москву, но даже и отдаленные регионы страны, например, Урал.

«Есть история про перевал Дятлова, где при загадочных обстоятельствах погибла группа советских туристов, — очень трагичная история. И вот, какие-то из наших автоматов ехали из поселка, который находится в 120 километрах от этого перевала. Это Северный Урал — очень труднодоступная точка, но мы узнали про эти автоматы, купили их и привезли в Москву» (Интервью, 2013).

Нередко создателям музея приходилось организовывать поиски в труднодоступных и заброшенных пространствах, которые в советское время служили центрами детского и подросткового отдыха, — в первую очередь, в пионерских лагерях, в части из которых были установлены игровые автоматы. Так музейщики-инженеры включились в то, что называется сегодня *urban exploration* — освоение заброшенных городских пространств и руин, поскольку искали новые экспонаты в руинированных зданиях и на заросших молодым лесом территориях советских пионерских лагерей (Абрамов, 2014). В частности, один из партнеров-основателей музея, М. Пинигин, рассказывает:

«Ходили по заброшенным пионерским лагерям, разрушенным кинотеатрам в сёлах. В одном из десяти объектов что-то обязательно находили. У каждого заброшенного здания обнаруживался хозяин-сторож, который бесплатно ничего не отдавал... Даже если у кого-то что-то в гараже 30 лет хранилось или в подвале школы, все равно не хотели расставаться просто так» (Музей..., 2015).

По словам основателей музея, в течение 1990–2000-х годов немало игровых автоматов было сдано в пункты приема цветного металла, поскольку начинка этого сложного оборудования содержала компоненты дорогих цветных металлов, что позволяло мародерам неплохо заработать. К тому же вес самих игровых автоматов превышал 100 кг и в основном приходился на металлические части: выпуском этого оборудования занимались предприятия советского военно-промышленного комплекса, которые проектировали его с учетом опыта разработки различных видов вооружений, где вес и стоимость компонентов не имеют критического значения.

В архивах заводов иногда удается найти схемы и прочую документацию к игровым автоматам, но в целом информации осталось очень мало, что создает дополнительные трудности при восстановлении экспонатов. Так как детали для них больше не выпускаются и достать их негде, донорами служат другие автоматы, стоящие в музейном зале или на складе. Обычно, для воссоздания одной работающей машины требуется три-четыре неработающих:

«Автоматы ломаются практически каждый день. Причем, мелкие поломки умеет устранить практически любой сотрудник музея. Посетители часто удивляются, видя хрупких девушек с отвертками и другими инструментами у разобранного автомата. Более серьезными поломками занимается техник. Если и он не может решить проблему, автомат переходит в разряд неработающих экспонатов» (Ковальчук, 2016).

Таким образом, деятельность по организации Музея советских игровых автоматов сочетает в себе элементы коллекционирования, практику инженерной работы, опыт создания музеев и коммерческие навыки.

Материальность и гиперреальность ностальгии

Пространство Музея советских игровых автоматов лишь отчасти напоминает привычные музеи, поскольку объединяет в себе зал игровых автоматов, сувенирную лавку и хипстерское кафе в бруклинском стиле. Московский филиал музея отвечает концепции нового урбанизма с его переносом акцентов на пешеходные зоны и превращением центра российской столицы в витрину буржуазно-богемного потребления, описанного Дэвидом Бруксом (Брукс, 2014). Посетитель входит в музей и оказывается перед стойкой ресепшн, украшенной абстрактным узором, за которой входящего приветствуют двое сотрудников музея. В глубине, прямо напротив входа, расположено кафе (бургерная) со столами брутального дизайна из толстых досок, закрепленных на металлических каркасах — отсылка к бруклинскому стилю в интерьере. При этом музей придерживается модели семейного отдыха, когда и взрослые, и дети могут для себя найти возможности для развлечения и досуга: кто-то играет в автоматы, кто-то пьет пиво и ест бургеры, кто-то может пойти на лекцию об истории видеоигр:

«Больше трети наших посетителей — это семьи с детьми. Мама, папа, ребенок, бабушка, дедушка. Такая семья пришла, поигрались, весело, — потому что зима, надо куда-то ходить, для дачи не сезон. Зимой это школьники, группы централизованные. Плюс молодежь — это третья группа. Молодежь, которая ходит куда-нибудь, на всякие выставки: там, молодой человек с девушкой — хипстеры. В летний период примерно треть всех наших посетителей — это иностранцы: какие-то одинокие туристы с путеводителем приходят» (А. Стаханов).

По моим наблюдениям, в будние дни в дневное время в музее, действительно, много студентов и просто тех, кто, проходя мимо, решил в него заглянуть. В воскресенье музей и бургерная заполнены молодыми семьями с детьми, причем возраст родителей

не превышает 30–35 лет: то есть это постсоветское поколение, которое в собственном детстве застало игровые автоматы советского периода.

Заплатив 450 рублей, посетитель получает набор советских монет достоинством 15 копеек и входной билет. Эти монеты нужны для того, чтобы играть в игровые автоматы — их монетоприемник настроен на вес и размер этой, давно исчезнувшей из обращения, монеты несуществующей страны. Историки компьютерных игр обращаются к изучению первых поколений игровых электронно-механических автоматов, поскольку те отражают усилия кибернетики по достижению реалистичности впечатлений, несмотря на скудный арсенал технических средств для визуализации реальных действий и симуляции реальных движений в 1960–70-х (Wolf, 2003). Создатели первых электронно-механических игровых автоматов становились фокусниками-иллюзионистами, создавая ощущение реальности с использованием ограниченных программных и аппаратных ресурсов.

К. Бернштейн отмечает, что, в отличие от онлайн-игр и домашних игровых консолей, электронно-механические игровые автоматы наследовали идею своих старших братьев — игровых автоматов казино (slot machines), когда за минимальный промежуток времени они должны были выманить максимальное количество мелких монет у игроков, заставляя их вновь и вновь возвращаться к игре (Bernstein, 2003). Именно поэтому игровые периоды раздроблены на мелкие временные промежутки — обычно, двух- или трехминутные таймы, а наградой искусному игроку служит дополнительное время — не больше минуты. В этом отношении, и залы советских игровых автоматов являлись прообразами казино, вытаскивая из карманов родителей пионеров последнего советского поколения немалые суммы на продолжение игры. По-фордистски и бихевиористски расчлененное линейное время с необходимостью частой финансовой подкормки игровых автоматов заставляло игрока становиться машиной биологических рефлексов, где отсутствует пространство принятия стратегических решений, но задействована только быстрота реакции. Возможности освоения таких игр лежат не в плоскости интеллекта, а в плоскости физиологии, что может быть интерпретировано как философия создателей игровых автоматов: «легко обучиться, но невозможно мастерски освоить» (Murphy, 2013).

Во время включенного наблюдения мое внимание привлекли дети и подростки, с азартом игравшие в несовершеннолетние, не всегда хорошо работающие, старомодные и побитые жизнью советские игровые автоматы. Это напомнило мне собственное детство в провинциальном областном центре, где в парке отдыха в одноэтажном дощатом павильоне располагался зал игровых автоматов, к которому в летний сезон неизменно была очередь родителей и детей, мечтавших провести там время за увлекательным занятием. Мои посещения Музея советских игровых автоматов стали отправной точкой ностальгического погружения в детские воспоминания: сознание и тело вспоминали забытые ощущения взаимодействия со сложной электронно-механической техникой.

Однако интерес современных детей к этим архаичным пришельцам из прошлого меня удивил: практически у каждого школьника сегодня есть доступ к продвинутым компьютерным играм, играм на планшетах и смартфонах, которые по своим характеристикам и качеству погружения в виртуальную реальность намного превышают возможности примитивных игровых автоматов из 1970-х. Между тем, дети отложили свои смартфоны и увлеченно играли в «Морской бой», «Торпедную атаку», «Воздушный бой», «Обгон», «Снайпер», «Магистраль», «Танкодром» и т. д. Вокруг автоматов собирались компании: когда одни играли, другие с не меньшим азартом наблюдали за игрой. Конечно, эти дети и подростки родились и выросли в постсоветское время, и у них отсутствует личная память о том времени — они знают о нём только от своих старших родственников или из телепрограмм. Поэтому их трудно заподозрить в тяге к советскому. Скорее, магия электронно-механических игровых автоматов кроется в другом: в постепенно исчезающей

материальности досуга, его ухода в пространство компьютерных сетей и виртуальной реальности, в которой даже грязь на траках танков из виртуальных игр смотрится стерильно, и не остается места для наслаждения простыми вещественными фокусами, подобными магии живого циркового представления или незатейливых «чудес» с кроликом и цилиндром, который устраивает балаганный фокусник. Все знают и понимают, что эти материальные чудеса — результат простых манипуляций с двойным дном цилиндра, зеркалами и черным платком фокусника, но хотя бы на мгновение — верят в чудо.

Так же и с советскими игровыми автоматами: это машины переходной эпохи от механики к электронике, и в их наивных попытках изобразить реальность морского или воздушного сражения, или лесной охоты, с помощью спрятанных лампочек, оптических обманов и картонных профилей животных, самолетов и кораблей кроется магия материальности, что и привлекает современных детей и подростков, выросших в мире онлайн-развлечений, 3D кинотеатров и лазерных шоу. Здесь уместно вспомнить некоторые работы Ж. Бодрийяра, написанные в эпоху, когда электронно-механические игровые автоматы еще переживали свой расцвет. В книгах «Система вещей» (Бодрийяр, 1999) и «Символический обмен и смерть» (Бодрийяр, 2000) французский философ нащупывал контуры нового, гиперреального, мира, где «природная субстанция вещей» заменяется на «субстанцию синтетическую», основанную на универсальной поддельности мира, с помощью искусственных материалов модернистского интерьера, систем зеркальных поверхностей или применения автоматики в производстве. Современные компьютерные игры разрывают отношения с реальностью, создавая иллюзию гиперреальности и симуляции высокого порядка, оторванной от механики реального мира: это симулякр погружения в мир «Матрицы» братьев Вачовских, отказа от телесности в привычном смысле слова. Между тем, электронно-механические игровые автоматы 1960–70-х не предполагали полного отрыва от референтов реальности, но со своим техническим несовершенством, необходимостью иметь дело с материальностью механики кнопок и рычагов, своим схематизмом отображения морского боя или охоты, могли рассматриваться как бодрийяровские симулякры первого порядка. Это симулякры, у которых не произошло разрыва с подлинностью окружающей реальности, но намечены первые тропинки в мир ирреального, которые, однако, прерываются жестким возвращением к действительности через короткие промежутки времени (две-три минуты), когда заканчивается очередной сеанс игры. С позиции сегодняшнего дня, советские игровые автоматы воспринимаются как воплощение своеобразного кибернетического стимпанка, где механический интерфейс электронных устройств еще не заменен гладким стеклянным экраном планшетных компьютеров и смартфонов, но является проводником в мир виртуального.

Почти сразу после создания реального Музея советских игровых автоматов основатели задумались о его онлайн-версии, включавшей компьютерную эмуляцию самых популярных советских игровых автоматов, то есть возможность игры в них на PC. За помощью в организации онлайн-версии музея они обратились к самому знаменитому и престижному российскому арт-дизайнеру Артемию Лебедеву, предложив ему в качестве платы временную установку некоторых автоматов в офисе его дизайнерского бюро в Москве (Васильков, 2009). В обмен на это один из сотрудников компании Артемий Лебедев взялся за разработку сайта и онлайн-эмуляции игровых автоматов, которая действует до сих пор (<http://www.15kor.ru/>). Впрочем, эта эмуляция не может заменить реального пользования советскими игровыми автоматами, где тактильные ощущения прикосновения к прорезиненному перископу подводной лодки и управления механическим джойстиком при полете истребителя играют существенную роль в магии впечатлений от этой техники.

При покупке билета посетителя предупреждают о том, что в силу ветхости не все функции игровых автоматов будут срабатывать должным образом — могут случаться неожиданные сбои. Действительно, шарниры перископов и манипуляторов изношены, а поворот руля далеко не всегда синхронизирует движение автомобиля по экрану монитора. К тому же потрепанность игровых автоматов является дополнительным знаком их принадлежности к этой, а не виртуальной реальности: подобно антикварным вещам, служащим сосредоточением духа прошлого, советские игровые автоматы отсылают посетителя к прошлому, даже если это молодой человек, который никогда не жил в эпоху позднего СССР. Притягательность состарившегося механизма, на котором присутствуют следы ушедшего времени и тысяч прикосновений многих людей, придает игре дополнительное ощущение погружения в прошлое. Игрушечные, но реалистичные ружья охотника, эбонитовые рули гоночных автомобилей с металлическими ножными педалями газа, черные прорезиненные перископы подводных лодок, гашетки истребителей — эти материальные детали игры выглядят настоящими, и даже естественные сбои в работе старых и изношенных игровых автоматов придают дополнительное очарование и натуральность игровому процессу — ведь и в старом танке, автомобиле, истребителе или подводной лодке тоже не может всё работать идеально.

Поколение интернета ищет и находит материальность в игровых олдтаймерах из другой эпохи. Аллюзии на подобную ностальгию по материальности часто использует в своих романах японский писатель Харуки Мураками, создавая воображаемую реальность в новом виртуализированном мире.

«Пинбол-1973» Харуки Мураками: ностальгические аффекты игровых автоматов

В романах «Пинбол-1973» (1980), «Норвежский лес» (1987), «К югу от границы, на запад от солнца» (1992) и других романах и рассказах Мураками показывает эфемерность проходящего времени, болезненную недостижимость даже недавнего прошлого и травму перемен, вызванную быстро меняющимися окружающими обстоятельствами, технологиями и экзистенциальным разрывом собственной идентичности, природа которой является предметом рассмотрения Мураками.

Основной корпус текстов писателя посвящен переходу от надежд и социального подъема бурных 1960-х к серому безвременью 1970-х и новому циничному времени неолиберального капитализма следующих десятилетий. Япония в эти периоды находилась в различных фазах быстрого экономического роста и завоевания лидерских позиций на глобальных рынках товаров и услуг. Однако за этим процветанием скрывалась внутренняя пустота поколения японских «шестидесятников» и «новых левых», которые в 1968–69 годах захватывали кампусы университетов и выходили на послевоенные митинги, однако затем были перемолоты японской корпоративной машиной, став послушными «белыми воротничками», традиционно напивавшимися по пятницам и посещавшими караоке-бары. Те, кто стройными колоннами не пошел в офисы японских компаний, оказались аутсайдерами, у которых был небольшой выбор: становиться интеллектуальными фрилансерами, живущими на периферии экономического чуда, либо двигаться в сторону религиозного или левого радикализма, о чем Мураками немало рассуждает в своих произведениях. Герои Харуки Мураками — это «лишние люди», как называли интеллигентов из русской литературной классики XIX в., те, кто оказался слишком рефлексивным для религии, политического терроризма или карьеры клерка, и кто осознает, что общественная и культурная атмосфера может измениться очень быстро — в течение пяти-семи лет. Для этих героев ностальгия — это не банальный эскапизм, но способ

разобраться с настоящим и со своим местом в нем, используя недавнее прошлое как лакмусовую бумажку.

Ностальгическая поэтика игровых автоматов обнаруживается в романе Харуки Мураками «Пинбол-1973», где главный герой расстается с юношескими иллюзиями 1960-х, проживая в 1973 году странные события, связанные, в том числе, с поисками игрового автомата «Ракета», у которого он проводил дни и ночи в студенческое время. Конечно, культура японского пинбола «Патинко» далека от развлекательных советских игровых автоматов. Однако в обоих случаях можно обнаружить затягивающее очарование электронно-механической машины — тем более что герой Мураками искал автомат, который изготавливался для американского развлекательного рынка, а не был простым субститутом «однорукого бандита».

Поиски пинбольного автомата происходят с помощью эксперта, увлекающегося историей этой отрасли развлечений, и поразительно похожи на то, как формировалась коллекция Музея советских игровых автоматов: оборудование чаще всего заканчивает свою жизнь в пунктах приема металлолома.

«Тут несколько вариантов. Самое вероятное — она уже в металлоломе. Ведь оборачиваемость пинбольных машин очень высока. Обычный автомат изнашивается за три года — выгоднее поставить новый, чем тратиться на ремонт старого. Добавьте к этому такую вещь, как мода. Старье просто выбрасывают... Вариант два: кто-нибудь купил ее как подержанную. Бары иногда берут такие машины: модель старая, но еще послужит. <...>И наконец, совсем маловероятный вариант три: ее прикарманил какой-нибудь пинбольный фанат» (Мураками, 2012).

Еще одним важным совпадением сюжета «Пинбола-1973» с историей советских игровых автоматов является характеристика компаний, которые после Второй мировой войны осваивали рынок игровых автоматов. В СССР это были предприятия военно-промышленного комплекса, которым правительство поручило разработку игровых автоматов на базе зарубежных образцов, а в истории Мураками этим занялись фирмы, потевявшие военные заказы в первые послевоенные годы:

«Фирма “Гилберт и сыновья” вышла на рынок пинбольных автоматов сравнительно поздно. Со Второй мировой войны и до Корейской она, в основном, выпускала боевое оборудование для бомбардировщиков. Когда же в Корее заключили перемирие, решила освоить новый бизнес. Игровые автоматы, музыкальные, торговые, для попкорна... Одним словом, мирную продукцию. Первый автомат для пинбола был сделан в пятьдесят втором году. Довольно неплохой. Прочный и дешевый. Но не особо интересный» (Мураками, 2012).

Проводник героя Мураками в мир игровых автоматов находит искомую машину в коллекции странного чудака-энтузиаста, скупающего в пунктах приема металлолома старые игровые автоматы, — и вместе они отправляются в пригород Токио, чтобы сыграть в легендарный пинбол «Ракета», находящийся в старом ангаре среди других семидесяти семи пинбольных автоматов. Для героя Мураками наступает ностальгический катарсис, обусловленный встречей с игровым автоматом, у которого он проводил безумные дни и ночи в студенчестве. Так же, как и в случае с советским «Морским боем», в пинболе «Ракета» протагонист видит не примитивный набор электромеханических деталей и незатейливый рисунок звездного неба — но огромную реальность своего прошлого, возможность для погружения в этот затерянный мир:

«Трехфлипперная “Ракета” ждала меня в другом конце колонны. <...> Я остановился перед ней и смотрел на такую знакомую доску. Темная синева космоса, как от пролитых чернил. Маленькие белые звезды. Сатурн, Марс, Венера... Среди всего этого плывет белоснежный космический корабль. <...> Его иллюминаторы освещены, а внутри атмосфера семейного праздника. Индикатор призовой игры в форме звезды из десяти лампочек неспешно гоняет туда-сюда лимонно-желтую вспышку. Две лунки на вылет — Сатурн и Марс. Роторная мишень — Венера... И все в какой-то летаргии» (Мураками, 2012).

Когда я впервые пришел в Музей советских игровых автоматов, я не предполагал, что прошлое может иметь столь непосредственное материальное воплощение, выраженное в механике поворота игрушечного перископа и тактильных ощущениях от прикосновения к рычагам управления танком в автомате «Танковый бой». Вслед за героем Мураками я начал путешествие по времени, отдаленному от меня более чем на три десятилетия назад, когда я ребенком посещал городской парк культуры и отдыха и «зависал» в зале игровых автоматов, переводя одну пятнадцатикопеечную монету за другой. Помню, что играл я неудачно — никогда не обладал быстрой реакцией, но играл увлеченно, пока родители не предлагали мне выйти в парк, ощущая, как пустеют их кошельки. И вот, Музей советских игровых автоматов на какое-то мгновение вернул меня в детство.

Литература

- Абрамов Р. Н. «Забутые в прошлом»: освоение заброшенных пространств и феномен нового городского туризма в России // Микроурбанизм. Город в деталях / Отв. ред.: О. Н. Запорожец, О. Е. Бредникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 231–255.
- Абрамов Р. Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. № 5. С. 99–111.
- Аттракцион-71. Заметки с международной выставки в Москве «Современные аттракционы» // Техника — молодёжи. 1971. № 12. С. 36–37.
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
- Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999.
- Брукс Д. Бобо в раю: Откуда берется новая элита. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.
- Васильков Е. «Мы хотим, чтобы взрослые люди играли...». Музей советских игровых автоматов в московском бомбоубежище // Частный корреспондент. 6 августа 2009 г. URL: <http://www.chaskor.ru/p.php?id=9091> (дата обращения: 1.06.2018)
- Джеймисон Ф. Вальтер Беньямин, или Ностальгия // Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры. М.; Екб.: Кабинетный ученый, 2014. С. 116–137.
- Донован Т. Играй! История видеоигр. М.: Белое Яблоко, 2014.
- Интервью с Александром Стахановым, директором Музея советских игровых автоматов // Всё об играх. Mail.ru, 31 октября 2013. URL: https://games.mail.ru/pc/articles/feat/intervju_s_odnim_iz_osnovatelej_vystavki_sovetskih_igrovyh_avtomatov_aleksandrom_stahanovym_by_crazy_mega_man_list_ru/ (дата обращения: 1.06.2018)
- Каспэ И. М. «Съесть прошлое»: идеология и повседневность гастрономической ностальгии // Пути России: культура — общество — человек: Материалы Международного симпозиума (25–26 янв. 2008 г.). Т. XV / Под общ. ред. А. М. Никулина. М.: Логос, 2008. С. 205–218.
- Ковальчук В. Призовая игра: как устроен музей советских игровых автоматов // Biz360, 13 апреля 2016. URL: <https://biz360.ru/materials/prizovaya-igra-kak-ustroen-muzey-sovetskich-igrovых-avtomatov/> (дата обращения: 1.06.2018)
- Кухер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941. М.: Росспэн, 2012.
- Музей советских игровых автоматов: Как продать ностальгию // Секрет фирмы. 23 апреля 2015 г. С. 12–15.

- Мураками Х. Пинбол-1973. М.: Эксмо, 2012.
- Рейнольдс С. Ретромания: Поп-культура в плену собственного прошлого. М.: Белое Яблоко, 2015.
- Санагурский Д. Ю. Видеоигры как сюжет культурологического исследования // Культурологический журнал. 2015. № 1 (19). С. 12–19.
- Тимофеев М. Ю. Музеефикация СССР // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 5. С. 25–33.
- Хальбвакс М. Сновидения и образы-воспоминания // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. С. 20–48.
- Alloway N., Gilbert P. Video Game Culture: Playing with Masculinity, Violence and Pleasure // *Wired Up: Young People and the Electronic Media* / Ed. Sue Howard. London: UCL, 1998. P. 95–114.
- Balazs F. The apotheosis of Janos Kadar: On the glorifying gesture of nostalgic memory // *Nosztalgia — ways of revisiting the socialist past* / Ed. I. Willinger. Budapest: Anthropolis, 2007. P. 5–9.
- Bernstein C. Play it again, Pac-Man // *The video game theory reader* / Eds. M. J. P. Wolf & Bernard Perron. N.Y.: Routledge, 2003. P. 155–168.
- Cohen Y. Circulatory Localities: The Example of Stalinism in the 1930s // *Kritika Explorations in Russian and Eurasian History*. 2010. N 11 (1). P. 11–45.
- Cook R. F. “Good Bye, Lenin!”: Free-Market Nostalgia for Socialist Consumerism // *A Journal of Germanic Studies*. 2007. N 2. P. 206–219.
- Creighton M. R. Anthropology of Nostalgia // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2001. P. 10744–10746.
- Dominick J. R. Videogames, Television Violence, and Aggression in Teenagers // *Journal of Communication*. 1984. N 342. P. 136–147.
- Flanagan M. Hyperbodies, Hyperknowledge: Women in Games, Women in Cyberpunk, and Strategies of Resistance // *Reload: Rethinking Women Cyberculture* / Eds. M. Flanagan and A. Booth. Cambridge: MIT Press, 2002. P. 424–454.
- Grossman D., Degaetano G. Stop Teaching Our Kids to Kill: A Call to Action Against TV, Movie and Video Game Violence. N.Y.: Harmony, 1999.
- Herman L. Phoenix: The Fall and Rise of Videogames. N.J.: Rolenta Press, 1997.
- Herz J. C. Joystick Nation: How Videogames Ate Our Quarters, Won Our Hearts, and Rewired Our Minds. Boston: Little, Brown, 1997.
- Kinder M. Playing with Power in Movies, Television, and Video Games: From Muppet Babies to Teenage Mutant Ninja Turtles. Berkeley and LA: University of California Press, 1991.
- Murphy D. Hacking Public Memory: Understanding the Multiple Arcade Machine Emulator // *Games and Culture*. 2013. N 8 (1). P. 43–53.
- Post-Communist Nostalgia / Eds. M. Todorova and Z. Gille. New York: Berghahn Books, 2010.
- Provenzo E. Video Kids: Making Sense of Nintendo. Cambridge: Harvard University Press, 1991.
- Velikonja M. Lost in Transition: Nostalgia for Socialism in Post-Socialist Countries // *East European Politics and Societies*. 2009. N 4. P. 535–551.
- Velikonja M. Titostalgia — A Study of Nostalgia for Josip Bros. Ljubljana: Mirovni Institut, 2008.
- Witherford N., de Peuter G. Games of Empire. Global Capitalism and Video Games. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2009.
- Wolf M. Abstraction in the Video Game // *The Video Game Theory Reader* / Eds. Wolf and Bernard Perron. London: Routledge, 2003. P. 47–67.

Новый советский консенсус: реанимация идеала в пятидесятых

DOI: 10.19181/inter.2018.15.4

Михаил Рожанский*

В фокусе статьи три произведения пятидесятых годов (поэма А. Твардовского, повесть А. Кузнецова и пьеса А. Арбузова), действие которых происходит на строительстве Иркутской ГЭС. Произведения рассмотрены как версии реанимации советского идеала в условиях десакрализации власти. Важный ресурс для такой реанимации — миф о Сибири как пространстве настоящего, актуализированный большими стройками пятидесятых. Поиск людьми возможностей «новой жизни» на стройках Сибири даёт художественной интеллигенции возможность дать второе дыхание социальному идеализму в советской культуре и таким образом участвовать в переучреждении советского консенсуса.

Ключевые слова: десталинизация, Оттепель, советский консенсус, советский идеализм, сибирский миф.

Пятидесятые — ключевое десятилетие социально-антропологической истории «советского века». Антропологический фокус возникает практически при каждой попытке охарактеризовать пятидесятые. «Оттепель» — изначально метафора, через которую выражались надежды на пробуждение социальной и культурной жизни. Затем «оттепелью» стали называть период возникшей непредписанной социальной и культурной активности. Но степень зависимости социально-культурных процессов от политических решений такова, что акцент чаще ставится на либерализации политики советского руководства. На небольшой временной дистанции в двух разных издательствах вышло два научных сборника. Первый из них посвящен советским пятидесятым, в подзаголовке второго — 1953–1985 годы. Тематический спектр различен. В первом — попытка охватить идеологию, внутреннюю политику, социальную, религиозную, культурную жизнь и повседневность, в фокусе второго — советский человек и субъективность. Но названия двух книг совпали: «После Сталина». В каких бы сферах советской жизни ни происходили изменения, их начало датируется смертью вождя и сменой руководства. Другой выразительный симптом политизации хронологии — устойчивая формула «хрущевская оттепель», кочующая по публицистическим фильмам и публичным дискуссиям.

Политические изменения и противоречия были условиями социальной жизни, но важно увидеть эти изменения и противоречия как реакцию политики на социально-антропологические изменения и запросы. Катализатором социальных и культурных процессов стали последовавшие в первые же месяцы, даже недели после похорон Сталина решения партийного руководства. Но и скорость принятия решений, и характер

* Рожанский Михаил, кандидат философских наук, научный директор Центра независимых социальных исследований и образования. mr1954@yandex.ru

сигналов, которые эти решения подавали, ясно говорят: те, кто входил в коллективное руководство, считались с настроениями в стране — известными или предполагаемыми.

В книге, предмет которой — общественные изменения, Елена Зубкова ограничила «оттепель» минимальным сроком, назвав главу «1953–1956: Оттепель» (Зубкова, 1993: 103–147)]. Очевидно, что к этому промежутку не сводятся процессы «духовного взросления общества, которые постепенно развивались снизу» (Зубкова, 1993: 127). В результате исследовательница разделила политическое и социальное с помощью двух метафор: «оттепель» и «духовное взросление общества». Слово «снизу» — маркер взгляда на социальную историю из истории политической. Но здесь обнаруживается противоречие: большинство авторов в воспоминаниях, публицистике и исследованиях используют для описания «оттепели» культурные и антропологические характеристики. А подчинение исторической реконструкции советских пятидесятых логике политической истории оттесняет эти характеристики на периферию, лишая объема социокультурные процессы.

Полностью согласен с Александром Прохоровым в том, что «как ни заманчиво, говоря о переменах в художественной жизни общества, провести аналогию с политической историей страны, в первую очередь следует всё же проанализировать условия развития самой этой художественной жизни и тропы, посредством которых разные сферы искусства формулируют культурные ценности своего времени» (Прохоров, 2007: 87). Прохоров рассматривает преемственность в художественном процессе, показывает, как воспроизводились в литературе и кинематографе «оттепели» парадигмы «сталинской культуры», но не привязывает жестко культурные изменения к истории власти, отмечая в том числе, что «и тропы, и условия существования культуры начали меняться еще при жизни Сталина, в последние годы его правления» (там же).

Исследование пятидесятых могло бы демонтировать политическую парадигму в описании и периодизации советской истории. Пятидесятые — кризис идеократии. Геннадий Батыгин и Мария Рассохина определили его как «семантический коллапс коммунизма», подтвердив формулу контент-анализом журнала «Новый мир» за десятилетие (Батыгин, Рассохина, 2002). В концепции Алексея Юрчака этот кризис определяется как «перформативный сдвиг» (Юрчак, 2014). И в той и в другой концепции рассматриваемые процессы также не датируются смертью Сталина: их динамика отмечается, по меньшей мере, с рубежа сороковых-пятидесятых.

В пятидесятых переучреждается советский консенсус. Предмет данной статьи — то, с чем в консенсус входила художественная интеллигенция, а именно работа с социальным идеалом в литературе и искусстве. Тому, как это происходило в советском кино, посвящена статья «Испытание Сибирью: настоящий человек на великих стройках и в фильмах 1959 года» (Рожанский, 2018). В предлагаемой статье речь о литературе и театре. В фокусе три заметных произведения (и каждое из них, используя сегодняшнюю лексику — знаковое, вошедшее в историю эпохи): поэтическое, прозаическое и драматургическое. Объединены они местом действия — строительством Иркутской ГЭС — и тем, что стройка под Иркутском оказывается поприщем для социального идеализма, чего отнюдь не было в пропагандистском оформлении самой стройки. Но эта большая стройка была одной из тех площадок, на которых выразительно проявлялись сдвиги социальных пластов, ставшие и причиной, и следствием масштабной социальной мобильности.

Советское как народный идеал. Александр Твардовский

Десталинизация политическая — попытка реформирования системы сверху, ключевым пунктом которой, как показывает Михаил Гефтер в эссе о Хрущеве, становится феномен реабилитации, требовавший запрета на вычеркивание людей из жизни. Это был некий «анти-Сталин», вызов презумпции недоверия к человеку, но «анти-Сталин»

непоследовательный, поскольку был унаследован и «комплекс могущества с его жесткими правилами, диктующими каждому народу и каждому человеку место и границы дозволенного, и с его иллюзиями, позволяющими миллионам находить смысл и даже счастье в несвободе» (Гефтер, 1991: 327). Михаил Гефтер рассматривает дилемму политического и социального, прослеживая логику десталинизации после смерти Сталина:

«Чьим именем справедливее назвать ту оконченную, но не завершённую эпоху — именем Никиты Хрущева или именем Александра Твардовского? Именем первого слушника сталинской системы, не сумевшего совладать со Сталиным в самом себе, или именем человека, которому первый дал возможность превозмочь Сталина в себе: ту возможность, которая родила раскрепощающее Слово — дверь из смерти в жизнь?!» (Гефтер, 1991: 367).

Имя Твардовского здесь — и опыт конкретного человека как антропологическая логика десталинизации, и персонификация «новомировской» традиции. В этой характеристике эпохи и политическое, и социальное фокусируются на антропологическом «превозмочь в себе».

Первая ассоциация, возникающая на процитированную выше фразу Елены Зубковой о духовном взрослении общества — глава «Так это было» из поэтической книги Александра Твардовского «За далью — даль», которую сам автор называл «сталинской главой»:

*Так мы не в присказке, на деле,
Когда судьба потрянула нас,
Мы все как будто постарели —
Нет, повзрослели — в этот час.*

«Этот час» обозначает трагический момент утраты «грозного отца», дни смерти Сталина, но вся «сталинская глава» книги поэм — именно о взрослении некоего «мы», о том, что народ взял на себя ответственность, которую ранее возлагал на вождя, и творит историю.

Книга поэм складывалась на всём протяжении пятидесятых годов. С первых глав, опубликованных уже в 1951 году, поэт создавал панораму жизни великой страны, продвигаясь вместе с лирическим героем по Транссибу. Написанные стихи публиковались как главы будущей книги. Назовем, вслед за литературоведами, лейтмотив этих первых глав «пафосом единения» (Лейдерман, Липовецкий, 2010: 238): автора с читателем, пассажиров как «родни», лирического героя с теми, кого он вспоминает (а через них — со всем народом). Волга собирает в себя реки, а Родина вобрала в себя уральскую, сибирскую и смоленскую жизнь. И в этом движении по краям и весьям, в путевых впечатлениях и в вагонных спорах открывались и утверждались бесспорные основания советской веры, представшие в поэме более надежными, чем разрушенное обожествление вождя.

Тема десталинизации начиналась для поэта как тема эпическая уже в 1953 году. В дневниках Александра Твардовского первое упоминание о «сталинской главе» появляется 11 июля как о главе внеочередной: «как бы прерывающая путешествие-рассказ, вся посвященная ему, вся, в объеме моей жизни» (Твардовский, 2013: 84). Процитированная выше идея главы там уже была намечена:

«Когда у тебя умирает твой отец, ты вступаешь сразу в другой, более зрелый возраст» (там же).

И там же было сказано о противоречивости того, что впоследствии назвали «десталинизацией»:

«Он создал такую духовную дисциплину миллионов людей вокруг своего имени, что она всех, без единого исключения, лишала в известном смысле личности, малейшей самостоятельности мышления, чуть ли не чувства, до того довел этот пафос беспрекословия, веры, преданности, этот автоматизм подчинения низа верху, что этот автоматизм действует и сейчас, когда речь идет о снятии «культа личности» (Твардовский, 2013: 85).

Из объемной записи-размышления приведу еще два фрагмента, объясняющие эпическую интонацию как этой записи декабря 1953 года, так и будущей главы:

«Даже если представить, что его ошибки в 100 раз больше, чем покамест говорят, он — всё равно он, он огромная, главная, может быть, половина нашей жизни» (Твардовский, 2013: 84).

И еще: *«Именно теперь это — главная тема эпохи. Она охватывает все стороны и оттенки человеческих отношений, все. Для меня, по крайней мере» (Твардовский, 2013: 85).*

Эпической тема десталинизации входила и в «очередные» главы книги «За далью — даль»: обожествлению вождя или, например, пассажиру, еще живущему прежними представлениями и по-чиновничьи поучающему попутчиков, противостоит правда народной жизни, братство народа-победителя, равенство людей. И «сталинская глава» передает хоть и драматический, но естественный ход вещей, движение некоего коллективного мировоззрения и поступательное историческое движение народа/страны. Сама книга поэм «За далью — даль» и дневниковые записи Твардовского о работе над её главами свидетельствуют о противоречиях между этой исторической поступательностью и «превозмоганием Сталина в себе». Однако книга всё же сложилась как целое, строчки начала пятидесятых, по их завершении, оказались уместными — и по содержанию, и по интонации. В 1960 году, когда книга была опубликована целиком, «сталинская глава», которая родилась в пятьдесят третьем году как траурный отклик на смерть вождя (в дневник фрагменты главы записываются с декабря 1953 года), стала завершающей, предшествующей эпилогу. Конечно же, она переписывалась и переосмыслялась, однако и в итоговом варианте главы прочитываются не только строфы, но и интонации первых вариантов.

Процитированная книга Наума Лейдермана и Марка Липовецкого — история русской литературы последних советских десятилетий. Раздел «Соцреализм с человеческим лицом» включил очерки о Василии Гроссмане и Александре Твардовском. Роман «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана оценен как завершение и одновременно подрыв эпической традиции советской литературы. Продолжать эту традицию, по заключению литературоведов, «означало закрывать глаза на противоречия, скрытые в народе и его сознании, в конфликте между личностью и историей, в трагедийности противостояния “отдельного человека” машине государства» (Лейдерман, Липовецкий, 2010: 211). Далее следует очерк о творчестве Александра Твардовского, где авторы отводят книге «За далью — даль» значимую историческую роль «выламывания из социалистического канона» (Лейдерман, Липовецкий, 2010: 237–247). Имеется в виду «выламывание» как процесс, но процесс незавершенный: Твардовский не допускает вины народа, а сосредоточен исключительно на поиске собственной вины (Лейдерман, Липовецкий, 2010: 241). На основе рабочих тетрадей Твардовского литературоведы выделяют некий переломный

момент, когда поэт, переживавший кризис первоначального замысла поэмы, начатой еще при жизни Сталина, обрел энергию для её продолжения. В эту историю стоит всмотреться пристальнее — она не только биографическая и литературоведческая.

Казалось бы, тема народного единения свяжет всю книгу в единое целое, как Транс-сиб связывает страну. Но по дневниковым записям Твардовского можно понять, что работа над поэмой «не шла» с конца 1953 года, и поэт неоднократно высказывает сомнения, что поэма сложится, хотя прямо намерение отказаться от работы до 1955 года не высказывается — во всяком случае, в опубликованных записях. В 1955 году, в отличие от предыдущего, работа над текстом идет интенсивно и регулярно. Но также регулярны в дневнике свидетельства о трудностях, которые поэт оценивает как критические для дальнейшей работы над «За далью — даль» как единым произведением. В записи 6 сентября 1955 года суть кризиса Твардовский определяет так:

«А тут всё дело в том, что нет у меня той, как до 53 г., безоговорочной веры в наличествующее благоденствие» (Твардовский, 2013: 212).

Лейдерман и Липовецкий пишут, что Твардовский был склонен оставить замысел, поскольку одическая поэтика первых глав, созвучная образу народа-победителя, видимо, оказалась исчерпанной, неуместной для новых времен. И что из ощущения кризиса, если не тупика, поэта вывела работа над главой «Друг детства», в которой появилась новая тема, ставшая затем одной из ведущих в книге — тема сомнений, чувства, если не вины, то ответственности за недавнее прошлое страны.

Сюжет главы «Друг детства» — краткая встреча на станции Тайшет с другом, возвращающимся из лагерей. Заметим, что идея главы о случайной встрече на сибирской станции была обозначена строчкой в дневнике еще в июле 1953 года. Там было даже использовано название «Друг детства», только встреча предполагалась не с освободившимся из заключения, а, напротив, с другом, ставшим большим человеком «восточной промышленности» (Твардовский, 2013: 88)². Замысел главы о встрече не с героем эпохи, а с тем, чью судьбу эпохасломала, в дневниках Твардовского впервые упоминается в марте 1955 года (Твардовский, 2013: 190).

Прийти к выводу о выходе поэта из кризиса работы над книгой «За далью — даль» литературоведам, видимо, позволило то обстоятельство, что в 1955 году записи в своих тетрадях Твардовский постоянно посвящает работе над «Другом детства»³. Но мне кажется необходимым уточнить этот вывод. Мощный творческий импульс работа над сюжетом о встрече с другом дала. Наверное, справедливо говорить о выходе поэта из творческого кризиса, но не из кризиса замысла книги «За далью — даль». Кризисные ощущения (иногда их можно оценить как чувство тупика в развитии замысла) совершенно определенно связаны с рождением главы «Друг детства». Во всяком случае, записи Твардовского говорят об остром осознании этого кризиса. Намерение отказаться от работы над книгой высказывается даже тогда, когда глава написана и зачитывается первым слушателем.

² Это первая полная публикация дневников Александра Твардовского за 50-е годы, которой не было, к сожалению, в распоряжении Н. Лейдермана и М. Липовецкого. Дочери поэта, подготовившие издание, дали ему название «Дневник: 1950–1959». Название «Рабочие тетради», принадлежащее самому Твардовскому, в книжном издании также встречается, поэтому я использую в статье формулы «дневник» и «рабочие тетради» как синонимичные.

³ Журнальная публикация (Знамя, 1989, № № 7–9) содержала те записи, которые с изъятиями отобрал сам А. Т. Твардовский, и начиналась с фрагмента от 29 декабря 1953 года (Твардовский, 2013: 5). Её Н. Лейдерман и М. Липовецкий и анализировали как рабочие тетради Твардовского.

Глава стала вызовом для первоначального замысла поэмы и не просто потребовала его углубления, но поставила под вопрос саму возможность его реализации:

«Тема страшная, взявшись, бросить нельзя — всё равно, что жить в комнате, где под полом труп члена семьи зарыт, а мы решили не говорить об этом и жить хорошо, и больше не убивать членов семьи. Тема многослойная, многорадиусная — туда и сюда кинься — она до всего касается — современности, войны, деревни, прошлого революции и т.д. М.б., опять возникает мысль, что она не решаема в лоб, а только может где-то исподволь проходить, но — нет. Во всяком случае, надо попробовать её разрабатывать без “надежд на ближайшее доведение” до дела. А без этого никаких “далее” у меня не может развернуться» (запись 13 сент. 1955 г.) (Твардовский, 2013: 214–215).

Без сюжета встречи с другом, возвращающимся из лагеря, поэму о народном единении создать невозможно, поскольку это тема вины за соучастие в вычеркивании людей из жизни. Но тему не только трудно «вытянуть», она взламывает идею поэмы и содержательно, и интонационно. Уже начиная работу над сюжетом встречи с вышедшим из лагеря другом, Твардовский предчувствовал (26.VI.1955), как трудно будет согласовать сюжет с соседней главой, в которой «будет некоторая обычность и даже обязательность пафоса» (Твардовский, 2013: 201). Твардовский планирует решить эту задачу так: *«Предвидится некая вставка-отступление “Ничем меня не отучить” (любить родину и т.п.)»* [там же]. Судя по дневниковым заметкам, поэт понимает, что подобное простое решение малоубедительно — взятая тема слишком сложна и личностна: *«это главное: замок на мысли, “грех” — избавление от необходимости думать, иметь свое человеческое мнение и суждение. Кому-то там видней (больше, чем мне, другу, знающему человека, как самого себя). Отказ себе в каком-либо значении своей принадлежности тому, общему, к чему апеллирую»* (Твардовский, 2013: 206).

«Грех» предписан свыше, исторической инстанцией. «Общее» оказывается сомнительным, небесспорным. И вопрос о личной вине (знал о невиновности репрессированного друга/друзей, но ничего не мог и не смел делать) вошел в предмет дневниковых размышлений Александра Твардовского как вопрос о смысле веры. Записи Твардовского ясно свидетельствуют об этом. Но это делает сомнительной и фетишизацию «народного единения», подчеркнутую интонацию искренности, то есть замысел книги.

Новая глава тяготеет к автономности от написанного ранее, о чем Твардовский неоднократно пишет в дневниках⁴, однако он публикует «Друга детства» — именно как главу — в первом сборнике «Литературная Москва», который сдан в печать 17 февраля 1956 года (Чупринин, 1989: 461)⁵. Это была знаковая публикация — в ней, как заметил Григорий Свирский, *«впервые встретилась официально признанная русская поэзия с лагерным потоком»* (Свирский, 1979)⁶.

⁴ «В “Друге” есть самостоятельное содержание, и, примыкая по сюжетной ниточке к тому (то есть к главам, написанным в начале 50-х. — М. Р.), он может быть и отдельным делом» (Твардовский, 2013: 212).

⁵ Заметим, что альманах с главой «Друг детства» был сдан в печать за неделю до закрытого заседания XX съезда партии, на котором Н. С. Хрущев выступил с докладом «О культуре личности и его последствиях».

⁶ Цитирую по электронной версии. URL: <http://lib.ru/NEWPROZA/SWIRSKIJ/svirsky1.txt> (дата обращения: 25.05.2018). «Литературная Москва», как известно, подверглась расправе, но объектом иницированной «свыше» критики в 1957 году стал второй (и последний) выпуск, вышедший в конце 1956 года.

Публикация состоялась, но Твардовскому по-прежнему трудно представить, что родившаяся и даже опубликованная глава сможет соединиться в единое произведение с уже написанными. И дело не только в том, что новая глава «выбивается» из написанного до этого, дело еще в том, что написанное ранее теперь воспринимается иначе. О «сталинской главе» автор записывает в апреле 1956 года, что *«теперь глава эта вообще выпадает»* (Твардовский, 2013: 225–226), и тут же замечает: *«Друг детства» мог быть отдельной вещью»* (запись 27 апреля 1956 г.) (Твардовский, 2013: 226).

За год работы над сюжетом о встрече на станции решение сделать «Друга детства» отдельным произведением так и не вышло. Но и противоречие между этой главой и написанными ранее, ставившее под сомнение замысел книги, разрешено не было. Стремление лирического героя быть искренним перед самим собой заявлено с первых строк будущей книги, а благодаря главе «Друг детства» размышления становятся исповедальными. Императив искренности, задавший интонацию лирического героя, делает главу об ответственности за прошлое необходимой.

Для самого Твардовского тема вины — не новая тема. О «Друге детства» он пишет, что *«тема этой главы у меня идет из далекой юности»*, имея в виду, разумеется, не конкретную встречу с конкретным человеком:

«М.б., никогда еще я не был так лицом к лицу с самой личной и неличной темой моего поколения, вопросом совести и смысла жизни» (Твардовский, 2013: 200).

Заметим, что речь — о «моем поколении», то есть если и не о вине народа, то о вине личной как вине общей. И это надо как-то соотносить с «народным единением».

Тема личной вины, понимаемая как трудность и ответственность поколения — уже не просто факт личной биографии и внутренних борений лирического героя, это тема равновеликая теме народного единения. Глава «Друг детства» делает её вторым лейтмотивом книги и создает напряжение, не предусмотренное эпическим замыслом. На внутренние вопросы невозможно ответить, поставив в центр эпохи вместо отца-вождя народную зрелость⁷.

Собственно здесь возникает то напряжение, которое, говоря о контексте эпохи, названной «оттепелью», можно обозначить как противоречивость общественной десталинизации. В книге поэм это противоречие смягчено и затушевано. Во всяком случае — для

⁷ Впрочем, в финале самой главы «Друг детства» такая попытка делается. Твардовский всё же воспользовался той моделью, которую предполагал, начиная над этим сюжетом работать («ничем меня не отучить (любить родину и т.п.):

*Винить в беде своей безгласной
Страну?
При чем же тут страна!
Он жил ее мечтой высокой,
Он вместе с ней глядел вперед.
Винить в своей судьбе жестокой
Народ? Какой же тут народ!
(Твардовский, 1977: 68)*

А в последних строчках главы помянута и «правда партии». Риторическим вопрошанием поэт дал возможность литературоведам утверждать, что народ и страна остаются для него фетишами — в этом, видимо, и есть пределы нормативной парадигмы соцреализма, как их увидели Наум Лейдерман и Марк Липовецкий.

лирического героя. Но при этом оно проговорено — в главе о перекрытии Ангары под Иркутском.

Контрапункт книги «За далью — даль» — глава «На Ангаре». Именно в ней встречаются две темы — народного единения и исторической вины, порождающей сомнения в символе веры. На перекрытии Ангары автора впечатляет (и потрясает лирического героя поэмы) не столько демонстрация мощи человека (или социализма, или техники), сколько социальный смысл события. В дневнике, записывая впечатления от первого дня перекрытия, Александр Твардовский прибегает к фронтовым ассоциациям, но речь совсем не о героизме:

«И люди, которых видел, такие славные в своей спокойной и горделивой усталости и как бы неторопливом напряжении. Очень напомнили мне солдат переднего края» (запись 8 июля 1956) (Твардовский, 2013: 236).

Через полгода он записывает в дневнике образы будущей главы: «укрощение бешенства стихии и пафос страды — артельной и воинской» (запись 25 февраля 1957 г.) (там же: 258).

Метафора наступления ложится в основу главы «На Ангаре», но перекрытие описывается не как военная операция, а как народный порыв, прочно ассоциирующийся у фронтового поэта с недавней войной. И на этом пике темы народного единения Твардовский обращается к главной лирической линии поэмы, к теме сомнений и вины, не исповедально, но интимно — в обращении к другу, ушедшему из жизни:

*Тот час рассветный, небывалый,
Тот праздник подлинный труда
Я не забуду никогда...
Как мне тебя не доставало,
Мой друг, ушедший навсегда!..
Кто так, как ты, еще на свете
До слез порадоваться мог
Речам, глазам и людям этим!
Зачем же голос твой умолк?..
(Твардовский, 1977: 104)*

Речь не о друге детства, которого лирический герой встретил на станции Тайшет, речь об Александре Фадееве, который легко узнается и без упоминания имени⁸. «Праздник подлинный труда», радость людей, вместе совершивших небывалое по масштабу дело, достигает значения национального идеала, прочно связанного у поэта и читате-

⁸ *Блестела светом залитая,
Дождем обмытая трава...
Ах, как горька и не права
Твоя седая, молодая,
Крутой посадки голова!..
...
Уже смекал я, беспокоясь,
Какой за этот жаркий срок
Ушел по счету дальний поезд
На Дальний, собственно, Восток,
В тот край отцовский, изначальный,
Тобой прославленный.
(Твардовский, 1977: 105)*

ля с народной войной. И то, что национальный идеал жив, служит решающим доводом в мысленном диалоге с другом, выбравшим смерть. Причины ухода не названы, но, судя по этому доводу, друг ушел в состоянии безверия. Так эпос народного единения ответил на внутренние вопросы лирического героя, на тему сомнений. И если апогей народно-го единения — национальный идеал, то безверие, разочарование — апогей внутренних сомнений. Две темы встретились в этой главе, создав контрапункт. Итог встречи: внутреннее вопрошание, сомнения приняли статус пусть важной, но исторической частности — а значит, и встреча с другом на станции Тайшет.

Встреча с национальным идеалом на перекрытии Ангары делает «встречу с другом» фактом истории. Обращение к Фадееву в финале главы звучит как разрешение тех сомнений, в которые автор погружал читателя:

*Прости,
Но только памятью печальной
Одной не мог я жить в пути.
Моя заветная дорога,
Хоть и была со мной печаль,
Звала меня иной тревогой
И далью, что сменяет даль.
И память ныне одоленной,
Крутой ангарской быстрины.
Как будто замысел бессонный,
Я увозил на край страны.*
(Твардовский, 1977: 105–106)

В июне 1965 года, спустя пять лет после полной публикации книги, Твардовский вдруг обратит внимание на «неловкость с образом друга. То это “друг детства”, то Фадеев. Но уж исправлять поздно» (цит. по: Твардовский, Гефтер, 2005: 416). Очевидно, имеется в виду та подмена, которая произошла в главе «На Ангаре». Удивительно, что самим автором она была замечена уже с надвременной дистанции: то есть тут не было осознанного приема («неловкость»), и в то же время произошла сущностная замена, позволившая развязать узлы замысла, вывести поэму из кризиса. Мысленный диалог с Фадеевым, а не с другом детства, позволил тему сомнений развернуть как вопрос веры. Причем веры в смыслы революции — в портрете Фадеева отсылка к его «Разгрому». Это придало вопросу масштаб, соотносимый с масштабом «праздника труда». Но всё же это не вопрос ответственности и вины, который задан встречей на станции Тайшет. Чувство вины может поставить вопрос о вере. Но укрепление в вере не разрешает вопроса о вине и ответственности за прошлое. Представим себе народный порыв, «праздник подлинный труда», даже поднятый до статуса национального идеала, доводом в диалоге с другом, возвратившимся из лагеря. Трудно представить.

За этой, по выражению поэта, «неловкостью» ключевое противоречие общественной десталинизации. Она не свободна от поэтики «народного единения» и в этом смыкается с «новым политическим», с идейной легитимизацией власти через свершение будущего и признание ошибок прошлого.

Лейдерман и Липовецкий пишут о фетишизации народа и страны. В равной степени то, что не допускает безверия и разочарования, может быть названо историческим оптимизмом и добровольной несвободой от истории. Книга поэм Твардовского

обновляет советский идеализм, включая в него тему сомнений, но остается в его пределах — национальный идеал в советском изводе позволяет и предписывает с сомнениями справляться.

Реанимация советского идеала — утверждение исторических смыслов человеческого существования. В пятидесятых годах эти смыслы ищутся не в официальной идеологии. Десталинизация — это прежде всего утрата сакральности власти; идеал жив, если у него есть основания не только в историческом замахе и декларациях о будущем человечества, но обязательно в повседневности или, говоря языком того времени, в толще народной жизни. Вопрос, который уже не может звучать риторически, даже если автор знает, что ответит на него утвердительно, должен быть переформулирован и таким образом: есть ли в советской жизни «настоящее»?

К середине пятидесятых годов достаточно очевидно, что в столицах «настоящее» найти трудно (если вообще возможно). Пространством «настоящего» становится Сибирь. Александр Твардовский находит это настоящее в трудовой страде, в народном порыве укрощения Ангары. Там же — на строительстве Иркутской гидроэлектростанции — находят «настоящее» герои еще двух заметных произведений пятидесятых — прозаического и драматического. Речь о повести «Продолжение легенды», с которой в литературу уверенно вошел Анатолий Кузнецов, сразу став популярным писателем, и пьесе «Иркутская история», с которой начался новый период в творчестве Алексея Арбузова, одного из ведущих советских драматургов.

В социальной истории страны период «великих сибирскихстроек» занимает примерно четверть века: от мобилизации добровольцев на строительство Братской и Красноярской ГЭС, а также трассы Абакан-Тайшет во второй половине пятидесятых — до рубежа 70–80-х (апогей строительства БАМа и развертываниястроек в Усть-Илимске). «Великиестройки» были, безусловно, мобилизационным проектом власти, позволявшим, в том числе, решать и проблемы социального управления в условиях массовых миграционных процессов. Но именно «в том числе». Акцент на «массированное давление со всех сторон» как на побуждение «молодых людей прямо со школьной скамьи и после службы в армии направляться на ударныестройки, призванные без-опасно их «переваривать» (Веселкова и др., 2016: 591) правомерно подчеркивает, что этистройки были ответом власти на вызовы, созданные сложными социальными процессами. Но, во-первых, это не означает, что социальные задачи были первопричиной — скорее, одной из основных причин того, что идея ударныхстроек была взята на вооружение, и того, что её обеспечивала мощная пропагандистская кампания с коммунистической риторикой. Сами великиестройки были моделью индустриализации страны, отвечавшей логике централизованной экстенсивной экономики и интересам тех, чей руководящий опыт и карьера были с этой логикой связаны⁹. А, во-вторых, социальные процессы на самихстройках сложнее, чем те, которые предусматривает задача «переваривания».

⁹ Идея ударныхстроек была связана и с борьбой министерств за бюджеты, и с нежеланием разукрупнять большие строительные организации, выросшие на послевоенном восстановлении страны, и с тем, что экономически несостоятельный ГУЛАГ нужно было заменить в народном хозяйстве вольнонаёмным трудом. Идеологическое оформление было плотно связано с последней задачей и было отчасти воспроизводством формул тридцатых годов о воспитании нового человека, во многом импровизацией, но мало походило на продуманный самостоятельный замысел.

Приезжавшие на большую стройку искали, в том числе, и новых человеческих отношений — так было в Братске, позднее в Усть-Илимске, на БАМе. В Братске второй половины пятидесятых те, кто оставался («миграционный сквозняк» был невероятно сильным), оставались во многом из-за тех человеческих отношений, которые сами формировали. В данном случае, можно говорить о сознательном создании новой социальности.

И социальное пространство в этих городах таило, скорее, риски для идеократии, поскольку дистанцировалось от неё (см. «Оттепель», с.202–203, «Навстречу») и было частью «семантического коллапса коммунизма», несмотря на идеологическое оформление. Те, кто, по выражению П. Вайля и А. Гениса, «ехали строить коммунизм, а не Братскую ГЭС», в основном, довольно быстро уезжали. Оставались те, кого на большую стройку привели не идеологические мотивы.

Иркутская ГЭС не была ни ударной, ни комсомольской. Её строительство началось раньше, чем пропагандистские кампании, призывавшие молодежь испытать себя на сибирских стройках. Социальные задачи не ставились, символической нагрузки в отличие от Братской ГЭС, ставшей символом энтузиазма и свободного труда пятидесятых-шестидесятых, не было. В названных произведениях Твардовского и Кузнецова символическим предстает только одно событие — перекрытие Ангары. В пьесе Арбузова и оно не упоминается. В то же время многие эпизоды, персонажи, диалоги в повести Кузнецова напоминают о том, что на большой стройке есть и пьянство, и преступления, и халтура, и рвачество, — и главное, что эти эпизоды говорят не об исключениях, а о части атмосферы стройки и поселка строителей. Отголоски всего этого есть и в пьесе Арбузова. Иркутская ГЭС явно интересует авторов не масштабом свершений.

То, что происходит на стройке под Иркутском, становится полем художественного исследования в поиске аргументов для утвердительного ответа на вопрос: жив ли идеал? Это вопрошание автора и/или его героев прочитывается в повести Анатолия Кузнецова и в «Иркутской истории» Алексея Арбузова, также как в поэме «За далью — даль» Александра Твардовского, как заявка на необходимость и серьезность диалога с читателем/зрителем. Герои (и, видимо, адресаты) этих произведений, в отличие от лирического героя Твардовского, не ответственны за прошлое, но в стране, переживающей десталинизацию, они испытывают потребность в реанимации идеала.

Идеалы и повседневность: Анатолий Кузнецов

Герой повести «Продолжение легенды», от лица которого идет повествование, вчерашний московский школьник Толик, так же, как и лирический герой «За далью — даль», отправляется из столицы по Транссибу. Едет он строить Братскую ГЭС, но не из романтических побуждений, а из-за невозможности оставаться в Москве: несчастливая любовь, полная неясность будущего и, в целом, какое-то глубокое недовольство собой, средой и содержанием жизни (если не сказать, его отсутствием). Путешествие в поезде лишено пафоса не только из-за настроения героя. Попутчики, в отличие от пассажиров-родни Твардовского, в эпическую поэтику никак не вписываются:

«Почему они такие, Гришка и Лешка, и откуда они взялись? И кто из них лучше? В книгах, газетах, журналах — я ведь их не встречал. Там они появлялись последний раз в двадцатых годах. А вот они, рядом со мной, едят, сопят, ругаются...» (Кузнецов, 1967: 47).

Гришка — «кулак и жадюга», Лешка — вор, вышедший из лагеря. Они, как и другие спутники Толика, завербовались на строительство Братской ГЭС. Время проводят не в спорах о «фронте и тыле», как спутники Твардовского, а играют в дурака и рассматривают «похабные» фотографии, купленные в поезде.

Правда, все шесть пассажиров купе в общем вагоне, включая Лешку и Гришку, «очень сдружились», пока ехали по бесконечной стране, и поезд «стал домом родным». В поездных впечатлениях Толика появляется и некая эпическая поэтика — от громадности нетронутой Сибири. Потом эпическое чувство посетит его в Иркутске, когда любопытство приведет на место строительства ГЭС, а случайный знакомый, бригадир плотников, покажет ему масштабную стройку «изнутри». Толик прикоснулся к смыслу преобразований: *«Море в центре Сибири, которая воспринималась как каторжная»* (Кузнецов, 1967: 70). В состоянии растерянности от масштаба и высоких смыслов, герой «как во сне» пишет под диктовку нового знакомого: «Прошу оформить меня...» и остается на строительстве Иркутской ГЭС. Но в рабочих буднях и в быте ничего эпического нет. В повести Кузнецова снижен пафос «великой стройки» — строительство Иркутской ГЭС не повод для воспевания героизма, а место взросления, в том числе, и тесного знакомства с «темными сторонами» жизни: нуждой, мошенничеством, унижением людей.

Повесть Анатолия Кузнецова — одна из первых публикаций журнала «Юность»¹⁰, сделавших журналу имя, — может быть отнесена к «новомировской» традиции, если под этой традицией понимать сочетание принципа искренности в литературе, программно заявленного в «Новом мире» в конце 1953 года, с другим безусловным для советского и русского интеллигента принципом — народностью. Следование этим двум принципам определяло императив жизненной правды («жизненность», «правдивость» — языковой эпохи) для автора и читателя, народность уже не могла быть декларативной и оставаться эпической.

Елена Зубкова определила «оттепельный» процесс в литературе как проникновение в неё *«реальности, несовершенных людей и их личной жизни»* (Зубкова, 1993: 121). Здесь важно замечание о «несовершенных людях», то есть были реабилитированы не только репрессированные, была реабилитирована повседневность, обычная человеческая жизнь.

Повседневность становилась не просто темой литературы, но предметом художественного исследования. Жизненность — обязательство, которое брала на себя художественная интеллигенция в том новом советском консенсусе власти, интеллигенции и «народа», который складывался в пятидесятых годах. Обязательство перед «народом», перед читателем и зрителем, который говорит от имени народа (на обсуждениях произведений, в книгах отзывов на выставках, в письмах в редакции), и перед властью, поскольку она тоже сохраняет обязательство и право говорить от имени народа (в том числе, с интеллигенцией).

Главной мотивацией поведения героя повести Анатолия Кузнецова, московского юноши Толика, и предметом художественного исследования для автора стало соотношение идеала с повседневностью. Это не революционный идеал, а, скорее, представление о правильной взрослой жизни: честной, осмысленной и без поблажек. Толик проходит социализацию, то есть входит во взрослую жизнь. Но обычный, а не сверхчеловек, и в обычной, то есть негероической жизни, — не означает «человек без идеалов». Его волнует, насколько жизнь может быть «настоящей», есть ли в ней «настоящее». Этот критерий — точный признак социального идеализма, того, что человек живет противоречием между должным и сущим (даже если это должное не определено и остается неведомым другим по отношению к обыденному).

¹⁰ Повесть опубликована в журнале «Юность» в № 7 за 1957 год.

Дмитрий Быков, исследуя пятидесятые в книге об Окуджаве, описывает антропологию предшествующей эпохи: *«Предполагалось разделение на сверх- и недо-. Нельзя было жаловаться на бессилие, предписывалось радоваться испытаниям, запрещалось жалеть слабого, любить близкого, тосковать по родному. Самое естественное оказывалось под наиболее строгим запретом. Жизнь представлялась благодеянием»* (Быков, 2009: 256–257). И определяет смысл «оттепели» лаконично: *«людям разрешили быть людьми»* (там же: 256).

Толик — не сверхчеловек, однако от него потребовались усилия, которые можно считать сверхусилиями для обычного человека: и для того, чтобы справляться с работой, и для того, чтобы не вернуться в Москву. На стройке никакие обязательства его не держат, разве что нежелание выглядеть дезертиром. Он всё-таки из поколения детей войны, в пятидесятые читателю не надо было объяснять, почему молодой человек стыдится подозрений в дезертирстве. Когда Толику совсем неважно, он готов всё бросить и уехать. Однажды его удерживает спокойным разговором старший сосед по общежитию (из фронтовиков), в другой раз — нет денег на билет. И главным, что удерживает героя на стройке (а затем влечет на строительство Братской ГЭС), оказывается всё-таки не чувство стыда.

Инструментом художественного исследования в повести стала внутренняя рефлексия московского мальчика в мире сибирской стройки — новом для него и для читателя¹¹. Герою сложно исследовать себя. В отличие от сверхчеловека с ясными идеалами, пренебрегающего житейскими заботами, обычный человек погружен в быт и ежедневные трудности, среди которых не до идеалов. Перекрытие Ангары напомнило о значении дела, в котором участвует юноша, опять внесло эпическую интонацию в повествование, то есть в прямую речь Толика. В больнице (организм всё-таки надорвался — не на работе, то есть не во время трудового подвига, а в выходной день, от накопившейся усталости) он спорит о смысле жизни, о происходящем на стройке и в стране с местным уроженцем Мишкой. Повод для спора (читается чуть ли не между строк) — «свинское отношение» к строителям. Мишка яростно объясняет про исторические обстоятельства, исторические жертвы и высокие цели. Спорить на равных Толик не может — Мишка читал Мора и Кампанеллу, а в больницу попал, получив ножевую рану, когда спасал от насильников незнакомую девушку. Но Толик не ищет высокие исторические смыслы, выбор Сибири для жизненного опыта могут оправдать только повседневная работа, быт, отношения. В них москвич Толик находит нечто «настоящее», что трудно или невозможно найти в Москве.

О взглядах героя на жизнь мы узнаём, прежде всего, из его реакции на письма своего антагониста– Витьки, школьного приятеля, пытающегося объяснить Толику, как надо жить:

«Красивые идеи и сияющие вершины, брат, специально изобретены для наивных юношей, а мир движется по иным законам, более простым и конкретным. Конечно, такие дурачки, как ты, ах, как нужны! Давай, давай, строй гидростанции, а тем временем другие построят себе дачи — одну под Москвой, другую в Крыму, еще одну на Рижском взморье» (Кузнецов, 1967: 97).

¹¹ По повести был поставлен телеспектакль, её инсценировка стала одним из первых спектаклей в репертуаре театра «Современник», но, видимо, проза, в основе которой — внутренняя рефлексия героя, трудно переводилась в драматургические формы. Спектакль упоминается в мемуарах только в связи с актерскими розыгрышами и дебютами, о телеспектакле известно только, что он поставлен уже через несколько месяцев после публикации. Фильм так и не был снят, хотя снимался, либо был заявлен (Пахомов, 1960: 22–23).

Виктор устраивается в Москве в торговый техникум, благодаря связям отца и взятке. Толик не отвечает на письма бывшего приятеля: видимо, ему трудно формулировать. Его взгляды на жизнь заключаются в том, чтобы не быть паразитом. Собственно, весь его идеал (или то, что мы можем сказать о его идеале) — дорога должна быть прямой: «*Моя тропинка в мир светлых и прямых дорог, где ты?*» (Кузнецов, 1967: 103).

Метафора прямой дороги — еще один точный признак, позволяющий назвать героя идеалистом. Прямая дорога — это образ общего поступательного, направленного к цели движения, соотнесение своей жизни и судьбы с историей, обретение в истории смыслов для решения экзистенциальных проблем. Чуть ли не единственная декларация в повести, подводящая итог работе и жизни героя на иркутской стройке, делается уже от имени поколения и звучит как заявление об исторической миссии:

«Мы будем уничтожать волков. Всё в мире только начинается! Нам много предстоит в жизни борьбы. Наше поколение только вступает в неё. Мы принимаем эстафету от Захар Захарыча. Слышите вы, строители собственных дач! Слышите, хлюпки, впадающие в панику перед лужами!» (Кузнецов, 1967: 209).

И, хотя оканчивается декларация обещанием построить удивительную жизнь, весь её пафос направлен против тех, кто думает только о собственном благополучии и считает себя хозяевами жизни: «волков», «клопов», «трусов».

«Записки молодого человека» (форма повести, обозначенная её подзаголовком) очерчивают линию разлома, возникшего в советском обществе. Константин Паустовский так сказал об этом разломе, выступая в октябре 1956 года на обсуждении романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым»¹² в Центральном доме литераторов в Москве:

*«Дело в том, что в нашей стране безнаказанно существует, даже, в некоторой степени, процветает новая каста обывателей. Это новое племя хищников и собственников, не имеющих ничего общего ни с революцией, ни с нашей страной, ни с социализмом»*¹³.

Роман Владимира Дудинцева был далеко не единственным и не первым произведением, обличавшим «касту обывателей». Он был подвергнут разгрому на фоне дискуссий, поэтому и стал знаковым. Но, например, еще в начале 1954 года, когда дискуссии, возможные в 1956 году, нельзя было себе представить, разгрому подверглась пьеса Леонида Зорина «Гости», опубликованная в журнале «Театр». В центре пьесы — тоже конфликт, развивающийся в некоем маленьком городке (где-то в центральной России): в родительский дом приезжает со своим семейством сын, занимающий высокий пост в союзном министерстве. Разговоры и манера поведения персонажа выдают в нем сословные замашки; для его жены и сына провинциальная жизнь тоже неудобна и непонятна.

¹² Действие происходит в рабочем поселке в Сибири, главный герой стремится «пробить» своё, необходимое производству, изобретение, преодолевая сопротивление со стороны сотрудников московского отраслевого института и директора комбината, мечтающего перебраться в Москву на спокойную министерскую должность.

¹³ Стенограмма обсуждения романа Владимира Дудинцева в ЦДЛ 22 октября 1956 г. либо не велась, либо не введена в научный оборот. Здесь цитируется конспект выступления Паустовского, который был сделан в зале и затем распространен. Цитируемый источник — мемориальный сайт писателя. URL: <http://paustovskiy.niv.ru/paustovskiy/bio/ne-hleбом-edinym.htm> (дата обращения: 25.05.2018)

Московский гость совершает в ходе пьесы подлый поступок, отказывая в помощи человеку из провинции, в судьбе которого он мог бы восстановить справедливость. В финале пьесы один из героев, журналист, прошедший Отечественную войну, объявляет войну отбывающему с позором из родительского дома московскому гостю (Зорин, 1989: 119)¹⁴. Пьеса была подвергнута резкой критике в «Литературной газете» и «Театре».

23 апреля 1956 года, то есть еще за несколько месяцев до публикации романа Владимира Дудинцева (первая часть напечатана в «Новом мире» в августовском номере, вторая — в октябрьском) и бурных его обсуждений, Давид Самойлов пишет в своем дневнике:

«Мысль о мещанском характере современной правящей прослойки очень важна. Это подспудная мысль всей нашей мало-мальски честной литературы» (Самойлов, 2002: 268).

В повести Анатолия Кузнецова эта мысль не подспудная, а достаточно откровенная. Правда, Витька и его семейство — из торгового сословия, а не из чиновничьего, но они олицетворяют столичную корыстную жизнь. Именно столичную — это противопоставление столичного мещанства и страны, живущей по другим нормам и законам, достаточно характерно для пятидесятых (Рожанский, 2016). Видимо, поэтому киевлянин Кузнецов, передавая герою часть своей биографии, делает его москвичом. Толик не только с «паразитом» Витькой ведет свой внутренний спор, он также размышляет о разнице между своим миром и тем миром, в котором живет Юна, дочь начальника крупного завода, неразделенная любовь к которой — одна из причин бегства юноши из Москвы, и понимает, что пути у них с девушкой разные именно потому, что принадлежат они разным мирам. Мир безыдейный, но с доступными благами, воспитывающий мещанина и эгоиста, и мир самостоятельного выбора и поступков, ведущих к «настоящему».

Негероический и не слишком красноречивый юноша предстает носителем социальных идеалов, главной, если не единственной альтернативой лишенному высоких смыслов миру хозяев положения.

Реанимация через остранение: Алексей Арбузов

Пьесу Арбузова «Иркутская история» оценили как событие сразу — достаточно посмотреть подшивки «Театра» и «Театральной жизни» за 1960–1961 годы, и это бросится в глаза. Зрители писали о жизненной правде и достойных любви героях, рецензенты отмечали как современность содержания, так и театральное новаторство. Премьера спектакля состоялась в театре Вахтангова в конце 1959 года; в это время пьеса репетировалась еще в нескольких театрах, а к концу сезона она вышла уже на лидирующие позиции по числу постановок¹⁵. К первому полугодю 1962 года количество спектаклей естественным образом сокращается, но по количеству театров, в репертуаре которых она сохраняется, «Иркутская история» — по-прежнему, безусловный лидер. Всего, суммируя статистику, публиковавшуюся в журнале «Театр», мы получаем за два с половиной театральных сезона — с января 1960 по июнь 1962 года — более восьми с полови-

¹⁴ В этой, авторской, версии пьесы московский гость отвечает: «Прежде не мешает понять: кто хозяева и что они — навсегда». В первой публикации в 1954 году этой фразы не было, зато заключительная реплика сообщала о том, что наступило утро и что в свежей «Правде» будет опубликована статья о деле, вызвавшем конфликт героев пьесы (Зорин, 1954: 45).

¹⁵ Во втором квартале 1960 года (апрель — июнь) пьеса шла уже в 79 театрах.

ной тысяч спектаклей¹⁶. На этом популярность пьесы не кончается: пик её упоминаний, согласно поиску в корпусе русского языка, приходится на 1966–1973 годы. В 1973 году выходит фильм-спектакль на основе вахтанговской постановки. Очевидно, что такую востребованность нельзя объяснить исключительно репертуарной политикой — есть явный запрос публики.

Зрительский интерес к «Иркутской истории» вынуждены были объяснять даже авторы редких ироничных разборов: объясняли «жизненностью» пьесы и узнаваемостью героев¹⁷. Для нашей темы существенно, что герои пьесы, узнаваемые и принятые публикой конца пятидесятых, — идеалисты.

Действие разворачивается на строительстве ГЭС, в пределах экипажа шагающего экскаватора, но пьесу невозможно назвать производственной. Даже об этапе строительства можно только догадаться по косвенным признакам. Завязка — любовный треугольник. Сюжет — судьбы и развитие характеров трех главных героев. При этом большая стройка — не фон для любовной истории, а история индивидуальностей и человеческих отношений.

Один из героев — Сергей — персонифицированное стремление к «настоящему», воплощенная правильность и порядок (*«Я — комсорг, и всё такое. И ещё над собой работать надо»*). Но он не готовит себя к беззаветному служению, а просто стремится жить по-человечески, уверенный, что идеалы могут быть прочной основой для счастливой жизни. И гибнет Сергей, поступив по-человечески в обыденной ситуации, а не совершая подвиг во имя судьбы стройки: спасает заигравшихся в реке детей. В пьесе образ настоящего человека переведен из сферы сверхусилий (ср: Мересьев — герой «Повести о настоящем человеке», Губанов — герой фильма «Коммунист») в регистр психологической драмы. В исполнении Михаилом Ульяновым роли Сергея в театре Вахтангова опытного (т.е. «насмотренного») театроведа покорило то, что герой не ощущает своей «положительности» и «глубоко убежден, что живет так, как все люди живут», что и делает Сергея истинным «героем нашего времени» (Рудницкий, 1960: 85–86). Заметим, что это прочитывается и в тексте пьесы, но ставило перед театральным актером непривычную задачу.

Фабула пьесы — история, случившаяся благодаря стремлению Сергея к *настоящей* любви. Он приехал на стройку после развода, а развелся из-за того, что любовь не была настоящей. Сергей признается в этом Вале, любовнице его друга, к которой неравнодушен, и на её вопрос: «Думаете, она есть — настоящая любовь?» — коротко отвечает: «Должна быть». Переживая любовь к Валентине, к которой на стройке приклеилось «Валька-дешевка», Сергей творит эту любовь как настоящую, то есть такую, которая должна сделать *настоящим человеком* и его, и его избранницу. Побуждая Валентину изменить образ жизни, работу, представление о людях, он делает ей предложение и создает семью, а после рождения близнецов, разговаривает с Валею о том, что ей надо заняться «настоящим делом» — не возвращаться на работу кассиром в лавке, а идти на строительство: *«Что человеку для счастья нужно? Чтобы дело его было хоть чуточку лучше, чем он сам»*.

¹⁶ См. сведения о репертуаре театров в: Театр, 1961, № 6, с. 152–153; Театр, 1962, № 1 с. 170–171; Театр, 1962, № 11, с. 164–165.

¹⁷ «Строители (как и Валя) и просто трудящиеся, сидящие в зале, рады, что их наконец-то показывают не только в производственной обстановке...» (Дубнова, 1961: 53). Критик считала драматургию пьесы усложненной, если не надуманной, но успех отрицать не могла («вне зависимости от качества театральной постановки») и объяснить это противоречие могла только узнаваемостью героев.

Гибель Сергея разрушает налаженное счастье, но это лишь финал первого действия: иркутская история — не только о его героической судьбе, она развивается благодаря тому, что происходит с Виктором, другом Сергея и бывшим любовником Вали. Виктор, как и Валя, еще дальше от плакатных героев, чем Сергей, — их не отнесешь к амплу «социальный герой». Преодолевая себя, Виктор остается на стройке. Он воплощает свою любовь не в ухаживаниях за Валентиной и даже не в помощи ей, оставшейся с двумя детьми на руках (помогает весь экипаж, выплачивая вдове зарплату за погибшего мужа), а в том, чтобы побудить её к «настоящему делу»: *«Благоденствия противны. Сейчас, на себя оглянись — иждивенкой сделалась»*. Сам Виктор стал другим — и это тоже «иркутская история». В первом действии — он в маске ветреного балагура и всеобщего любимца, боится серьезных чувств и не верит женщинам, но из его разговора с другом мы узнаём, что за приездом этого ленинградского парня на стройку и за маской стоит семейная драма: потеря матери, трудные отношения с мачехой и с отцом¹⁸.

После того, как Валя предпочла другого, чувства Виктора к ней даже для него самого обнаруживаются как сильные, то есть «настоящие». И даже ревность «здесь — чуть ли не впервые в истории драмы — потенциал возмужания» (Рудницкий, 1960: 86). А после гибели Сергея эти чувства выражаются в стремлении помочь Валентине идти по тому пути, на который позвал её Сергей. О силе чувств Виктора узнаём из его монолога, когда он убеждает товарищей и в своих чувствах, и в том, что Валентина нуждается не в благоденствии, а в самостоятельности, и правильнее будет взять её на реальную работу (близнецам уже исполнился год), чтобы постепенно овладела специальностью. Зарплата за мужа — «интеллигентская выдумка», которая, по мнению Виктора, унижает женщину. Слово «интеллигенция», брошенное Виктором в сердцах товарищу по экипажу, юному москвичу Родьке, начальник (Батя) оценивает как обидное. Контекст позволяет видеть в формуле «интеллигентская выдумка» противопоставление прямого и искренности отношений. Книжным идеалам противопоставлен идеал осуществляемый и осуществленный.

Новизну содержания «Иркутской истории» подчеркивало неизбежное сравнение постановки в театре Вахтангова (для него была написана пьеса) со спектаклем по пьесе Арбузова «Город на заре»¹⁹, который был в репертуаре театра с 1957 года (в 1959 году перенесен на киноленту как фильм-спектакль). Мир «Города на заре», сочиненного в тридцатые годы, — напряженная борьба за осуществление утопии в тайге²⁰. Энтузиазм и идеализм противостоят аномии и неверию, надежность и коллективизм — вражде и подлости, мечтатели — демагогам, труженики — классовым врагам. В пьесе есть и драки, и бунт, и дезертирство, и вредительство. Один из героев, утопист и мечтатель Зяблик (то ли смешная фамилия, то ли ласковое прозвище), гибнет в схватке с вредителями, спасая город. Каждый из героев, так или иначе, совершает выбор между долгом

¹⁸ В биографических интервью те, кто когда-то приехал на сибирские стройки, очень редко рассказывают о семейных драмах, от которых уехали, гораздо чаще — о недовольстве прежней работой. Но в большинстве интервью прочитывается, что за умолчанием — драма. Как сказал один из моих респондентов, выросший в Усть-Илимске: «здесь у каждого своя какая-то история». Арбузов, работая над пьесой и выезжая на «натуру», видимо, столкнулся с этим: предыстории всех трёх главных героев — в семейных драмах.

¹⁹ Вопрос об авторстве пьесы «Город на заре», как известно, запутан, поскольку она рождалась в 1940–1941 годах в ходе постановки в Московской театральной студии (руководители В. Плучек и А. Арбузов). В предисловиях к публикации пьесы А. Арбузов перечислял причастных к её созданию. Другие участники студии в воспоминаниях тоже говорят о коллективном авторстве под руководством А. Арбузова. Но версия, поставленная вахтанговцами в 1957 году, обозначалась на афишах и публиковалась как пьеса А. Арбузова.

²⁰ Эти знаки отсылают к первому году строительства Комсомольска-на-Амуре.

и дезертирством перед угрозой гибели или непереносимых трудностей. Коллективизм в этом мире почти принудителен, но никто из положительных персонажей не сомневается в правах коллектива на принуждение отдельного человека и в безусловном приоритете интересов коллектива. И ближе к финалу появляется полпред исторического оптимизма и наведения порядка, достойного задач стройки, — большевик, носитель ленинских идеалов (он был в ссылке с Лениным, а затем с Кировым — спектакль поставлен после XX съезда, к юбилею революции), персонифицирующий мудрость партии, её человечность и родительскую требовательность (он же — отец одной из героинь).

В «Иркутской истории» нет утопических мечтаний, борьбы хаоса и порядка, возможный отъезд Виктора со стройки — не дезертирство с трудового фронта, а жертва ради неразделенной любви. В некоторых рецензиях не без снисходительности пьесу трактовали как мелодраму (Дубнова, 1961: 51), но это психологическая драма. Константин Рудницкий так объяснил, почему пьеса — событие в истории советского театра: «людские взаимоотношения не плывут сами собой, они могут сознательно твориться, созидаться людьми, верными высоким и свободным критериям коммунистической нравственности, без которых строителям коммунизма не обойтись» (Рудницкий, 1960: 86).

В самой «Иркутской истории» о коммунизме и коммунисте говорится только один раз и предельно лаконично²¹. Пафос в пьесе обходится без коммунистической риторики — «высокие и свободные» критерии естественным образом присутствуют в диалогах и поступках²². Они выражены прилагательным «настоящее». Разыгрывается драма людей, которые стремятся поступать правильно и жить по-настоящему. И есть гарант высоких критериев — коллектив, в котором создается новый мир, иной, нежели обыденный мир вне этой сибирской стройки. В отличие от «Города на заре», коллектив — не навязанный передовой воспитатель, а семья (как и говорит в минуту трудного решения Виктор, у которого нет другой семьи), alter-ego каждого члена экипажа. Семья вполне патерналистская: есть старшие и младшие, для начальника экскаватора привычно амплуа отца-командира (единственный воевавший, остальные — из детей и подростков войны), но всё же — семья равных и разных. Экипаж может выступить и в роли воспитателя по отношению к тому, чье стремление «расти над собой» неочевидно, или по отношению к самому младшему, вчерашнему школьнику. Но воспитывающие реплики произносятся не от имени коллектива, а от собственного имени. Морализация без резонерства, облеченная в форму товарищеской дидактики, интонационно отвечающую атмосфере «оттепели» и так хорошо знакомую молодежи того времени по радиопередачам, «Комсомольской правде», журналу «Юность», советским кинофильмам.

Роль коллектива в том, что им дорожат, ипрежде всего — атмосферой искренности и равенства. Идеал осуществлен в этом, именно такая атмосфера отличает место жизни участников драмы от тех мест, которые они оставили. Драма напряженная, но оптимистическая, есть оптимизм истории, и мы знаем, что будущее будет светлым,

²¹ Начальник экипажа (Батя), предлагая помянуть Сергея, говорит: «Что остается после смерти рабочего человека? Дела. Память о них остается навсегда. При коммунизме вообще смерти не будет, потому что дела будут во сто раз лучше наших. И вот Сергей ближе всех к этому времени стоял. Жил как человек, работал как коммунист и умер как герой».

²² Коммунистическая риторика была в информации ТАСС о премьере спектакля: «Это история о людях, меняющих лицо советской земли, заставляющих отступать тайгу, обуздывающих могучие сибирские реки, о людях, для которых коммунизм — дело всей их жизни, близкое, сегодняшнее, зримое» («Иркутская история» — новый спектакль театра имени Евг. Вахтангова // Восточно-Сибирская правда. — 1959. — 29 декабря (№ 305).

поэтому и гибель героя — не напоминание о готовности и необходимости жертвовать собой, а подтверждение критериев, испытание на прочность идеалов для оставшихся жить.

«Иркутская история» проявила потенциал темы настоящего человека и настоящих отношений — не в экстремальной ситуации подвига, а в повседневной и узнаваемой. Требованию жизненной правды отвечало то, что желанная встреча происходила не в городе или на селе, а в мире, который строится. Драматургически дистанцию создавал коллективный персонаж Хор. Хор комментировал действия героев, озвучивал их внутренние вопросы и сомнения. Практически в каждой рецензии задавался вопрос, а какую роль Хор исполняет в пьесе и постановке, и нужен ли он в структуре пьесы. В ироничной критике Хор становился объектом сарказма²³, но недоумение высказывалось даже при активном принятии спектакля. Искушенный театровед Юрий Зубков риторически спрашивал: зачем «некое инородное тело» — четыре эlegantных молодых человека, не похожие на строителей. Он увидел в этом недоверие к зрителю, «проигрыш в глубине, целостности, силе драматизма» (Зубков, 1960: 3). Некоторые режиссеры отказывались в своих постановках от этого коллективного персонажа (Пыжова, 1961: 124–125).

Драматург Виктор Розов тоже сетовал на инородность Хора (Розов, 1960: 80), но не в пьесе, а в спектакле, поставленном Рубеном Симоновым. Характеру самой пьесы Хор, на взгляд Виктора Розова, как раз соответствовал, и именно такой характер — публицистический и демократический — был обнажен («накал страстей», «пафос идей») в постановке Николая Охлопкова (Театр им. Маяковского) (Розов, 1960: 81). А в постановке вахтанговцев «драма разворачивается внутри героев», и хор «является помехой». За несколько месяцев до статьи Розова, и тоже в журнале «Театр», Константин Рудницкий, напротив, писал об «Иркутской истории», что «вся суть — в раздумчивой, лирической интонации, с которой ведется разговор со зрителем» (Рудницкий, 1960: 85). За принципиальным расхождением мнений двух авторитетов — популярного драматурга и видного театроведа — прочитывается проблема драматургии отношений между идеализмом героев и «жизненной правдой», то есть принятием их решений и поступков как искренних и правдоподобных.

«Жизненная правда» предполагает именно лирическую интонацию и узнаваемость героев, с которыми зритель сопоставляет себя, а тема идеалов и следования идеалам предполагает если не пафос, то, неизбежно, публицистику. В «Иркутской истории» публицистический стиль возникает, но почти всё время остраниается²⁴.

Зазор между идеализмом и жизненностью не так заметен, если воспринимается на дистанции. В «Иркутской истории» встреча идеалов и повседневности происходила на точно найденной дистанции от зрителя, и это сохраняло ощущение жизнеспособности идеализма. Какие бы мотивы и замыслы автора ни лежали в основе появления

²³ Через два года после того, как пьеса вышла на сцены, Е. Дубнова в статье «Новое и модное в драме» оценивала прием с хором как пример псевдоноваторства, как замену драматической игры сентиментальным резонерством и даже как стремление придать «скромной истории Вальки-дешевки некий высокий философский смысл» (Дубнова, 1961: 52).

²⁴ «Сергей: Я чем примечателен? В Сибири родился!... Вы не улыбайтесь, вся вторая половина двадцатого века — наша будет, сибиряков то есть... Сюда сердце России перемещается — вы уж мне поверьте... Еще двести лет назад Ломоносов сказал: “Российское могущество прирастать будет Сибирью!” Вот на нашу долю это время и выпало... Валя: Вы мне, Сережа, лучше про себя расскажите... О Сибири-то я слышала. Чудак тоже... Давно вы на строительстве ГЭС?»

в структуре пьесы коллективного рефлексизирующего персонажа, одна функция Хора очевидна: он напоминает о дистанции между зрителями и героями, и прежде всего — между зрителями и внутренней жизнью героев. Персонажи пьесы принимают решения и сами поясняют их, но переживание за то, получится ли у героев найти правильный путь, правильные слова, возложено на некую внешнюю инстанцию.

В первой же рецензии на первый спектакль (в целом, восторженной) Юрий Зубов вступился за «образный строй театра», увидев, что пьеса покушается на театральную условность в пользу условности другого рода, и упрекнул Арбузова и Симонова в том, что спектакль построен «по принципу кинокартины». Хор, который, напомним, предстал для Юрия Зубова «инородным телом», вряд ли можно признать кинематографическим приемом, но он участвовал в том, что сцена превращалась для зрителя в экран, на котором герои осуществляли свое стремление к настоящей жизни. Коллективный резонер создавал дистанцию, остраниая происходящее, свидетельствуя о нем из внелокальной истории, давая взгляд некоего коллективного «мы».

В режиссерском решении Георгия Товстоногова, по его словам, Хор — это взгляд героев пьесы из будущего на свое настоящее: «Вся пьеса — это история их борьбы за себя, за свою чистоту, за очищение от скверны пережитков. И когда они размышляют, они существуют, например, в двухтысячном году, они люди коммунизма; когда же они действуют в предлагаемых обстоятельствах, они люди со свойственными всем нам противоречиями и сложностями» (Товстоногов, 1984: 198–199).

Дистанцию создавали не только режиссерские решения, но и место действия. История была иркутской. Герои — вполне узнаваемые люди, но живут иначе. У них есть возможность жить иначе — они в мире, который для зрителя в зале новый, но он существует. И мы за ним можем наблюдать. Дистанция смягчала противоречие между «настоящим» и реальностью, помогала чувствовать его разрешимость. Советский идеализм сохранялся, хотя его остранение уже произошло. Этот тезис относится не только к спектаклям по пьесе Арбузова, но к итогу пятидесятых. Сохранялся потому, что в нем была потребность. Противоречие между идеализмом и жизненностью — из разряда тех, на основе которых возникают динамичные и до поры устойчивые конструкции, именно благодаря противоречивости и сохранению надежды на соотнесение одного с другим.

В одной из статей сборника «После Сталина» (После Сталина, 2016), «оттепель» обозначена как политический проект, цель которого — вовлечь население «в масштабные модернизационные процессы, “переадресовав ответственность” за всё происходящее в стране и мире на индивидуальный уровень» (Михайлин, 2016: 526). И императив искренности, во многом определявший художественный процесс пятидесятых, рассматривается именно как стратегия и даже «эксперимент с искренностью».

Существует ровно противоположный взгляд, согласно которому стремление к искренности — феномен, разрушавший власть идеологии (Батыгин, 2005; Фирсов, 2008: 304). Статья Владимира Померанцева, в которой был заявлен императив искренности, была гражданским поступком (Свирский, 1979; Фирсов, 2008: 300–305) и вызовом писателям, обслуживающим идеократию, призывом к «радикальному изменению профессиональной этики» (Фирсов, 2008: 303). Борис Фирсов в книге о советском разномыслии говорит об императиве искренности («абсолютная искренность») как о глубинной основе «едва ли не всех практик разномыслия» (там же: 305) и рассматривает, как эти

практики в период «оттепели» вели к возникновению границы «между пространствами власти и интеллектуального освоения реальности» (там же).

За этими двумя взглядами на феномен искренности — два принципиально разных подхода к «оттепели» и к отношениям между идеократией и культурным процессом. В первом случае, «оттепель» — процесс реализации некоего проекта или столкновение проектов. Процитированная статья и рассматривает «крах проекта» (Михайлин, 2016). Такой подход резко сужает возможности для понимания художественного процесса как мировоззренческого поиска²⁵, и в том числе, борьбы за пространство самостоятельного высказывания, собственных (политических или внеполитических) отношений со зрителем, читателем. Статья посвящена фильму Марлена Хуциева «Застава Ильича», на примере которого автор рассматривает «стратегию искренности» как средство идеологического воспитания:

«“Застава Ильича” и впрямь ознаменовала собой апогей “оттепельного” мобилизационного проекта, идеально воплотив стратегию “искренности” и предложив советскому зрителю новый набор моделей самоидентификации, востребованный людьми, которые не хотели ассоциировать себя со сталинским СССР, но хотели ассоциировать себя с СССР» (Михайлин, 2016: 528).

При такой оптике Марлен Хуциев и, видимо, Геннадий Шпаликов (как автор сценария) предстают, желает того автор статьи или нет, «солдатами партии», избравшими искренность как эффективную стратегию для выполнения поставленной (причем не ими самими, а властью) мобилизационной задачи. И, видимо, высочайшая критика фильма и трудная судьба произведения объясняются не тем, что они решали другие задачи, а тем, что неудачно решали эту.

Второй подход более плодотворен для понимания процессов «оттепели», если мы хотим разобраться в них не через универсально объясняющие концепции, а через понимание акторов этих процессов. Разделяя его, хотел бы всё же уточнить, что тезис о границе «между пространствами власти и интеллектуальной работой» также не должен быть универсальным. Границы возникали, укреплялись, осознавались или не осознавались. Для исследования советского опыта и судьбы советского мира важно видеть как динамику границы между идеократией и культурным процессом, так и динамику их общих оснований.

В основе советского консенсуса, возникшего в пятидесятых и ставшего благоприятным условием для выхода идеократии из кризиса, лежала потребность в реанимации социального идеала. Эта потребность реализовывалась и в художественном процессе — как авторами, так и читателями или зрителями, и теми, кто ехал на ударные стройки и оставался там (или ехал на следующую), и, конечно, теми, кто использовал идеал как средство социального управления. Консенсус продлил существование советской идеократии, позволил выйти из кризиса, но и создал условия для автономии от неё, что определило недолговечность и консенсуса, и самой идеократии.

Ироническая интонация в саморефлексии художественной интеллигенции нарастала уже в шестидесятые и к концу десятилетия стала доминировать, дав выразительные культурные образцы, снискавшие массовую популярность (Прохоров, 2007: 210–267). Это было остранение ценностей «оттепели» — не отказ от них, но часто их вывод за пределы консенсуса: ценности отдельно, а советский мир отдельно.

Одним из заметных событий, обозначавших распад консенсуса, стало бегство Анатолия Кузнецова из СССР. Еще более значимым — твердость («несговорчивость») Александра Твардовского в отстаивании редакционной линии «Нового мира», закончившемся его изгнанием из журнала, которое обозначило отношение идеологических

²⁵ Подчеркну, что мировоззренческий поиск не синонимичен идеологическому.

властей не столько к самому Твардовскому, сколько к «новомировской» традиции в литературе,

Судьба пьесы Алексея Арбузова не была заметным событием, но она не менее значима для нашей темы. В 1973 году вышел телеспектакль «Иркутская история» на основе вахтанговского спектакля. Хора в нем не было, реплики Хора были переданы «автору». В этой роли выступил сам Алексей Арбузов. На смену резонерству пришла лирическая интонация, в результате исчезла ирония, но сохранилась дистанция. Это был взгляд на героев, их ситуации и их мотивы не из прекрасного будущего, а из будущего реального. Историю нельзя было назвать частной, она была общепонятной, но не стала общей, оставалась в прошлом, хотя годы действия в фильме не уточнялись. Нельзя сказать, что идеализм героев выглядел нежизненным, но общего будущего за ним не просматривалось. Спектакль был сохранен для истории, как в конце пятидесятых «Город на заре». В обоих случаях, пользуясь классификацией Пьера Нора, можно говорить о памяти-архиве, о мастерском создании источника, а не побуждении к саморефлексии или иному действию. «Иркутская история» стала предысторией, но не тем, что развилось, состоялось. И это было одним из симптомов распада того советского консенсуса, который сложился к концу пятидесятых. Темой семидесятых становилась, скорее, ностальгия по «настоящему», нежели поиски «настоящего» в настоящем времени. Предметом ностальгии по «настоящему» мог быть «серебряный век» культуры, «лад» северной или сибирской русской деревни, романтика революции, восстание на Сенатской, но не советский мир. И сам Алексей Арбузов, знавший секреты зрительского успеха, больше к героям, ищущим социальный идеал, не обращался.

Литература

Батыгин Г. Социальные ученые в условиях кризисных структурных изменений в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // Социальные науки в постсоветской России. М.: Академический проект, 2005. С.6–107.

Батыгин Г., Рассохина М. Семантический коллапс «коммунизма» // Человек. 2002. № 6. С.61–77.

Быков Д. Булат Окуджава. М.: Молодая гвардия, 2009.

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Город юности Качканар — детище XX съезда партии // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории. М.: Росспэн, 2016. С. 578–591.

Гэфтер М. Я. Из тех и этих лет. М: Прогресс, 1991.

Дубнова Е. Новое и модное в драме // Театр. 1961. № 12. С.48–55.

Зубков Ю. Встретились три человека... // Советская культура. 5 января 1960 г. (№ 2).

Зубкова Е. Общество и реформы. 1945–1964. М: Россия молодая, 1993.

Кузнецов А. Продолжение легенды. Повесть и рассказы. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1967.

Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Русская литература XX века (1950–1990-е годы). М.: Академия, 2010. Т. 1.

Михайлин В. Ю. Апогей и крах «оттепельного» мобилизационного проекта в фильмах «Застава Ильича» М. Хуциева и «Три дня Виктора Чернышова» М. Осепьяна // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории. М.: Росспэн, 2016. С. 524–537.

Пахомов В. Актер приходит к вам в дом // Театральная жизнь. 1960. № 18. С. 22–23.

После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории. М.: Росспэн, 2016.

После Сталина: позднесоветская субъективность (1983–1985 гг.): сб. статей под ред. А. Пинского. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

Прохоров А. Унаследованный дискурс: парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе «оттепели». СПб.: Академический проект, 2007.

Пыжова О. Иркутская история // Театр. 1961. № 4. С. 124–125.

Рожанский М. Испытание Сибирью: настоящий человек на великих стройках и в фильмах 1959 года // После Сталина: позднесоветская субъективность (1983–1985 гг.): сб. статей под ред. А. Пинского. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 108–144.

Рожанский М. Место Москвы в советском сибирском кинотексте: от 1930-х годов к советскому финалу // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч. — информ. исслед.; Отд. полит. науки; Ред. кол.: гл. ред. О. Ю. Малинова и др. М., 2016. Вып. 4: Социальное конструирование пространства. С. 216–244. Электронный ресурс. URL: <http://gefter.ru/archive/21125> (дата обращения: 20.07.2017).

Рожанский М. Навстречу утренней заре: странствия в поисках «настоящего» // AbImperio. 2012. № 2. С. 112–144.

Рожанский М. «Оттепель» на сибирском морозе. Устная история ударных строек // Отечественные записки. 2012. № 5. С. 184–206.

Розов В. Иркутская история // Театр. 1960. № 6. С. 80–81.

Рудницкий К. Иркутская история // Театр. 1960. № 3. С. 85–86.

Самойлов Д. С. Поденные записи: в 2 т. М.: Время, 2002. Т. 1.

Свирский Г. На лобном месте: литература нравственного сопротивления 1946–76 гг. Лондон: OVERSEAS, 1979.

Твардовский А. Т. Дневник: 1950–1959 / Подгот. текста, предисл., коммент., указ. имен: В. А. и О. А. Твардовские. М.: ПРОЗАИК, 2013.

Твардовский А. Т. За далью — даль. Поэма, стихи о Сибири. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1977.

Твардовский А. Т., Гефтер М. Я. XX век. Гол로그램мы поэта и историка / Сост. Е. И. Высочина. М.: Новый хронограф, 2005.

Товстоногов Г. А. Зеркало сцены: В 2 кн. / Сост. Ю. С. Рыбаков. 2-е изд. доп. и испр. Кн. 1. О профессии режиссера. М.: Искусство, 1984.

Чупринин С. Хроника важнейших событий 1953–1956 гг. // Оттепель 1953–1956 гг.: Страницы русской советской литературы / Сост. С. И. Чупринин. М.: Моск. рабочий, 1989.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М: НЛО, 2014.

Фронтовое письмо

DOI: 10.19181/inter.2018.15.5

Елена Рождественская*

В центре статьи — феномен фронтовой эпистолы, рассмотренный на примере подборки атрибутированных писем россиян с различных фронтов XX века. Письмо с фронта является личным документом; при соответствующей исторической обработке может представлять собой социально-исторический документ, повествующий об отношении участника событий к происходящему, к контексту фронта и его обстоятельствам. Фронтовое письмо как личный эго-документ является, в то же время, отражением дискурсивного режима эпохи, который определяет и формирует господствующие способы письменной коммуникации. Для целей статьи мы ограничиваемся сюжетом профессионального отношения к войне, которое, безусловно, менялось на протяжении XX века. В чем сходятся и чем различаются представления о военном профессионализме во время англо-бурской войны в Трансваале и представления времен русско-японской войны, Первой и Второй мировых войн или относительно недавних Афганской войны и чеченских кампаний? Социально ориентированный нарративный анализ отдельных фронтовых писем российских военных с различных войн XX века позволяет наметить ведущие лейтмотивы сюжета «работы на войне», эволюцию военного профессионализма, военного этоса и публичного дискурса об этом. Значимо то, что из писем уходит символическое значение войны как события национального масштаба. Нет и тени сакральности темы Родины и ее рубежей. Происходит смена общего дискурса о военной работе как лишенной патетики и героики. Это порождает большую вариативность дискурсов военного письма, как следствие ослабления пропагандистской машины, но не исчезновения следов идеологии. Отчетливо прослеживается несколько нарративных стилей ведения коммуникации с теми, кто связан с комбатантами дома, в стране: возможное отсутствие рассказа о самой войне, его элиминация описанием войны как опыта службы, как лекции эпизодов военных действий и случаев из фронтовой повседневности, как опыта карьеры или служебных достижений; наконец, война может приобретать форму рефлексивного нарратива о военном деле. Война предстает в поздней эпистоле уже в ее неприкрытом виде — как решение задач на уничтожение, а субъективно — на выживание.

Ключевые слова: письма с фронта, война, труд на войне, военный профессионализм

Введение

Война в памяти россиян по-прежнему занимает важное место, играя существенную роль в построении российской коллективной идентичности. Почему государственная идеология продолжает обращаться к этому ресурсу и обновлять его, несмотря на то,

* Рождественская Елена, доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. erzhdestvenskaya@hse.ru

что ветераны уходят как социальная группа носителей опыта Второй мировой войны? Правда, им на смену пришли ветераны других военных кампаний советского времени — Афганской войны, чеченских кампаний. Как писал Коннертон, «образы прошлого часто служат социальным заказом» (Connerton, 2000: 3).

Отчасти ответ на вопрос о месте войны в национальной российской культуре дают социологи, связывая его с особой культурой войны, построенной на функционале внешнего образа врага. Так, известный российский социолог Л. Гудков, директор Левада-Центра, пришел к выводу, что Великая Отечественная война и победа в ней занимают место самого важного и позитивного (!) события современной отечественной истории, что позволило ему выдвинуть тезис о «войне как культуре» (Гудков, 2005: 40–41). Именно символ войны формирует то смысловое поле, на котором разыгрываются основные идеологические конфликты в современной России. Сверхэксплуатация прошлой Победы приводит к постоянному осовремениванию военного опыта, поиску новых средств коммеморации, продлевающих жизнь этому все еще важнейшему для россиян событию. В определенном смысле, обращение к письмам российских фронтовиков различных войн XX века — это попытка найти человеческое измерение этих событий.

Фронтное письмо как эго-документ

Фронтная эпистола занимает существенное место в военной историографии: эти личные документы предоставляют доступ к индивидуально-групповому измерению важнейших исторических событий. XX век, богатый на военные события, оставил несколько волн такого эпистолярного наследия, тесно связанного с культурой письма и мемуаристики. Сложившиеся впоследствии архивные коллекции военных писем стали основой для формирования культуры историографического описания и академических требований к отбору, типологизации и анализу фронтных писем (Злоказов, 1996; Локтева, 2005; Жучков, Кондратьев, 1961; Сомов, 2003; Пушкирев, 2000; Булыгина, 2005). Письмо с фронта является ярким *личным* документом, возможно, внутрисемейной ценностью; при соответствующей историографической обработке письмо также может представлять собой *социально-исторический* документ, повествующий об отношении участника событий к происходящему, к контексту фронта и его обстоятельствам, повседневности войны и т. д. Какую аналитическую оптику используют историки для анализа писем с фронта? С источниковедческой точки зрения, характеристика военных писем

«предусматривает выявление информационных показателей каждого фронтного письма. Изменение этих показателей определяло эволюцию формы и содержания эпистолярного источника на протяжении всей войны, трансформацию его структуры и семантического наполнения, языка и формуляра, <...> предполагает обязательную характеристику их происхождения, а также обстоятельств написания, <...> определение роли и места читателя — адресата фронтного письма» (Иванов, 2009: 4).

Более того, для историка важен и фон возникновения письма — как связь между историческими фактами и событиями, описанными в письме. В этом отношении, показательны опубликованные в недавно вышедшей антологии (XX век: Письма войны, 2016) письма мичмана Всеволода Евгеньевича Егорьева к своему отцу во время русско-японской войны. Тесная переписка двух профессиональных военных моряков, более того, отца и сына, содержит упоминания и подробные описания военных событий, отыгрывая тем самым важную функцию исторического документа — его информативность. Просеивая повествование на предмет упоминаний качества вооружения, обстоятельств боя, позиции гражданских лиц, мотивации моряков, особенностей досуга, военный историк может предложить существенную интерпретацию состояния воюющей армии и окружающего общества.

Фронтное письмо как личный эго-документ является, в то же время, отражением дискурсивного режима эпохи, который определяет и формирует господствующие способы

письменной коммуникации. Как составная часть массовой коммуникативной практики, письмо содержит в себе ряд «обязательных» и ожидаемых структурных компонентов. Так называемый *условный формуляр* письма состоит из трех основных частей. К первой части, или *начальному протоколу* письма, относятся посвящение, поименование автора письма, обозначение адресата, приветствие; к основной части — преамбула, обозначение цели письма, собственно повествование, распоряжение по существу письма; финальная часть включает заключение, благопожелание, упоминание места, времени, а также подпись и/или печать, — по методике формулярного анализа военных писем, предложенной С. Каштановым (Каштанов, 1988). Обычно, устойчивая универсальность этой структуры обосновывается ее присутствием в личных документах различных эпох и культур, поэтому сравнительное чтение коллекций или архивных массивов эпистолярного наследия дает нам важную возможность проследить наличие (или отсутствие) значимых различий в этой структуре.

В фокусе нашей статьи это обстоятельство — письмо как эго-документ и, одновременно, отражение дискурса — является весьма существенным, поскольку затрагивает широкие дискурсивные пласты актуальной культуры. На войне «работают», то есть воюют; военная повседневность как-то устроена, если не упорядочена; на войне тело переживает, если выживает, свою историю потерь и лишений; на войне случается любовь, секс, насилие; война может обогащать трофеями и способствовать карьерному росту; война создает свой нарратив, не всегда совпадающий с военной пропагандой и идеологией, и прочее. Для целей статьи мы все же ограничиваемся одним сюжетом, который намереваемся проследить на основе коллекции писем упомянутой антологии, уже атрибутированных историками. Этот сюжет — профессиональное отношение к войне, безусловно, менявшееся на протяжении XX века. В чем сходится и чем различаются представления о военном профессионализме во время англо-бурской войны в Трансваале (1899–1902) и представления времен русско-японской войны (1904–1905), Первой (1914–1918) и Второй (1939–1945) мировых войн или относительно недавних Афганской войны (1979–1989) и чеченских кампаний (1994–1995 и 1999–2000)? И хотя обращение к какой бы то ни было коллекции военных писем не способно ответить исчерпывающе на этот вопрос, тем не менее, социально ориентированный нарративный анализ отдельных фронтовых писем российских военных с различных войн XX века позволяет наметить ведущие лейтмотивы сюжета «работы на войне».

Описание коллекции писем

В основу анализа фронтовой эпистолы положены письма², собранные коллективом историков, антропологов и социологов (среди которых и автор статьи), которые позволяют отследить зарождение и завершение феномена военной корреспонденции на протяжении столетия. Они подобраны из частных коллекций, архивных и музейных фондов, а также ранее опубликованных, но малодоступных источников. Письма с фронтов недавних российских войн в Афганистане и Чечне любезно предоставлены Комитетами солдатских матерей в России. В итоге 840-страничная антология содержит 123 подборки писем, состоящих из обмена корреспонденцией.

Война как работа

Вопрос о реконструкции содержания военного профессионализма через военную эпистолу явно обладает двойной оптикой. С одной стороны, письмо отправляет к отвечающей тому времени военной практике и представлениям о военном деле.

² Имеются в виду письма солдат, офицеров, призванных на фронт, на нем пребывающих и ведущих переписку с родственниками в тылу.

С другой стороны, эволюция военного профессионализма, военного этоса и публично-го дискурса об этом фреймируют наше восприятие при чтении этих писем. Более того, заставляют задуматься о том, что меняется, а что остается прежним в сфере этого экзистенциально пограничного человеческого опыта.

Научная литература о военном профессионализме — прежде всего, классические книги «Солдат и государство» Сэмюэля Хантингтона (Huntington, 1957) и «Профессиональный солдат» Морриса Яновица (Janowitz, 1960), признанные на Западе, но мало известные у нас в стране, — предлагает свою аналитику этого феномена. Яновиц, например, связывает военный профессионализм, в первую очередь, с военной *эффективностью*, которую ограничивает гражданский контроль. Для Яновица, тем не менее, сама возможность *аполитичных военных* — это иллюзия, поскольку военные являются активными участниками процесса поддержания национальной безопасности (Janowitz, 1960: 342). Хантингтон же считает, что «офицерский корпус являет профессионализм в той степени, в которой проявляются качества опыта, ответственности и корпоративности:

Функциональной задачей военной силы является ведение успешных боевых действий. Обязанности военного офицера включают: (1) организацию, оснащение и обучение этой силы; (2) планирование ее деятельности и (3) руководство ее действиями в бою и вне его. Особое мастерство офицера проявляется в руководстве, управлении и контроле организованной массой людей, чьей основной функцией является применение насилия (Хантингтон, 2002).

Кроме повышения эффективности эти функции также способствуют росту гражданского контроля, потому что профессиональный военный стремится дистанцироваться от политики» (Huntington, 1957: 84).

Эти выводы, впрочем — плод либерального взгляда на военное дело и политику сдерживания власти военных. Тем не менее, невозможность их экстраполяции на внутрироссийскую ситуацию времен Российской империи или сталинской эпохи первой половины XX века — безусловное свидетельство смены дискурсов. В данном отношении, подходящими для начала века кажутся идеи автора, имя и авторитет которого были в ходу еще в российской царской армии: военного теоретика, прусского офицера и военного писателя фон Клаузевица, работы которого переиздавались в 1930-х годах (Клаузевиц, 2007). Мысль Клаузевица о том, что война имеет свою собственную грамматику, закономерно ведет к выводу о том, что военные профессионалы могут и должны совершенствовать свои знания в этой грамматике *без постороннего влияния*. Вероятно, поэтому Хантингтон мог впоследствии утверждать, что «качество военного дела может быть оценено только с точки зрения независимых военных стандартов» (Huntington, 1957: 57). Показательно, что, если для Хантингтона резервисты — явление в общем негативное, прежде всего потому, что они не являются *профессионально обученными* военными, то Клаузевиц весьма положительно описывает народную войну, войну непрофессиональными силами и резервные войска при определенных обстоятельствах. Иными словами, военная эффективность как показатель военного *профессионализма* зависит от контекста (и включает в себя оценочные характеристики солдат и офицеров, организационные структуры, вооружение, технологии, методы обучения, уровень пропаганды и целый ряд других факторов).

Но письмо с фронта содержит или скрывает совсем другую оценку военного труда — с точки зрения того, кто послан на фронт непосредственно воевать. Возвращаясь к историческому контексту отобранных писем, мы обязаны принять во внимание эту жизненную перспективу, которую они открывают, — солдата или офицера, погруженного в события как войны, так и повседневности, в неформальное общение со своими товарищами на фронте и переписку с теми, кто находится в тылу. Современная военная социология развернулась лицом к «маленькому человеку» (Wette, 1992) на войне с его

переживаниями, а в немецком контексте второй мировой — еще и с двойной ролью агрессора и жертвы. Классический вопрос — как солдатам удастся ежедневно преодолевать угрожающую жизни военную ситуацию (Ziemann, 1997), риски и неопределенности, имеет ответом описание будней войны. Они содержат и специфическую работу на войне, и отдых от нее. И, как любая работа, военная работа обладает своей военной этикой. Ее смысл — мотивировать, давать оправдания, награждать смыслом. Этос военного труда, просматриваемый в подборке писем, складывается на пересечении трех параметров: собственно повседневности фронта с его занятиями, войны как мегасобытия национального и мирового масштаба, а также смысла, связываемого с понятием Родины. Таким образом, дискурсивная поляризация **фронта и Родины** в напряженном движении схождения-расхождения — это те рамочные условия, которые придают смысл военному труду, требуют его интенсивности, легитимируют приносимые жертвы.

Долг и честь как точка отсчета

Наряду с исторической динамикой военных конфликтов XX века менялся и сам дискурс военного письма, фиксируя исчезающие и возникающие мотивации и представления о гражданском, профессиональном и служебном долге, которые сами по себе являются яркой характеристикой социальной эпохи. В этом смысле, показательны письма-обращения по поводу добровольческого участия в англо-бурской войне 1899–1902 годов, адресованные в Российское общество Красного Креста.

19 октября 1899 г.

*В Главное управление Красного Креста от врача Андрея Андреевича Краузе
Заявление.*

Узнав из газет, что общество Красного Креста намеревается послать врачебно-санитарный отряд в Южную Африку для оказания врачебной помощи трансваальцам в их войне против Англии, честь имею просить общество не найдет ли оно возможным принять меня в качестве врача в свою посылаемую миссию.

При этом присовокупляю, что я хорошо знаком с немецким и французским языками и в случае принятия меня в миссию согласен пожертвовать сто рублей в пользу оной. Соблаговолите ответить, изложив подробные условия.

Врач Андрей Краузе (XX век: Письма войны, 2016: 34).

12 октября 1899 г.

Многоуважаемая Дирекция.

Смею предложить мою готовность принять участие в оказании помощи раненым в англо-трансваальской войне. Честь имею покорнейше просить, если находите это возможным, прикомандировать меня к одной из отправляемых колонн в качестве фельдшера, врачебного помощника и чего-нибудь подобного.

Дело в том, что я выслушал полный курс медицинских наук, но вследствие студенческих волнений устранен пока от Государственного экзамена. Свидетельство о выслушивании полного курса могу предоставить.

Находясь теперь без всяческой работы, имею честь покорнейше просить исполнить мою просьбу и дать мне возможность практически приложить свои знания в пользу страждущего человечества.

Готов поехать на тех условиях, которые вам угодно будет найти уместными.

С покорностью и почтением Д. Аваркушевич (Там же).

Формула «имею честь вызваться на службу именно на театр войны» содержит характерное представление о чести как этическом признаке впоследствии исчезнувшей

классовой культуры. Слово «честь» промелькивает в военных письмах и в последующие периоды, но в этих текстах оно уже лишено своего индивидуального смысла и отсылает в большей степени к чести коллективов и идентификации с группой.

С точки зрения исторической социологии, рассматриваемые военные эпистолы приобретают дополнительные качества. Один из классических сюжетов социологии — человек действия и ценностное отношение к нему в предложенных обстоятельствах. Исходя из этого, (объективистская) свертка событий, описанных в письме с фронта, с внешним потоком исторических фактов уступает по своей значимости человеку, переживающему, субъективно перерабатывающему события на грани экзистенциальности³. Именно это обстоятельство придает военным письмам статус особого *личного* документа, интерес к которому со стороны последующих поколений не иссякает. Не гаснет внимание к этому жанру и со стороны тех инстанций, которые инструментализируют память о войне, донесенную и сохраненную в персональном нарративе, для целей государственной идеологии. Фрустрация поражения или радость победы — эмоционально заряжены, и в этом качестве становятся основой для солидаризации (в отличие от исторических представлений, откладывающихся на когнитивном уровне сознания).

Уже упомянутые выше письма мичмана Всеволода Евгеньевича Егорьева к отцу Евгению Романовичу Егорьеву (русско-японская война 1904–1905 гг.) — пример такого личного документа внутрисемейной коммуникации. Но поводом и содержанием переписки между сыном и отцом, профессиональными военными моряками, становится проживаемая ими история, в которой, по их словам, «забываешь, что может существовать личное горе». Приватность семейного разговора поддерживается лишь взаимно адресованными эмоциями, но его содержание — это развернутая картина профессионально выполняемой работы, с оценкой неудач и промахов, символическим вознаграждением героев и горьким признанием поражений. Особого внимания заслуживает письмо Всеволода Евгеньевича Егорьева от 12–15 августа, в котором мы становимся свидетелями происходящего боя, описанного в дискурсе профессионального военного, участвующего в бою и оценивающего его, подмечающего детали и не теряющего самообладания («Только потом, по приходе во Владивосток, у меня проявились человеческие чувства»).

12 августа 1904 г., крейсер «Громобой»

Однако, дорогой мой папа, пора мне приняться за подробное тебе письмо обо всех столь глужих грустных событиях... в половине пятого утра будит меня сигнальщик, докладывая, что меняем курс на вост, вылезая я на мостик, меняем курс. Только легли на West, рассвело и севернее себя на NordNordWest приблизительно видим 4 военных судна; первое мнение, конечно, что это наша давножданная эскадра; ... что «наша» эскадра состоит из 4 крейсеров: «Идзумо», «Адзума», «Токива» и «Ивате»; долго, впрочем, они ждуть себя и не заставили и к 5 часам, сблизившись на 65 кабельтовых, открыли огонь, мы им немедля начали отвечать (уже повернув на Ost); снаряды их с самого начала начали великолепно ложиться, первый снаряд лёг у самого борта «России». Я был на заднем мостике; не скрою, что первые снаряды производили жуткое впечатление, ...Особенно неприятное впечатление производили рикошеты, которые удивительно громко и медленно перелетали через головы в виде огромных чёрных ворон. Они летят так медленно, что, кажется, смело можно отойти от места падения в сторону; ...одним из первых попавших снарядов разнесло

³ Социологически ориентированная нарративистика ставит свои акценты, доверяя нарративу, поскольку, словами Карра, «благодаря сходству структуры действия, производимого индивидом, и структуры нарратива мы, обычно, можем объяснить действие, рассказывая о нем историю» (Carra, 2008: 29).

нам дымовую четвёртую трубу...Конечно, и мы не оставались в долгу, видны были и наши попадания, взрывы наших снарядов и пожары на японцах. На «Azuma» был сильный пожар, мы начали орать «ура», но в ответ на это — колоссальный пожар на «Рюрике»; как-то поневоле все замолкли; в 5 ½ ч. «Рюрику», по-видимому, подбили руль, он вылез из строя, но всё-таки продолжал идти с нами до 6 часов, до нашего поворота на обратный галс в NordWest четверть. ... в 6 часов повернули мы, за нами «Громобой», «Рюрик» же не поворачивает и вскоре поднимает сигнал: «руль не действует», а затем второй сигнал: «не могу управляться»; в это время неприятель, увлѣкшись «Рюриком», делает ошибку, отходит к Ost'у, сосредоточивая огонь на «Рюрике», и тем открывает нам свободный выход к N. Приблизительно около этого времени к нему подходят ещё три крейсера — «Naniwa», «Takachiho», «Niitaka». Видя, что «Рюрик» не поворачивает за нами, возвращаемся к нему, проходя между ним и неприятелем и принимая на себя все ему предназначавшиеся снаряды, проходя в 30 кабельтовых от неприятеля. После этого пожара мы ещё три раза возвращались к «Рюрику», три раза защищали его собственными корпусами... (XX век: Письма войны, 2016: 47).

Приватность военного письма — кочующая величина. Сменив масштаб эпохи и перейдя к другому режиму — уже советскому времени и событиям Второй мировой войны — мы обнаружим совершенно иной дискурсивный язык. Письма пишутся в расчете на многочисленную аудиторию, вольную и невольную. Подцензурность военного письма и писем на фронт заставляет их авторов пользоваться коллективной речью. В обмен корреспонденцией зачастую вовлекаются целые коллективы военных частей и тыловых организаций.

Взаимная мобилизация усилий для победы на коллективном уровне превосходит задачи информирования близких о состоянии военнослужащего, превращая письмо в публичное пространство, чему во многом способствовала неременная военная цензура (Приказ НКО СССР № 72...1997: 85–88).

13 ноября 1941 г., И. В. Панфилов — жене.

Здравствуй, дорогая Мурочка!

Во-первых, спешу вместе с тобой разделить радость.

Мура, ты, вероятно, не раз слышала по радио и очень много пишут в газетах о героических делах бойцов, командиров и в целом за мою часть. То доверие, которое оказано мне — защита нашей родной столицы, — оно оправдывается. Ты, Мурочка, себе представить не можешь, какие у меня хорошие бойцы, командиры — это истинные патриоты, бьются как львы, в сердце каждого одно — не допускать врага к родной столице, беспощадно уничтожать гадов. Смерть фашизму!

Мура, сегодня приказом фронта сотни бойцов, командиров дивизии награждены орденами Союза. Два дня тому назад я награжден третьим орденом Красного Знамени. Это еще, Мура, только начало. Я думаю, скоро моя дивизия должна быть гвардейской, есть уже три Героя. Наш девиз — быть всем Героями. Мура, пока. Следи за газетами, ты увидишь дела большевиков.

Теперь, Мурочка, как там Вы живете, как дела в Киргизии, как учатся ребята и, наконец, как живет моя Макушечка? Очень о Вас соскучился, но думаю, скоро конец фашизму, тогда опять будем строить великое дело коммунизма.

Валя себя чувствует хорошо, я думаю, что скоро и она будет орденоноска, приняли ее в партию, работой ее очень довольны.

Мурочка, я тебе послал 1 тыс. руб...

Дорогая Мура, ты очень скупа, совершенно не пишешь. За все время от тебя получил одно письмо. Пиши чаще, ты знаешь, как хорошо, когда получишь весточку из дома. Пиши. Целую крепко тебя и детей: Женю, Виву, Галочку и мою дорогую Мачочку. Передай привет всем...

Пиши, адрес: Действующая армия, штаб дивизии.

Целую твой И. Панфилов (XX век: Письма войны, 2016: 54).

Соприсутствие военно-государственных инстанций в этом пространстве приучало пишущих к нормативному языку описания военной событийности. Особенно ярко это проявлено в случае фронтовых писем по поводу гибели комбатанта:

14 мая 1942 г. Письмо военкома полка батальонного комиссара Мухамедьярова К. Шопоковой.

Дорогая Керимбюю!

Письмо Ваше с фотокарточкой Вашего мужа получили, за которое очень благодарны и на которое спешим ответить.

Нам вполне понятна Ваша скорбь и печаль, которую Вы переживаете по любимому мужу, героически погибшему от рук немецких варваров. Скорбь и печаль переживаем и мы, потеряв такого мужественного, стойкого и храброго героя — гвардейца, беззаветно преданного делу партии Ленина и социалистической Родине, ставившего защиту свободы и счастья многомиллионного народа выше своей личной жизни.

Но его смерть, смерть героя — подвиг, который прославил его имя на весь обширный Союз. Имена и подвиги 28 героев-гвардейцев, в числе которых находился и Ваш муж, знают все, начиная с пионера-школьника и кончая седовласым стариком, их имена и подвиги воспеваются народом в песнях, про них складываются былины, их имена занесет на свои золотые скрижали история человечества.

Заботой, любовью и теплотой окружает правительство семьи 28 героев-гвардейцев. Решение правительства Каз. ССР об увековечении памяти командира 8-й гвардейской Краснознаменной ордена Ленина стрелковой дивизии Героя Советского Союза генерал-майора Панфилова и 28 героев-гвардейцев, павших в борьбе с немецкими захватчиками на подступах к Москве, подчеркивает ту исключительную заботу, проявляемую правительством к семьям 28 героев-гвардейцев.

Ваш бодрый, энергичный тон письма сильно радует нас, он вселяет в нас новые силы и энергию для дальнейшей борьбы с немецкими варварами. Вы олицетворяете собой советскую женщину, какой она должна быть. Несмотря на постигшее Вас горе, Вы не склонили головы, Вы не опустили руки, Вы бодро смотрите вперед.

Так не сгибайте гордой головы советской женщины и впредь. Все силы, всю свою энергию отдайте на укрепление тыла, на оборону страны, на разгром виновника всех наших бедствий, злейшего врага человечества — германского фашизма. Мы, фронтовики, посланные Вами защищать жизнь, свободу и счастье, детей и жен, отцов и матерей, братьев и сестер, отомстим коварному врагу за все его злодеяния, за пролитую кровь, за разрушенные города, села и деревни, за все те бедствия, которые он причинил нам. Работайте спокойно! Ни шагу дальше врагу ступить не дадим! Близится день окончательной расправы с преступной гитлеровской шайкой. Тому порукой наша доблестная Красная Армия, наш сплоченный могучий народ, наша Коммунистическая партия.

Вместе с Вами, бойцами на трудовом фронте, мы выполним приказ нашего командования. В этом году мы окончательно разгромим германский фашизм и освободим нашу родную советскую землю от поганых полчищ немецких варваров.

Привет всем колхозникам! Шлем Вам, дорогая Керимбюбю, боевой большевистский привет!

Пишите, будем рады вестям с тыла.

С коммунистическим приветом военком полка батальонный комиссар Мухамедьяров (XX век: Письма войны, 2016: 57–58).

Такой текст мог быть впоследствии опубликован в газетной периодике, оказаться на стендах музеев, неоднократно цитироваться, упрочивая культуру послевоенной памяти о войне.

Военный труд той эпохи, описанный таким языком, вновь возвращает нас к упомянутой поляризации Фронта и Родины. Это соотношение требует четкости и конкретности в отношении пространства (дальше от границ Родины либо вперед, пядь за пядью освобождая занятую врагом территорию) и качества исполнения воинского долга (эффективно, результативно, малой кровью):

10 ноября 1941 г., Валентина Панфилова — матери.

Здравствуйте, дорогие Мануточка, Галушки, Виса, Женя и мама. Привет Вам и моим знакомым с фронта. Мама! Была сегодня на передовой у отца, правда, он похудел, но чувствует себя бодро. Была я как раз во время затишья боя, разговаривала с ним, ему ведь, конечно, некогда писать тебе.

Дивизия, которой командует отец, за время вступления в бой уничтожила уже три немецких дивизии и ни на шаг не отступила.

Немцы пленные о папкиной дивизии говорят, что «растянулась дивизия жиденько на большое расстояние и, несмотря на это, не найти нам никак уязвимого места, они сражаются как львы». Кроме того, имеется у нас новое, неизвестной конструкции для немца — оружие огнеметное, которое уничтожает на своем пути все живое и мертвое на протяжении кубического километра, против этого оружия все бессильно. Пленные немцы называют его адской машиной и всеми силами охотятся за ней, но охота до сих пор неудачная. Один офицер пленный говорит: «Покажите, Вы, хоть перед смертью эту адскую машину, которая беспощадно крушит нас». В общем, на фронте дела неплохи, немец боится наступающего мороза, некоторые немцы не имеют даже шинелей.

Ну пока, за нас не беспокойтесь, читайте постоянно газеты и чаще пишите.

Привет бабушке и Юлии Михайловне и всем знакомым.

Крепко целуем Валя, папа (XX век: Письма войны, 2016: 53).

Хорошо выполняемая работа — вознаграждаема, война при этом — не исключение. Более того, особый идеологически поддерживаемый характер войны, представленной в публичном пространстве как освобождающей Родину, сказывается на практике символического вознаграждения. К социальному смыслу награды привлеч внимание еще Питирим Сорокин (Сорокин, 1999), ведь она содержит потенциал социального действия, мобилизующий как политические элиты, так и народные массы. Но, пожалуй, именно Юнгер (Юнгер, 2000) поместил смысл наградного действия в контекст тотальной мобилизации, в рамках которой стираются различия между войной и миром в едином героическом порыве. Ведь не только наступление, но и оборона требуют чрезвычайного напряжения всех сил, которое смогут продемонстрировать только герои войны, а затем и труженики тыла.

22 ноября 1942 г. Сержант Б. Анарбаев — членам сельскохозяйственной артели им. Карла Маркса Базар-Курганского района Джалал-Абадской области.

Дорогие мои земляки!

Сообщаю Вам о своих успехах в борьбе с коричневой нечистью. Я уже истребил 75 немецко-фашистских солдат и офицеров. Советское правительство высоко оценило мои боевые дела. Мне вручен орден Красной Звезды. Велика честь быть орденосцем, но велика и ответственность. На заботу Родины, на ее высокую награду я отвечаю еще более упорным уничтожением презренного врага.

Выполняя приказ Родины, мы без пощады и устали бьем проклятого немца. Каждый день снайперы, артиллеристы, минометчики и бойцы выводят из строя и бьют насмерть десятки и сотни гитлеровских солдат.

Эту священную очистительную работу мы рассматриваем как помощь бойцам юга, защитникам Сталинграда и Кавказа. Включившись в социалистическое соревнование, наши красноармейцы и командиры с каждым днем улучшают свой боевой счет и увеличивают количество истребленных гитлеровцев. Только снайперами того подразделения, где я служу, убито с начала войны 600 немецких солдат и офицеров.

Прошу и Вас, дорогие мои земляки, не отстать в соревновании. По-фронтному закончить все сельскохозяйственные работы, раньше установленного срока выполнить свои обязательства перед государством. Дайте стране и Красной Армии больше хлеба, мяса, овощей, хлопка.

Пусть еще больше крепнет боевое единство фронта и тыла — основа нашей победы над врагом. Красная Армия выполнит волю советского народа. Немцы будут разгромлены, а фашизм будет уничтожен навсегда.

Сержант-орденосец Байджур Анарбаев

Газета «Советская Киргизия», 22 ноября 1942 г. (XX век: Письма войны, 2016: 60).

В приведенном выше письме комбатант называет свой ратный труд социалистическим соревнованием, в котором, по примеру труда мирного, есть свои достижения — количество истребленных врагов. Эффективность этого ряда — в количестве убитых, что и отмечается наградой — орденом и полагающимися наградными выплатами. Эта метафора — военная работа как социалистическое соревнование — своим общим дискурсом уравнивает тех, кто работает на фронте, и тех, кто работает в тылу, мобилизуя гражданское население на тот же масштаб усилий, что и на фронте.

Изменяется ли со временем характер военного труда? Малая, Афганская, война в тени большой, Отечественной, показывает на подборке писем участников Афганской войны, что повседневность военной работы мало претерпевает перемен. Но значимо то, что из писем уходит символическое значение войны как события национального масштаба. Нет и тени сакральности Родины и ее рубежей.

Из письма Кораблина Владимира Ильича от 20.05.1992:

...Я жив, здоров, живем по-прежнему. Поменяли боевую позицию. Подошли ближе к горам. К нашему полку присоединились артиллерия из гаубиц, танковая бригада, установки «Град» и «Ураган». И все они день и ночь стреляют по горам, прочищая дорогу. Ведь в предгорьях растут настоящие непролазные джунгли. На дороге в горах установлены всякие ловушки. У «духов» имеются 20 танковых орудий. Так что они еще очень опасны. Наша артиллерия недавно разгромила у них в лесу командный пункт. Вот они тогда разозлились, такой обстрел нам устроили, снаряды разрывались в метрах двадцати... Несколько раз «духи» ловили наши частоты на связи в эфире. Приходилось менять частоты... (Нижегородский архив Комитета солдатских матерей).

Письмо имеет описательный характер, уже лишено эвокаций, проклятий врагу, призывов к победе, словно с трибуны. Оно описывает будни военной работы в режиме последовательности военных действий. Общий фрейм этой работы остается «за кадром», преследуя тактические цели поражения условного врага.

Приведем пример письма с Первой Чеченской войны.

Из письма Никонова Андрея Владимировича от 25.12.95:

...Ну что вам написать о Чечне? Я не хочу вас пугать, поэтому напишу немного. Не верьте тому, кто скажет вам, что война в Чечне закончилась. Она как раз только начинается. У нас очень часто бывают боевые тревоги, днем и ночью. Тревога может быть по малейшей стрельбе, а стреляют здесь каждую минуту. Днем и ночью. Недавно ранили двоих наших бойцов и одного убили. А случилось это днем. Когда 4 чеченские снайпера засели на деревьях и их никто не видел. И даже не слышали, когда они отстреливали наших как собак. А только видели, как наши парни падали истекая кровью. Это конечно не описать словами, это надо видеть. Здесь гибнут хорошие парни, которых так не хватает на гражданке. Которые в свои 19 лет видели смерть, ощущали страх, видели море крови, которые в 19 лет испытали всё в своей жизни. И всё, что они видели, им будет сниться после армии очень долго. И тот, кто выживет в этой войне — крепкие и очень сильные парни. И не дай бог, кто-нибудь меня упрекнет Чечней на гражданке. Я разорву его, в прямом смысле этого слова (Нижегородский архив Комитета солдатских матерей).

Чеченский опыт войны в письмах доносит иную важную сторону этой «работы» — суметь выжить, выжившие станут крепче и сильнее тех, кто войны не прошел. Маскулинное братство объединит тех, кто выживет, и противопоставит тем, кто посмеет упрекнуть в участии в войне. Поле боя выковывает новые маскулинности и солидарности, которые станут новым смысловым ресурсом военных действий в военных кампаниях конца XX века, поскольку мотивация мести за убитого товарища способна заменить на индивидуальном уровне мотивацию защиты Родины.

Март 1988 г., Салим Гатаулин — Геннадию Скворцову.

Здорово, Гена.

Наверное, моё письмо тебя удивит, но не написать я тебе не мог, зная, что был лучшим другом Валерки. Как мне не тяжело писать эти строки, но, однако, всё уже случилось, и ничего назад не воротишь, и Валерки больше с нами нет. Так обидно, что он погиб ни за что... И главное прямо перед заменой в Союз. Как всё это было... За первую неделю операции мы уничтожили более 30 духов, но белая полоса закончилась. Только группа Ильдара Ахмедшина вышла с КП километров только на восемь, как попала в засаду. Два бронетранспортёра спалили сразу же, три бойца тут же были убиты, куча раненых. Это было возле самой зелёнки. Ильдар был тоже тяжело ранен, и боем руководил Валерка. Около трёх часов они вели тяжёлый бой и их там долбили со всех сторон. Еле-еле разрешили поддержку с воздуха и огонь артиллерии, т.к. в это время командование пыталось мирным путём договориться с духами, и мы с КП видели, как горели наши БТРы. Потом, когда туда прибыл ещё один отряд на помощь, там была страшная картина. Группу вытащили, пришли вертолётчики, чтобы забрать раненных и убитых. У Валерки чуть-чуть пуля задела голову, он хотел остаться, но медик настоял, чтобы его отправили в стационар. Он сел в ту же вертушку, где лежали трупы, с ним был ещё Костя, переводчик и ещё трое раненных солдат. Я проводил Валерку до самого вертолётчика, посадил его туда, и машина взлетела. Я повернулся и пошёл на КП. Как вдруг что-то грохнуло за спиной. Я повернулся:

вертушка, пролетев метров 500, рухнула на землю. Мы побежали. Валерка был ещё живой, но там было страшно смотреть. В сознание он так и не пришёл. Вот так, глупо и очень глупо всё и произошло. Извини, писать трудно. На душе тошно от такой войны, но думаю, что отомстить ещё успею... (XX век: Письма войны, 2016: 100–101).

Важным отличием военных писем последних локальных войн — из Афганистана или Чечни — является смена общего дискурса о военной работе: он лишен патетики и героики. В эпистолярных посланиях уже не встретишь экзальтации с призывами к победе любой ценой, патриотических лозунгов и наполненных гордостью похвал храбрости и стойкости «нашего» человека на войне. Это порождает большую вариативность дискурсов военного письма, как следствие ослабления пропагандистской машины, но не исчезновения идеологии, которая обозначалась в терминах сложносочиненного конструкта «интернационального долга» либо архетипичного крестьянского паттерна «помощи соседу в нужде». В письмах из Чечни, а их рассмотрено с помощью методологии нарративного анализа около 20, отчетливо прослеживается несколько нарративных стилей ведения коммуникации с теми, кто связан с комбатантами дома, в стране.

Прежде всего, это **отсутствие собственно рассказа о самой войне**, его элиминация. В этом случае, письмо обладает исключительно коммуникативными функциями. Письмо становится важным для воюющего автора в качестве связующей нити с домом и прежним социальным окружением. О войне ему говорить не хочется или не получается, вероятно, по причине того, что нарративизация военных действий экстернализирует тревоги и опасения самого бойца.

Вопросы родным и близким, напоминания о событиях на гражданке заполняют тело письма и выстраивают коммуникативный мост между довоенным периодом комбатанта и его возможным возвращением домой с новой мирной событийностью.

Иной стиль письма связан с описанием войны **как опыта службы**. Смысловыми единицами эпистолярного сообщения становятся уставные и неуставные отношения, повседневные практики в военное время, фронтной быт, сведения о боевых задачах и выпавших трудностях. Письмо, в большей степени, несет фактологическую или информационную функцию. Война может быть нарративизируема, с учетом разного положения комбатантов в военной иерархии, как **опыт карьеры или служебных достижений**. В этом случае, адресант делает акцент на упоминании проявления мужества и отваги в боях, в результате чего им было получено повышение или правительственная награда. Также описывается и более прозаическая картина планирования условий по перемещению по служебной лестнице.

Кроме того, война может быть нарративизируема как **коллекция эпизодов военных действий и случаев из фронтной повседневности** (факты ранения; убийство солдат враждебной армии; свидетельства гибели товарищей, противников или мирного населения; факт нахождения в плену). Письмо солдата приобретает универсальные свойства нарративной структуры с изложением хода событий (начало, развертывание и окончание). Наконец, война может приобретать форму **рефлексивного нарратива о военном деле**, в котором функционирует в качестве способа понимания себя и других. Война здесь предстает как обучающий опыт, ценный тем, что поставил комбатанта на грань жизни и смерти.

В заключение отметим, что в письмах военных кампаний позднего советского времени военный труд представлен иным дискурсом — чаще всего, службы: к ней нужно быть готовым, ее нужно исполнить, на войну нужно «сходить». И если, при наличии все

тех же служб цензуры, авторы писем с фронта времен Великой Отечественной войны ощущали пространство письма не только мостиком в круг родства и семьи, но и родом трибуны с провозглашением лозунгов и посыланием проклятий обобщенному врагу, то авторы писем — «афганцы» и «чеченцы» сошли с этих трибун. Война предстает в их письмах в ее неприкрытом виде — как решение задач на уничтожение, а субъективно — на выживание.

Литература

Булыгина Т. А. Письма с фронта как источник истории повседневности в годы Великой Отечественной войны // Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005. С. 530–540.

Гудков Л. Память о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 83–103.

XX век: Письма войны / С. Ушакин, А. Голубев, сост., вступ. статья, ред.; Е. Гончарова, И. Реброва, подготовка документов. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Жучков Б. И., Кондратьев В. А. Письма советских людей периода Великой Отечественной войны как исторический источник // История СССР. 1961. № 4. С. 55–69.

Злоказов Г. И. Солдатские письма с фронта в канун Октября // Свободная мысль. 1996. № 10. С. 37–46.

Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934; переиздание: М.: Эксмо; СПб: Мидгард, 2007.

Иванов А. Ю. Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник: Тема диссертации и автореферата по ВАК 07.00.09. Автореф. дисс. к. истор. н., 2009.

Каштанов С. М. Русская дипломатика. М.: Высшая школа, 1988.

Локтева Н. А. О чем рассказывают письма с фронтов Первой мировой: (По документам Госархива Самарской области) // Эхо веков. 2005. № 1. С. 31–35.

Приказ НКО СССР № 72 «О работе полевой почты» от 18 сентября 1941 г. // Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Том 13 (2–3). М., 1997. С. 85–88.

Пушкарев Л. Н. Человек на войне (источники по изучению менталитета фронтовиков в годы Великой Отечественной войны) // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 109–121.

Сомов В. А. Письма участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 131–135.

Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: РХГИ, 1999.

Хантингтон С. Офицерская служба как профессия // Отечественные записки. 2002. № 8. Электронный ресурс. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2002/8/2002_08_09.html (дата обращения: 06.06.2018)

Юнгер Э. Тотальная мобилизация // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт / Пер. с нем. А. В. Михайловского. СПб.: Наука, 2000.

Carr D. Narrative Explanation and its Malcontents // History and Theory. February 2008. Vol. 47. Issue 1. P. 19–30.

Connerton P. How Societies Remember. Harmondsworth: Penguin, 2000.

Huntington S. Soldier and the State. Cambridge: Harvard University Press, 1957.

Janowitz M. The Professional Soldier. New York: The Free Press. Original edition, London: Collier-Macmillan Limited, 1960.

Wette W. Der Krieg des kleinen Mannes, eine Militärgeschichte von unten. München: Piper, 1992.

Ziemann B. Front und Heimat: ländliche Kriegserfahrungen im südlichen Bayern 1914–1923. Essen: Klartext-Verlag, 1997.

Визуальная социология

Перформативная память и памятник вианбу в Южной Корее

DOI: 10.19181/inter.2018.15.6

Елена Рождественская*

Статья посвящена визуальному и коммеморативному анализу памятника жертвам японско-корейской войны (вианбу). Установка визуально-социологического анализа реализуется в данном случае не путем герменевтики исключительно визуального: напротив, идея памятника расшифровывается в контексте истории и музейной культуры Кореи. Показано, что смыслы памятника воссоздаются через ритуалы перформативной резонансной памяти. Исторические события, которым посвящен памятник, все еще не имеют консенсуса в национальной и интернациональной исторической памяти, поэтому требуют перформативного формата коммеморации как постоянно переопределяемого и подтверждаемого нарративами ее соучастников. Среди участников коммеморативного процесса вокруг памятника вианбу — социальные акторы с различными мнемоническими способностями и институциональными ресурсами (собственно выжившие свидетели, активисты коммеморативного фонда и публика). В ответ на социальный запрос коммеморации возникает новая мемориальная эстетика антимонументальности — соразмерная человеку, пульсирующая в режиме еженедельных ритуалов и обжитая, как укутанная шарфом уличная скульптура.

Ключевые слова: мемориал, перформанс, история японо-корейской войны, коммеморация, визуальное

Фото 1¹

* Рождественская Елена, доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. erozhdestvenskaya@hse.ru

¹ <https://edition.cnn.com/2017/02/05/asia/south-korea-comfort-women-statue/index.html>

Введение. Контуры объекта

Скульптуры в публичном городском пространстве наряду с историческими музеями демонстрируют, как нация перерабатывает свой сложный опыт прошлого, политические ценности нации, принесенные жертвы и травматическое наследие. Для целей данной статьи мы избираем непростой и редко описываемый в российском контексте мемориаторский проект, связанный с сексуальными преступлениями Второй мировой войны, оккупацией Японией стран Восточной и Юго-Восточной Азии. С 1910 по 1945 годы Корея была японской колонией. Из Кореи и стран этого региона были насильно рекрутированы до 200 тысяч молодых женщин — вианбу — для военных борделей, так называемых «станций утешения». Выжили немногие ввиду уничтожения, до сегодняшнего дня дожили несколько десятков. После публичного свидетельства одной из них, Ким Хак Сун, которое мотивировало на признание и других выживших, с 1992 года каждую среду выжившие вианбу и сочувствующие им собираются рядом с японским посольством в Сеуле. Это общественное движение известно как «Протест Среды» и занесено в Книгу рекордов Гиннеса как самая продолжительная гражданская акция в истории. Собирающиеся по средам активисты требуют от японского правительства должного формального извинения, признания вины и компенсации за искалеченные и отнятые жизни.

Исторически важно упомянуть, что, хотя и велись японско-корейские переговоры, которые привели к созданию Азиатского женского фонда (AWF), а также готовилось соглашение по проблеме вианбу в 1995 году, однако эта активность была прекращена в 2007 году. AWF предложила вариант материальной компенсации и письма с извинениями, которое должен был подписать премьер-министр, но, поскольку это был двусмысленный жест уклонения от юридической ответственности государства, он не содействовал примирению (Kingston, 2010: 198–200). Тем не менее, важной вехой на пути к примирению было Соглашение 1993 года в Кено, в котором Япония признала ответственность государства за систему сексуального рабства «женщин для утешения», извинилась за принудительную их вербовку и пообещала искупить (Morris-Suzuki, 2014).

Токио и Сеул почти завершили соглашение с вианбу, однако в декабре 2012 года оно вновь было расторгнуто. В соответствии с условиями этого соглашения посол Японии в Южной Корее посетил бы дом каждой выжившей «женщины для утешения» и в дополнение к денежной компенсации передал бы письмо от имени премьер-министра. Японская сторона была готова принять моральную ответственность за принятие этого гуманитарного жеста искупления и примирения, но была твердо уверена, что не примет юридической ответственности. Японские дипломаты полагали, что правительство Южной Кореи в последний момент «переместило стойки ворот», требуя также признания юридической ответственности, когда соглашение было почти заключено. 8 корейских дипломатов, участвовавших в его подготовке, утверждали, что тщательно откалиброванное соглашение, уклоняющееся от юридической ответственности, не соответствовало грандиозному жесту, требуемому для восстановления достоинства женщин и нации, — и поэтому не могли идти на компромисс в этом вопросе.

В декабре 2015 года Япония признала свою «глубокую ответственность» за проблему «женщин для утешения», был выделен 1 млрд иен (около 8,5 млн долларов) южнокорейскому «Фонду примирения и исцеления», который помогает женщинам, пострадавшим от сексуального насилия во время японской оккупации². Возможно, самым большим наследием AWF является виртуальный музей³ о «женщинах для утешения». Именно этому фонду принадлежала инициатива создать памятник вианбу.

² <http://www.warinasia.com/the-house-of-sharing-nanum-gwangjiusi/>

³ <http://www.awf.or.jp/e1/korea.html>

Именно в их честь, в напоминание их исторического опыта, но и с намерением обозначить неоплаченный долг, была создана рассматриваемая в статье скульптура⁴. И размещена она не где-нибудь в нейтрально-парковой зоне города, а перед японским посольством в Сеуле в 2011 году, в честь десятилетней годовщины первого признания жертвы «станций утешения».

Фото 2⁵

Каждую среду активисты выходят к памятнику — бронзовой «Статue мира», которая изображает молодую корейскую девушку, сидящую на стуле: ее кулаки сжаты и лежат на коленях, она осуждающе смотрит прямо на посольство Японии. Размер статуи соразмерен прохожим и не вознесен высоко в небо. Статую можно рассмотреть, потрогать, она не огорожена и доступна. Детали скульптуры глубоко символичны и оговорены авторами. Птичка на ее левом плече символизирует мир и освобождение, а также неразрывную связь с теми, кто уже давно на небесах. Коротко остриженные волосы означают разрыв с семьей и родным домом, босые приподнятые над землей пятки — нестабильное положение выживших женщин после войны, когда они боялись вернуться домой и открыто рассказать о своей судьбе. Пустой стул рядом со статуей девушки позволяет любому человеку присесть на него и почувствовать себя на ее месте, а также представить на этом месте своих родных и близких. К статуе относятся как к живому существу: ее одевают и укрывают в холода в настоящую одежду, украшают, приносят ей цветы и подарки.

На каждой из демонстраций по средам говорят одна или две оставшихся в живых вианбу. В возрасте от семидесяти до восьмидесяти лет, они посещают еженедельные демонстрации, насколько позволяет их здоровье. Несколько выживших сидят на стульях с одеялами и поют песни. Свидетельства «бабушек», как их называют корейцы, трогают присутствующих до слез.

⁴ Названная статуей мира, она создана парой скульпторов, мужем и женой, Kim Woon-sung и Kim Seo-kyung.

⁵ <https://indianexpress.com/article/world/japan-recalls-envoy-to-south-korea-over-comfort-woman-statue-4461426/>

Фото 3⁶

Они рассказывают свои истории об их похищениях и изнасилованиях, и они молятся за восстановление уважения к ним, за подтверждение своего опыта и за признание этого факта японским правительством. Иногда они кричат, иногда плачут — их невозможно игнорировать, хотя японское правительство делает это в течение почти двадцати лет; когда проходят эти демонстрации, единственным признаком того, что происходит что-то необычное, является присутствие корейских солдат, стоящих перед дверью японского посольства, чтобы гарантировать контролируемый порядок. «Демонстрации по средам» — это способ «сохранить» их голоса даже после их смерти, поскольку их поддерживают активисты движения, подхватывающие ритуал. Они держат плакаты с надписями: «Вернуть честь и достоинство нашим бабушкам», «Мир», «Честь» и «Любовь».

Формальными целями демонстраций по средам были требования:

1. Японское правительство признает как преступление вовлечение корейских женщин в статус «женщин для утешения».
2. Все варварские преступления должны быть полностью расследованы.
3. Официальное извинение должно быть сделано через резолюцию японского парламента (национальный законодательный орган Японии).
4. Юридически компенсации выплачиваются оставшимся в живых и семьям погибших.
5. Все факты о японской системе военного сексуального рабства записываются в японских учебниках истории.
6. Будет построен мемориал и музей.
7. Лица, виновные в совершении преступления, будут наказаны (Heit, 2009: 368).

Япония не раз требовала убрать статую от посольства, а в 2015 году, в рамках соглашения об урегулировании вопроса со «станциями утешения», ее демонтаж даже вошел в список условий для предоставления компенсации. Корейское правительство обещало рассмотреть вопрос демонтажа, но статуя до сих пор на месте. Более того, летом этого

⁶ <https://www.dailykos.com/stories/2015/3/16/1371238/-Korean-Comfort-Women-Exposed>

года ее копия появилась в городе Пусане, ее установили гражданские активисты — также рядом с консульством Японии. Статуи в пластике появляются в общественном транспорте.

Фото 4⁷

Их копии множатся в США, где достаточно много компактных поселений корейцев.

Фото 5⁸

⁷ <http://tulay.ph/2018/01/16/other-comfort-woman-statues/>

⁸ <http://www.koreya24.ru/otnosenia-s-drugimi-stranami/stancii-utesenia-prestuplenie-aponii-protiv-zensin-v-koree>

К контексту меморизации опыта вианбу

Памятник вианбу появился в определенном контексте меморизаторской культуры военного конфликта Японии, Китая, Кореи и сопредельных восточно-азиатских стран. В своей книге «От культур войны к культурам мира» (Yoshida, 2014) Такеши Йошида, историк из Университета Западного Мичигана, выражает обеспокоенность тем, что музеи истории этого военного конфликта могут разжигать двустороннюю напряженность и усложнять процесс примирения, поскольку ужасающие образы зверств способны спровоцировать национализм / националистические настроения среди молодых посетителей, школьников. Если посетители из Южной Кореи мало знают о разных японских взглядах на военное прошлое Японии, они могут просто заключить, что милитаризм вырос в Японии.

Фото 6⁹

В Южной Корее трудно преувеличивать власть государства в ситуации, когда музеи фактически становятся культурным оружием для содействия монолитным коллективным воспоминаниям, направленным на наращивание национализма и патриотической преданности. С одной стороны, Южная Корея выстраивает противоречивые повествования по различным аспектам военного противостояния и японской оккупации, с другой — публичный дискурс о японском колониальном правлении не оспаривается и не подрывается конкурирующими интерпретациями, оставаясь историческим пространством, посвященным соблазнительному для национального дискурса повествованию о виктимизации и преступлениях. Отвергая долю своей общей истории с Корейским полуостровом и принимая ответственность только эпизодически, уклончиво и двусмысленно, Япония передает молот истории корейцам, которые овладевают им с удвоенной силой.

В южнокорейских музеях истории совместное с Японией прошлое предстаёт как гневное воспоминание с графическими изображениями перенесенных страданий и зверств. Музеи и мемориалы о японском колониальном правлении явно воспитывают национальную идентичность, укорененную в антияпонском национализме, стимулируя помнить

⁹ <https://edition.cnn.com/2017/02/05/asia/south-korea-comfort-women-statue/index.html>

одиозное прошлое для целей мобилизации в настоящем и создания общей идентичности стоического и героического сопротивления — жертвы за нацию и единство.

В исторических музеях Китая и Кореи, в которых основное внимание уделяется Японии, японские грабежи богато и графически детализированы, не оставляя никаких сомнений относительно масштабов преступлений Японии. Несмотря на сходство исторических музеев КНР и Кореи в оценке японского милитаризма, похоже, есть одно поразительное различие. Китайские музеи подчеркивают унижение, что выводит на современное послание о необходимости быть сильным (Denton, 2014). В то время как южнокорейские музеи не призывают к унижению, уделяя особое внимание варварству японского колониального гнета и стойкому героическому сопротивлению корейцев. Конечно, китайские музеи также демонстрируют героическое сопротивление перед лицом японского варварства. Тем не менее, они выражают более последовательное повествование, направленное на содействие коллективной идентичности, чем японские музеи, связанные с войной, в которых демонстрируются конкурирующие, валоризирующие страдание рассказы (Hatch, 2014). Согласно Йошиде, «китайские и южнокорейские музеи мира, как правило, отличаются от своих японских аналогов тем, что они часто выступают против национализма и этноцентризма, подобно японским музеям войны» (Yoshida, 2014: 199). Можно сказать, что музеи и мемориалы в Южной Корее не поощряют примирение, а, напротив, сосредотачиваются на напоминании о том, что совершили японцы, что создает препятствия для улучшения отношений — которые, несомненно, будут сохраняться, поскольку, что бы ни делала Япония, этого, вероятно, никогда не будет достаточно.

Вследствие интернационализации споров о «женщинах для утешения», они закипели и в комитетах ООН по правам человека, и в дискуссиях по всему миру. Были предприняты зарубежные усилия по созданию или тиражированию статуй вианбу, посвященных страданиям женщин и вызывающих значительный дискомфорт среди японских правительственных чиновников и консерваторов. С 2010 года четыре города в США поставили памятники жертвам сексуального рабства, которые незамедлительно вызвали гневные протесты консервативных японских политиков. Движение памятников вианбу в США напрямую связано с фактом принуждения корейских женщин, поскольку в США поддержан дискурс, основанный на нормах и ценностях прав человека и гендерного равенства, который резко контрастирует с японским консервативным дискурсом отрицания системы сексуального рабства вкупе с отсутствием поствоенного раскаяния.

Корейско-американские группы поддержки сыграли определенную роль в лоббировании и сборе средств в память о страданиях «женщин для утешения». В 2010 году Palisades Park, штат Нью-Джерси, где более половины населения являются корейскими американцами, стал первым муниципалитетом, открывшим мемориал вианбу, несмотря на интенсивное сопротивление со стороны японских дипломатов. В округе Нассау, Нью-Йорк, рядом с мемориалом ветеранов в парке Эйзенхауэра есть мемориал «женщинам для утешения». В 2013 году в Глендейле, штат Калифорния, в общественном парке города также установлена статуя, идентичная статуе в Сеуле (Levine, 2014). Мемориальная доска посвящает памятник памяти 200 тысяч женщин-вианбу Юго-Восточной Азии, призывая японское правительство принять на себя ответственность за свою роль в этом преступлении. Мемориальная доска также объясняет, что расположенный рядом со статуей пустой стул «символизирует утешение выживших женщин, которые умирают от старости, но так и не были свидетелями справедливости» (Johnston, 2014). 4 августа 2014 года судья Глендейла отклонил иск и требование истцов убрать эту статую, подтвердив, что «статуя полностью соответствует внешней политике федерального правительства». В тот же день город Юнион-Сити, штат Нью-Джерси, стал четвертым городом в США, установившим свой женский мемориал.

Переосмысление роли музеев в коммеморативной работе

Какую роль могут играть музеи в формировании общественного дискурса и отношения к общему прошлому? Исторические музеи Южной Кореи остаются в ловушке гневных обличительных повествований, которые допускают мало нюансов, напоминая о колониальных страданиях и передавая мрачную историю неумолимых японских грабежей. Хэтч напоминает о том, что есть существенные исключения из этого обобщения: например, мемориальный парк, который был организован в бывшей тюрьме Seodaemun и который демонстрирует, что есть возможности усложнять повествования, устанавливая новые связи и пересматривать националистические дискурсы (Hatch, 2014). Усложняющим фактором является долговременная коллаборация корейских элит с колониальными японскими властями. Это сотрудничество остается темным местом в корейской истории, потому что многие из тех, кто обладал политической и экономической властью в Южной Корее после Второй мировой войны, вошли в элиту благодаря опыту колониальной эпохи, а также навыкам и капиталу социальных сетей, приобретенным при японском правлении. Эта реальность угнетает господствующую национальную идентичность. Тем не менее, «декриминализация» сотрудничества может стать полезным шагом на пути к примирению, поскольку она открывает новые возможности для совместных коммеморативных исследований и музейных экспозиций, в которых будет рассмотрена общая история и которые могли бы опираться на интригующий прогресс в области транснациональной колониальной литературы (Kleeman, 2003).

Моррис-Сузуки (Morris-Suzuki, 2009) предлагает возможности смешивания национальных повествований, создания виртуальных пространств, где различные рассказы могут быть совмещены друг с другом, позволяя свету [каждого] национального повествования освещать тьму из других, с тем чтобы перспективы многих жертв смогли выйти из тени. Это интригующая идея, но ее распространение может оказаться затруднительным. Например, есть виртуальный музей¹⁰ о женщинах-вианбу, который был организован Азиатским женским фондом, его материалы переведены на корейский, японский и английский языки (AWF, 2007; Wada, 2008). Однако его виртуальная библиотека поддерживает повествование о коллективной амнезии Японии. В ней содержатся справочные материалы, голоса некоторых жертв, собранных в устном историческом проекте, воспоминания женщин, ухаживавших за корейцами, пять томов документов, собранных в рамках правительственного расследования, и некоторые видеоролики. Это бесценный ресурс для учителей, исследователей и журналистов. Но AWF никогда не получала поддержку в самой Южной Корее, группы активистов препятствовали тому, чтобы бывшие женщины-вианбу согласились на предложенную компенсацию, поскольку это считалось уловкой японского правительства, чтобы избежать прямой юридической ответственности и, таким образом, уклониться от бремени истории (Soh, 2008) Очевидно, еще не пришло время для примирения в музеях, учебниках и других местах для рассказов о корейско-японской истории, — его не видно и в обозримом будущем.

Аффект, ритуал и перформанс как стратегии меморизации опыта вианбу

Рассмотрев сам памятник, возникшую вокруг него перформативную среду, сложившиеся ритуалы еженедельных демонстраций, а также социальных акторов, вовлеченных в финансирование и создание самого памятника и его множющихся копий, мы можем теперь рассмотреть уже на обобщенном уровне перформанс как приглашение к активному взаимодействию с объектом коммеморативного искусства, что отражает важные тенденции в memory-studies. Существенным аспектом эффективности стратегии

¹⁰ AWF. 2007. Digital Museum. <http://www.awf.or.jp/index.html>.

коммеморации, воплощенной в современных интерактивных и перформативных коммеморативных практиках, является резонанс — как отклик на связность содержания и формы коммеморативной практики. Импульс к воспроизводству коллективной памяти стимулируется не только общими воспоминаниями, но и «коммеморабильностью» как определенными усилиями коммеморативного сообщества, обладающего совокупно мнемоническими способностями и институциональными возможностями, благодаря которым разворачиваются ритуалы и торжества памяти, как показывают в своем исследовании Э. Армстронг и С. Крэг (Armstrong, Crage, 2006). Важным предусловием коммеморабильности является мобилизационная активность тех, кто берет на себя задачу строительства коллективной памяти — от создания и формулирования «социальных рамок» до сценария публичного ритуала (Wagner-Pacifici, Schwartz, 1991; Vinitzky-Seroussi, 2002; Olick, 2003). Под мнемонической способностью Э. Армстронг и С. Крэг предлагают подразумевать навыки и ресурсы, необходимые для трансляции содержания коллективной памяти. Разнообразие этих ресурсов либо их недостаток имеют следствием вариации в технологиях коллективной памяти и коммеморативных формах, отсылающих к культурным моделям коммеморации (Lang and Lang, 1988; Taylor, 1996; Olick, Robbins, 1998). В отношении памятника вианбу мы обнаруживаем активность ресурсного фонда AWF, инструментализирующего национальную жертву для целей национального дискурса.

Интересным выводом упомянутого исследования Э. Армстронг и С. Крэг является различие социальных акторов с высокой и низкой мнемонической способностью — соответственно, в большей или меньшей степени влияющих на практики коммеморации, управляющих или подчиненных воспоминанию в определенных социальных рамках. В ритуале по средам вокруг памятника и в Пусане, и в Сеуле, участвуют как активисты, так и приглашаемые «бабушки», пожилые вианбу, у которых есть определенная роль, связанная с отведенными местами рядом с памятником, определенными речами в жанре свидетельств, и есть окружающая публика, которой адресован перформанс. Аффективные реакции — крики, плач, гневные филиппики — имеют и другого адресата: молчаливое здание японского посольства.

Аффективная составляющая перформанса подхватывает еще одно направление memory-studies, которое рассматривает значимость аффекта в «местах памяти» для выстраивания социальных солидарностей и национальных коллективных идентичностей (Sturken, 1997; Crang, Tolia-Kelly, 2010). За пределами национальных исторических конвенций это направление знаменует собой важный концептуальный сдвиг в современном мемориальном дизайне (Yanow, 1998; Young, 1993; Huyssen, 2003). Очевидно, запрос на тематизацию эмоций и аффекта в новой культуре коммеморации связан с девальвацией монументальности. Однако неподвижное, статическое проявление коллективной памяти, размеченное в городском ландшафте монументальными сооружениями в честь прошлого, корреспондировало с однозначно трактуемыми историческими событиями. Но события, так и не получившие консенсуса в национальной (и интернациональной) исторической памяти, как вианбу, очевидно востребуют иного формата коммеморации — перформативного, постоянно переопределяемого/подтверждаемого нарративами ее соучастников. В ответ на этот социальный запрос возникает новая мемориальная эстетика, отыгрывающая «антимонументальность», словами Джиллиан Карр (Carr, 2003). Содержательно этот тренд построен на приоритете пространственности и вовлекающей динамике мемориального дизайна при катализации аффективного поведения зрителей и участников ритуалов коммеморации.

«Аффективное наследие» — подобное опыту вианбу и его дискурсивному эху, перешагивающему границы и приводящему в движение памятники, вызывающее персонали-

зированные жесты ухода за памятником в виде его укутывания, одевания, украшения, — меньше полагается на официальную риторику, чтобы формировать и удерживать смысл на «местах памяти». В эмоциональном наследии аффект для зрителей прирастает впоследствии смыслом, поскольку он создается посредством телесно-сенсуального опыта с мемориальными пространствами и внутри них. Как об этом пишет Эмма Уотертон, «аффекты оказываются телесно опосредованными в аффективных мирах, которые формируют свои приемы, задействуя повседневные эмоциональные резонансы и циркуляцию чувств ...что означает понимание наследия как сложного и телесно воплощенного процесса смыслообразования (Waterton, 2014: 824).

Литература

- Armstrong E. A., Cragge S. M. Movements and Memory: The Making of the Stonewall Myth // *American Sociological Review*. 2006. N 71. P. 724–751.
- AWF. 2007. Digital Museum. URL: <http://www.awf.or.jp/index.html> (дата обращения: 12.06.2018)
- Denton K. Exhibiting the Past: Historical Memory and the Politics of Museums in Post-socialist China. Honolulu, HI: University of Hawaii Press, 2014.
- Carr G. After Ground Zero: Problems of memory and memorialisation // *Illuminate* 2. 2003. P. 36–44.
- Crang M., Tolia-Kelly D.P. Nation, race, and affect: Senses and sensibilities at national heritage sites // *Environment and Planning A*. N 42. 2010. P. 2315–2331.
- Hatch W. Bloody Memories: Affect and Effect of World War II Museums in China and Japan // *Peace and Change*. N 39 (3). 2014. July. P. 366–394.
- Heit Sh. Waging sexual warfare: Case studies of rape warfare used by the Japanese Imperial Army during World War II // *Women's Studies International Forum*. N 32 (2009). P. 363–370.
- Huysen A. Present pasts: Urban palimpsests and the politics of memory. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2003.
- Johnston E. Comfort Women Statues Spur Debate // *Japan Times*. 2014. Feb. 27.
- Kingston J. Contemporary Japan: History, Politics and Social Change since 1945. London: Wiley-Blackwell, 2010.
- Kleeman F. Y. Under an Imperial Sun: Japanese Colonial Literature of Taiwan and the South. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2003.
- Lang G. E., Lang K. Recognition and Renown: The Survival of Artistic Reputation // *American Journal of Sociology*. 1988. N 94. P. 78–109.
- Levine B. Lawsuit Seeks removal of Glendale 'Comfort Women' Statue // *LA Times*. 2014. Feb. 22. URL: <http://articles.latimes.com/2014/feb/22/local/la-me-ln-glendale-comfort-women-statue-sparks-lawsuit-20140222> (дата обращения: 2.06.2018)
- Morris-Suzuki T. Remembering the Unfinished Conflict: Museums and the Contested Memory of the Korean War // *The Asia-Pacific Journal*. N 29 (4). 2009. July 27. URL: http://japanfocus.org/-Tessa-Morris_Suzuki/3193 (дата обращения: 3.06.2018)
- Olick J. K., Robbins J. Social Memory Studies: From "Collective Memory" to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // *Annual Review of Sociology*. 1998. N 24. P. 105–140.
- Olick J. K (Ed). States of Memory: Continuities, Conflicts, and Transformations in National Retrospection. Durham, NC: Duke University Press, 2003.
- Soh C.S. The Comfort Women: Sexual Violence and Postcolonial Memory in Korea and Japan. Chicago: University of Chicago Press, 2008.
- Sturken M. Tangled Memories: The Vietnam War, the AIDS Epidemic and the Politics of Remembering. Berkeley: University of California Press, 1997.
- Taylor G. Cultural Selection. New York: Basic Books, 1996.
- Vinitzky-Seroussi V. Commemorating a Difficult Past: Yitzhak Rabin's Memorials // *American Sociological Review*. 2002. N 67. P. 30–51.

Wada H. The Comfort Women, the Asian Women's Fund and the Digital Museum // The Asia-Pacific Journal. 2008. Feb. 1. URL: <http://www.japanfocus.org/-Wada-Haruki/2653> (дата обращения: 30.05.2018)

Wagner-Pacifici R., Schwartz B. The Vietnam Veterans Memorial: Commemorating a Difficult Past // American Journal of Sociology. 1991. N 97 (2). P. 376–420.

Waterton E. More-than-representational heritage? The past and the politics of affect // Geography Compass. N 8 (11). 2014. P. 823–833.

Yanow D. Space stories: Studying museum buildings as organizational spaces while reflecting on interpretive methods and their narration // Journal of Management Inquiry. N 7 (3). 1998. P. 215–239.

Young J. E. The Texture of Memory: Holocaust Memorials and Meaning. New Haven and London: Yale University Press, 1993.

Yoshida T. From Cultures of War to Cultures of Peace: War and Peace Museums on Japan, China and South Korea. Portland: Merwin Asia, 2014.

Биография номера

Интервью с прекарием: «Я такой человек — мне проще без всяких бумажек, без всего»¹

DOI: 10.19181/inter.2018.15.7

Ирина Тартаковская*

Интервью с Дмитрием, 30-летним прекарием, в данный момент ухаживающим за больной матерью и перебивающимся случайными заработками, интересно тем, что оно представляет собой характерный пример добровольного «соскальзывания» в прекарную занятость, выражающегося в последовательном отказе от любого типа конвенциональной карьеры и постоянной работы. Дискурсивно Дмитрий оправдывает отсутствие постоянной работы необходимостью ухаживать за матерью (после инсульта), хотя мать заболела всего два года назад, при этом предыдущие восемь лет жизни, после возвращения со срочной службы в армии, Дмитрий точно так же избегал любой «закрепощающей» его формы занятости. Несмотря на то, что семья Дмитрия, как видно из интервью, обладала определенным социальным капиталом — мать работала юрисконсультантом, старшая сестра также получила юридическое образование и сделала определенную карьеру («раскрутилась», по его выражению), — Дмитрий не закончил даже первого курса института.

После возвращения из армии он недолго работает охранником, потом часто меняет различные места работы, не требующие никакой квалификации и не оставляющие никакой возможности профессионального роста (курьером, продавцом, сторожем автостоянки и т. п.) При этом он целенаправленно выбирает именно неформальную занятость: «...уже хотелось работать не то чтобы попроще, а спокойней, где тебя никто не трогает, не надо писать бумажки, что-то бегать ... не то что я ленивый, не хочу ничего делать — я люблю и руками работать, и вообще, — но как бы хотелось просто, чтобы тихонько, никто тебя не трогает, не нервничать». При этом он обладает определенной эрудицией, учит иностранные языки, владеет компьютерной грамотностью, воздерживается от употребления алкоголя. Неоднократно в ходе интервью Дмитрий высказывает свое отрицательное отношение к любому рода регуляциям, документам, любым формальным социальным институтам: «Фактически официально мало работал, да не думаю, что это страшно... То есть для меня всегда была проблема, даже при увольнении с официальной работы: надо бежать с этим бегунком в отдел АХО, в бухгалтерию, ставить печать. Зачем мне все это? Меня всегда это напрягало как-то очень сильно».

Его не привлекает никакой вариант «нормальной» карьеры: «Был бы с институтским образованием, я бы все равно сидел с мамой, так же приходилось бы крутиться, это не дает ровным счетом ничего». Можно сказать, что Дмитрий является «идейным»

¹ Материал подготовлен в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории» (грант РНФ 14-28-00217).

* Тартаковская Ирина, кандидат социологических наук, доцент Государственного академического университета гуманитарных наук; старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. lucia.richardson@gmail.com

прекарием, выработавшим у себя особую субъектность, отвергающим все вызовы, связанные с борьбой за социальный статус, и позиционирующим себя при этом как способного и независимого человека — «троечника, у которого списывали все отличники».

Однако самооценка Дмитрием своего жизненного пути весьма далека от комфортной. На протяжении всего интервью он сожалеет об упущенном им времени, которое, правда, он хотел бы потратить не на карьеру, накопление средств или образование, а на путешествия и развлечения. Две его туристические поездки в Египет (до болезни матери) оказались для него лучшими событиями в жизни, своего рода биографическим пиком, и теперь служат постоянным источником воспоминаний.

Дмитрий как будто отказывается понять связь между выбранной им прекарной трудовой стратегией и ограниченностью своих жизненных возможностей, с досадой восклицая: «Почему я более низкие люди?» Забота о больной матери обеспечивает его моральными аргументами для оправдания своей фрагментарной занятости, однако он просто отказывается рассматривать другие альтернативы (например, заработать на сиделку или привлечь к уходу старшую сестру).

Противоречивость его мировоззрения, на мой взгляд, связана со спецификой его социализации. Юность Дмитрия пришлась на 1990-е годы, когда происходил слом многих социальных институтов, обеспечивающих старшему поколению стабильные биографии и определенные карьерные возможности. В результате у него не сложилось никаких представлений о «правильном», ведущем к успеху жизненном пути, который позволил бы ему самореализоваться и достигнуть желаемого уровня благосостояния. Дмитрий избегает формальной занятости, потому что не видит в ней никаких преимуществ: она представляется ему просто бюрократической ловушкой, которая заставит его вписаться в некие неприятные ему рамки и ничего не даст взамен. Однако никакой явной альтернативной модели жизни у него не сформировалось, его трудовые перемещения спонтанны и ситуативны.

В этом смысле, интервью с Дмитрием очень характерно для молодого поколения прекарных работников, не имеющих внятного биографического проекта и находящихся в состоянии постоянной растерянности. Этим оно и интересно для читателя.

Интервьюер. Наше интервью будет посвящено вашему жизненному пути. Начнем с того, что я попрошу вас рассказать свою биографию. Желательно, чтобы вы рассказали её в хронологическом порядке, то есть от вашего рождения и до сегодняшнего момента. Вы, в принципе, можете рассказать о себе всё, что хотите, но для нас важны основные этапы вашей жизни: детство, родительская семья, условия жизни в те времена, как они менялись, что изменилось в вас с детства, на этапе взросления и до вашего сегодняшнего состояния, какие-то основные моменты, которые у вас случились в жизни, запомнились и как-то определили вашу жизнь. После того, как вы расскажете, я немножечко позадаю вам вопросы, чтобы уточнить какие-то моменты для себя. Хорошо?

Респондент. Хорошо. Меня зовут Дмитрий. Родился, значит, я здесь, в Н. В принципе, всю жизнь здесь и живу, на одном и том же месте. Что касаясь детства, после рождения у меня только мама была, то есть, как бы, отца я не видел с двух лет, — это, как сказать, их история. В принципе, оно мне и не важно, сейчас уже — тем более. Сейчас мне, тем более, 30 лет, сейчас уже не важно. Тем не менее, детство у меня было гораздо счастливее, как я смотрю, чем у многих детей даже из полных семей. Мама старалась, надо отдать ей должное. В детстве было и интересней, нежели сейчас, сейчас как-то жизнь и сложнее, и менее интересна, более удручает, более скучная, менее веселая, то есть как-то детство было радостнее что ли. Ну, я не знаю, может, так у всех, с возрастом, к среднему возрасту, может, у всех так. В данный момент, значит, школа — полное образование, полностью школу закончил.

Потом сразу ушел в армию, как-то не сложилось с институтом, поступал, но... Да, ну как, ну и не моя это профессия. Просто мама была юристом, работала. В общем, я попробовал, не пошел, сразу ушел в армию. Отслужил два года в Волгограде в знаменитом полку, который, как сказать, захватил Паулюса в 1943 году на Сталинградской битве. Так скажем, в соседней роте я служил, в 8-й. 9-я рота поймала, я служил в 8-й. Ну, благополучно вроде закончил службу, вернулся. Ну, и как-то дальше годы понеслись, понеслись.

Первые какие-то достижения, первая работа, ну, как у всех после армии. Немножко поработал в охране, оделся, обулся, заработал какие-то барыши, сделал права водительские, первая машина, какие-то развлечения с друзьями. Опять же, ездил на своей машине, уже поехал в Волгоград — друзья остались, мы до сих пор общаемся. Как-то всё это, в основном пошла рутина. Вроде бы друзья, развлечения, но работа, вот эти 10, там, лет скоротались очень быстро. Сейчас оглядываюсь назад — что-то после школы, правильно говорят, жизнь летит быстрее, очень быстро (улыбается). Ну, и потом как-то более, значит, интересы стали меняться, потребности более высокие, как бы, — видимо, расту, развиваюсь, как говорится, взролею (смеется).

Пару раз был за границей в любимом Египте, он мне понравился очень. Жалко, что в данный момент закрыли, но, в принципе, мне сейчас, как бы, и не до него: я выехать не могу, потому что последние несколько лет болеет мама, после инсульта она лежит. Я уже не буду жаловаться, но старшая сестра, очень любимая мамой, отказалась за ней ухаживать, вообще никак не хочет помогать. В общем, я тяну всё это один. Поэтому сейчас где-то подрабатываю автоэлектриком, где-то подрабатываю на компьютере: калым, там, подбрасывают, ну, с документами, друзья, там, еще кто-то. Ну, нахожу, кручусь. В общем, приходится крутиться, и время последние годы в связи с болезнью мамы летит еще быстрее. То есть эта вся бытовуха на мне, это зарабатывание денег на мне. Плюс в нашей бюрократической стране это бумажки, оформление и т. п., и т. п., куда ни плюнь: то есть элементарно поменять её же пенсионную карту, там у нее пенсия идет, это бежишь за доверенностью, бежишь туда, бежишь сюда (смеется), — в общем, это всё проблематично. И быт, ну, пытаюсь как-то развлекаться...

Последние годы, вот, два года катаюсь с соседом на велосипеде, просто, как бы, подстроился под жизненную ситуацию. Если не могу куда-то уехать отдохнуть, ну, хотя бы летом развлекаюсь на велосипеде, зимой, там, иногда в зимние месяцы раз в недельку в бассейн хожу. Так, не особо много, потому что накладно будет. Да и незачем тоже, надоест. То есть, вот, в принципе, всё. Ну, где-то, там, в компьютере посидел, кино посмотрел (смеется) — это вообще очень редко получается: в основном работаю в компьютере. И вот, эти последние годы прямо, вот, время ускорилось даже не в 2–3, а в десятки раз, мне кажется. То есть оглядываешься назад — пролетело время очень сильно. Ну, вот, в принципе, всё. Что еще рассказать?

Если сравнивать мое детство, юношество, оно было как-то более насыщенной. Может, было что-то, происходили события, не такие яркие — для ребенка на тот момент, для подростка они казались грандиозные. Сейчас могут происходить события более яркие, какие-то масштабные, глобальные и, ну, в моей именно жизни, да, не в общем, в государстве, а именно в моей. За последние годы до того, как... Я еще мог, вот — с мамой пока не сел, — это бывал 2 раза в Египте: для меня это была огромная радость, почему-то я, так, покумекал, выбрал его. И сейчас, честно говоря, в общем, никуда и не охота — ему замены нет. Для меня, наверное, это самые яркие события, два раза в Египте по 2 недели, по 10 дней — наверное, самое веселое, радостное и яркое, что для меня было последние годы.

И те же 90-е годы, мое юношество, детство мое прошло в 90-х, оно как-то и запомнилось. Вот 90-е годы я помню, 2000-е не помню вообще, то есть нечего вспомнить, взять какую-то музыку — нету музыки, вся музыка в 90-х была (смеется). То есть всё было

ярче. А уже ближе к 30, вот, как-то стало всё, пролетает быстрее, и ничем не удивишь, то есть, вот, так я скажу. То есть, если раньше это казалось «вау» что-то, то сейчас это не удивительно. В общем, не знаю, может, уже кризис среднего возраста (улыбается), так вроде рано... Часто я слышал в детстве, даже где-то в кино слышал, что, вот, люди говорят: до 40 вроде жил, а дальше не знаю, что будет... Я могу сказать это к 30, то есть до 25 как-то жил, а сейчас, к тридцатке, стало пустовато и менее что-то удивляет. Плюс навалилась взрослая жизнь совсем: естественно, сейчас проблемы с мамой, вот эта вся бытовуха. Иногда сидишь дома, есть какая-то свободная минута, выйти бы развлечься, куда-то сходить — ну, просто уже не хочешь, потому что знаешь: ты придешь, а у тебя дома то, се, надо покормить маму, надо делать какие-то бытовые дела. Ты думаешь: лучше я посижу и спокойно сделаю, чем буду развлекаться. Устану, приду, а тут еще вот. Уже просто, ну, стараюсь руки не опускать, но, вот, как-то так.

И. Хорошо, Дмитрий. Вспомните, пожалуйста, свое детство. Вы сказали, что вы жили с мамой?

Р. Да, с сестрой, с мамой, потом сестра ушла.

И. Сестра на сколько вас старше лет?

Р. Ну, 5,5–6 лет.

И. Вы ходили в детский сад?

Р. Да, конечно, в детский сад ходил. Я, вот, помню, что у меня в 6 лет был торт с 6-ю желтыми утятами. Большой торт мы принесли на всю группу в детский сад. Мама даже устроилась в первые годы в садик там: ну, она по специальности, юристом, да, по моему, юристом так и была, пока в ясли ходил. Потом постарше стал, она ушла на другую работу, куда-то в другую организацию просто. Я помню, что на 6 лет в детском саду вот такой торт у меня был. Опять же, что было в 26 лет, я не помню, а что было в 6 лет... То есть более яркие моменты, да, и дети впитывают всё, как губка. Поэтому детство, и, вот, всё самое лучшее.

И. После детского сада вы поступили в школу. Да?

Р. Да. Полностью закончил детский сад, я в него ходил с яслей, и потом в 7 лет — в школу меня.

И. Пошли в школу. Вы в какую школу ходили? Это школа была ...

Р. Обычная.

И. Ближайшая к дому?

Р. Да, обычная.

И. Специально она выбиралась мамой?

Р. Да, близлежащая, поэтому. Она довольно нормальная школа, в принципе, на тот момент все школы одинаковые были, мне кажется. Сейчас колледжи, средние, с уклоном. Обычная школа средняя, довольно нормальная, да.

И. Ясно. Вы можете оценить уровень материального благосостояния в родительской семье в то время? Вот, в то время, когда вы были ребенком?

Р. Ну, не сказать, что мы богатые были, в начале 90-х всем туго пришлось, конечно. Были времена, когда да, там, что на последнюю трешку, ельцинскую или ленинскую, я уже не помню, шли, покупали банку шпротов последнюю, на то время консервы еще нормальные были. Но это, как бы, недолго. В основном, тьфу-тьфу, надо отдать должное, даже летом меня мама устраивала в лагерь на месяц довольно хороший. То есть после школы я всегда на месяц ехал в лагерь, буквально, там, какой-то год мы пропустили, по-моему, 93-й — самый сложный. Либо мы летели, даже было так: в июле я в лагере, сестра, там, уже не помню, и она тоже ездила, потом она старше стала, в июне — в лагере, в июле — у мамы отпуск, мы летим в Архангельск. В принципе, детство было-то счастливое. Сейчас разговариваешь с людьми, вот подруга ничего в детстве не видела, ни лагерь, ничего. Там, конечно, от родителей зависит.

И. Мама у вас по образованию, по профессии юрист?

Р. Юриисконсулт.

И. Помимо школьного образования были ли у вас какие-то дополнительные занятия, курсы, кружки какие-то, секции, чем вы занимались?

Р. Да, как бы, с детства научили меня играть в шахматы, но потом какой-то случился у меня провал. И когда привели меня в кружок в первом классе или во втором, при школе он был — бесплатный кружок. Мама мне говорит: ты что, ты же играл, вот, как сейчас помню. А я хоть убей не помню. Быстренько начал опять играть в шахматы, я и сейчас быстро всё схватываю, хотя уже старый довольно-таки, а тогда быстро всё понимал. Какое-то время ходил в шахматы, в нулевой класс я ходил, вроде типа как подготовительный, но недолго, буквально месяц, при школе, английский. Читал и писал я уже до школы, там в первом классе не было дневника, а, там у нас просто делали по чтению такую вкладку, мне ставили одни пятерки. Я уже читал, мама научила меня еще где-то в подготовительной группе, то есть перед школой в 7 лет я садик заканчивал — я уже читал, писал через черточку, по слогам.

Да, и уже английский пробовал, вообще, мне нравился немецкий, потому что мама учила немецкий, ну, довольно красивый язык, своеобразный, так скажем. Но пришел выбор, как бы, нам сказали делать выбор, что будете изучать, ну, я выбрал английский, потому что международный, по совету большинства. В принципе, он мне тоже нравится, я его довольно прилично сейчас знаю. И в более старших классах я ходил в радиокружок какое-то время, тоже бесплатно, тогда еще были такие, это уже не при школе было — тоже, там, в близлежащих домах, собирал там радио свое, маленькое. На тот момент тоже было интересно. И уже в более старших, 7–8 класс, 9-й, 10–11-й, мы ходили в военно-спортивный клуб, что-то типа, ну, как бы, тоже появилась одна организация, они, в общем, ну, просто пришли, пригласили. И преподавали боевое искусство. Дети собирались, развлекались, не наркоманить, не курить. Хотя я и так бы не стал наркоманить, но, тем не менее, ошибка детства была, да: курить начал в то время, но вот уже 4 года не курю, благополучно бросил. Удивляюсь, почему раньше не бросил, оказывается, так легко, вот. А так, наркотиками и выпивками никогда было не соблазнить, кстати, я не пью. Ну, в детстве пару раз пробовали, но это не питье. То есть 10 лет я не пью вообще. Тоже никаких проблем, не вижу ничего в этом плохого. Хотя иногда бесит, народ начинает доставать: а что, ты не пьешь, а что, совсем не пьешь, ну как, ну совсем? Вот это вымораживает, честно говоря, по-русски. Я, ну, просто понял, ну, не интересно мне. Если настроения нет, его и так не будет...

Плюс где-то в средних классах каратэ у нас было, в школе тхэквондо мы пробовали с товарищем, ходили там по двору, было пару товарищей. Один, кстати, умер, ушел, так скажем, по нехорошей тропке пошел в жизни, чуть младше меня, но, вот, тем не менее, уже умер. Вот так вот жизнь сложилась, что... Хотя на тот момент он был больше спортсмен, чем все остальные, но вот так вот.

И. Понятно, вспомните, пожалуйста, период, когда вы заканчивали школу и вам нужно было куда-то дальше, как-то дальше строить свою жизнь. Вот на тот момент у вас были планы относительно своей жизни? Что-то мама вам советовала или другие люди? Куда вы пробовали поступить? Вы оговорились, что какая-то попытка была, почему вы попробовали именно туда, почему не в другие какие-то заведения?

Р. Ну, как сказать? Дело в том, что обычно, да, смотрят на родителей, или кто... Я, хоть, не знаю, довольно умный, но я не был уверен, куда мне идти. В детстве, да, как обычно у всех детей: посмотреть один фильм — хочу стать пожарным, хочу стать летчиком.

И. Вы кем хотели стать в детстве?

Р. Ну, тоже, там, детство это всё понятно, мимолетно: а, классно — тоже таким буду, и пожарным, и летчиком. У меня дед по отцу, я, к сожалению, его тоже не видел, он рано умер, дед по отцу: он всю войну прошел летчиком на Ил-2, знаменитом самолете. Потом он работал в гражданской авиации долго, руководителем полетов уже на земле, так скажем, ну, уже в возрасте. И как, может, это передалось от него: очень люблю самолеты. Вот, последние годы — так, для успокоения души (смеется) — купил пару моделей, настоящих, хороших, уже готовых, ну, известных фирм, такие статические модели: просто стоят и радуют глаз, чисто визуально, чтобы мне веселее дома было. Мне передалась любовь к авиации, вот, как-то так. Но, как-то на тот момент и в стране было, то есть, да, уже, кто постарше был, они уже заканчивали, там, то есть, буквально, там, заканчивали, там, получали специальность, не могли, там, у них не было в стране керосина, чтобы сдать экзамен, люди, там, кто спивался, кто входил в бизнес, пилотов мы тогда очень много потеряли, это всем известно. Ну, и как-то на тот момент, под конец 90-х, не получилось. Я, вот, на тот момент, с 9 класса я понял, что пойду в 11-й. По окончании 11-го я так ничего и не надумал.

И. У вас не было мыслей стать пилотом или летчиком?

Р. Да, на тот момент у меня это... Может, я внутренне понимал, что не потяну, может быть. Хотя, в принципе, сейчас...

И. Почему не потянете, что не потянете?

Р. Может, слишком сложно для меня, хотя сейчас думаю... Я такой человек, иногда кажется — не сумею. А сядешь, буквально, я иногда говорю: дайте мне сейчас самолет, я через час на нем полечу, и не нужен мне институт, там, да. В принципе, я такой человек, я сам себе не доверяю: ой, кажется сложно, я не справлюсь. А на самом деле, сунешься, когда жизнь заставляет, и смотришь — а, блин, оказывается, всё так легко, да. То же самое, когда мама слегла, мне казалось: это то же самое, с готовкой, я тоже думал — ой, суп. Я никогда не смогу варить суп. А оказалось, такая ерунда, полчаса варится мясо, накидал там всё в кучу, еще полчаса, и готов. То есть, а кажется изначально, что, ой, я никогда не смогу. На самом деле я сейчас много чего готовлю. То же самое было и с этим. На тот момент как-то вылетело это из головы, не думал. Тут еще мама вот с этим — юрист, юрист, на юрфак иди, юриспруденция правильно говорить факультет, я выбрал...

И. То есть мама хотела, чтобы вы поступали на юридический факультет?

Р. Да. Не то, что она хотела, она предложила то, что она знает, вот, а там уже... И у меня не было такого, как, вот, некоторые, все, хочу вот стать пилотом или кем-то другим, и ничем не заманишь. А я на тот момент думал: кем быть? Не знаю. Много хочется и, в то же время, многое не знаешь, куда толком деться. Старшая сестра уже на тот момент училась в институте, там, тоже она пошла на юриспруденцию.

И. Она вам советовала что-то?

Р. Нет, мы с ней даже не разговаривали. Только вот в детстве посоветовала — говорит, выбирай английский, когда встал вопрос, какой язык учить в школе. В принципе, я бы и сам выбрал, как-то международный был. А вот уже тут, под конец школы, мы с ней как-то, в основном мама говорила — иди, вот, тоже, давай попробуй на юриста. Честно говоря, я потом уже понял: хорошо, что не стал, ну, не мое вот это. Как сказать — для меня это дурдом, не знаю, поймете или нет: я читаю эти бумажки все наши, эти вот, бежит человек, тот же юрист, вот, бумажка с печатью — это документ. А читаешь — да кому он на фиг нужен. Для меня, вот, бумажка — это ровным счетом ничего, ни одна бумажка. Грамотно ли это, я не знаю, паспорт даже — ну что вот это? По сути, да, вот, как все говорят: надо обязательно зарегистрировать брак, жениться официально. Древние египтяне делали как? Переносили вещи

друг к другу. Нравятся — переносят: всё, мы женаты, там, живут, дарят друг другу подарки, — вот, наверное, с них надо брать пример. Меньше как-то вот это, вот, в моем мозгу — ну, психушка какая-то. Печать в паспорте — типа тебя государство зарегистрировало, что ты женат. Кому, кто? Государство — это народ, по сути, да? По сути, государству по фигу. Если ты живешь с женой, там, с девушкой, или девушка с мужчиной, по сути, ты и так женат. Печать — ну, есть она, нет, можно вообще паспорт выкинуть. Ну, равным счетом это ничто для меня. Поэтому вот эта профессия для меня была, во-первых, эти законы написаны абракадаброй. Да, в фильмах можно услышать дело об отобрании ребенка у родителей. Блин, да какая-то психушка просто, вообще, какие-то слова дебилные, всё это: бумаги, бумаги, писанина, писанина. И потом, поначалу я это не осознавал, так, чисто сунул. Вообще, в том же институте...

И. А вы куда, кстати, поступали?

Р. Это был — Современный гуманитарный институт он, там, назывался, сейчас вроде в академию переименовали, вообще, не знаю. На тот момент они как раз получили госаккредитацию — опять же, у меня это мама узнавала всё, для меня всё это пустышка. Я пришел, была способность к языкам, тогда она у меня прослеживалась, я и сейчас знаю 8 языков, как Алиса Селезнева — ну не вот, там, а действительно знаю. Иногда люблю, там, на украинском что-то сказать, на английском, на немецком, на испанском, на японском, ну, какие-то пару слов среди друзей — раз и скажу. В тот момент, да, мне нравился английский язык, прослеживалась способность к языкам, то есть все отличники списывали по английскому у меня с утра. А опять же, мне было лень изучать детский текст в школе, там, The London is the Capital of Britain, поэтому для меня это был всё детский текст. И я, честно говоря, забивал, по-русски говоря. Хотя была англичанка у нас хорошая, часто встречаю, она со стажировкой в Англии, она преподаватель хорошая была. Все изучали первые 10 букв, я уже знал весь алфавит, при том, свой русский — плохо, а английский знал хорошо (улыбается). Вот. В итоге как-то, опять же, в школе я учился похуже, там, на тройки, потому что, ну, мне по фигу были, там, все эти, ну, бумажка будет у тебя, вот сейчас был бы я отличником, и что? Всё равно сидел с мамой. Был бы с институтским образованием (усмехается) — я бы всё равно сидел с мамой, так же приходилось бы крутиться, это не дает равным счетом ничего. Поэтому отличники списывали у меня, получали пятерки, а я получал тройки, в принципе, по всем предметам. Отклонился я от темы. Прослеживалась способность к языкам, и я пришел в институт. Мы подошли с матерью к ректору, к декану, как, я не знаю, к кому, тоже какие-то слова непонятные. В общем, был факультет лингвистики, я вроде хотел на него, прямо, усиленно, и мне это действительно на тот момент нравилось, но у нас, я говорю, нужна побочная профессия: юрист-лингвист, экономист-лингвист — то есть, ну, нет смысла. И вот так, сразу, в этом же институте пошли на юриспруденцию. Но я ходил на курсы, заканчивая 11-й класс, я ходил в институт на курсы, потом как-то поступил, и как-то не пошло, в общем, не закончил триместра, тут уже...

И. То есть вы поступили в институт?

Р. Да, я поступил.

И. Вы начали учиться?

Р. Первый семестр прошел.

И. Вы учились бесплатно?

Р. Нет, тогда было 5000, мы заплатили 5000 за первый семестр, ну, что-то такое, не сказать, что много, но сейчас гораздо дороже. Может, не 5, может, я путаю — в общем, на тот момент было, по-моему, да, что-то такое. На тот момент, как бы, немножко жизнь позволяла учиться. И сначала предполагалось, что я пойду работать, я и сам

хотел, я уже там пытался в 11 классе, в 10-м. Сложно ребенку тогда было подработать несовершеннолетнему. Но я же пытался, там, где-то машину разгрузить, что-то еще, домой принести. И предполагалось, что я пойду работать. Но...

И. Предполагалось кем? Вами или как-то с маминой стороны?

Р. И мной, и мама говорила. Но, как выяснилось, там была такая система, дистанционная, что ли, называется система обучения — в общем, расписания четкого нет. То есть я сегодня вечером учусь, завтра, там, днем какие-то две пары, на следующей неделе — совсем всё по-другому, дни меняются, вечер или утро — ну, работать, ну, как? Даже если грузчиком просто где-то подбежать разгрузить, опять же, ну, никак не попадаю. Мама говорила сначала вроде: потяну, — потом даже поругались по этому поводу, я сначала, — потяну, пока, там, ну, будем что-нибудь придумывать, буду платить. Но в итоге, в общем, по окончании первого семестра как-то так произошло, что, в общем, я понял... Кстати, сестра тоже с первого раза не поступала, в медицинский пошла, но быстро поняла, что все-таки не её, ушла, ну, что-то её там напугало, ушла на юриспруденцию. А я как-то, вот, этот, первый, — мне-то еще армия светила, и поэтому тут получается как раз 17,5 лет, тот, вот этот промежуток пролетает, — и весной я ухожу в армию, в общем. Первый семестр я толком не закончил, можно сказать.

И. А почему вы не закончили, что вам помешало это сделать?

Р. Да как-то понял, видимо, что не мое, и, честно говоря, плохо понимал я как-то, не знаю, может, на тот момент привык к школе, что ли — сложно мне было перестроиться ко всему этому. Не знаю, что повлияло, но, не сказать, что я такой плохо адаптивный человек. И, в принципе, коммуникабельный, то, се.

И. Вам с программой было тяжело справляться?

Р. В чем-то с программой, в чем-то сама эта вся ерунда, по-новому, не как в школе, не знаю, — но и понял, что не мое, уже тогда я понимал это. А уже с возрастом, после армии, я понимаю, что очень здорово, что не пошел. Сейчас был бы еще один юрист. В то время, тем более, расплодили их, — то есть, заканчивая школу, у нас учителя спрашивали: кем будете? Многие отвечали: экономистом, — тоже это учителей бесило: вы что, экономить собрались? В стране — развал на тот момент. А сейчас, вот, да, и Путин у нас, я слышал, кто-то, вот, и правительство — вообще волком воют: типа в то время юристы, экономисты, менеджеры развелись, а сейчас нет рабочих рук, то есть, по-моему, даже сам Путин упоминал недавно. И больше мне, видимо, как бы, я человек гуманитарный, но техник. Так, вот, получается: во мне многое смешалось. Ну, не сказать, что суперталанты какие-то, но многое, то есть я разносторонний, я не могу учиться где-то, в таком, математическом вузе, больше гуманитарные науки. И в то же время техник — в плане того, что физически могу сам залезть починить практически все, что возможно — в бытовых условиях, по крайней мере. И в тоже время с математикой, физикой: физика мне нравится, но в школе я плохо понимал математические все вот эти нюансы. Хотя сейчас, многие физические явления — в быту сталкиваешься, даже как-то задумываешься, интересно. Вот, как-то так. Поэтому в институт не пошел из-за того, что, ну, я бы сейчас, наверное, с ума сошел: бумажки, законы. Юрист — нет, не мое.

И. И дальше вы уходите после первого семестра?

Р. Да, получается, пролетает, там, время, буквально, день рождения — и весна, пошел весенний призыв (смеется) сразу, это у нас быстро делается. Ну, теперь что об этом говорить?

И. И вас забрали в армию?

Р. Да.

И. Понятно. Вот тогда, когда вы решили закончить с юриспруденцией, у вас были какие-то планы, мысли, соображения относительно вашего будущего, чем вы будете заниматься? Чем бы вы хотели заниматься? Помните?

Р. Вот, как ни странно, не было. Меня угнетало то, что надо идти в армию. Откупаться я не стал — да и денег тогда на откуп было много — ну, как у нас многие любят откупаться. Но на тот момент были еще у меня розовые очки: 17–18 летний парень — что армия, да, там. Мне, единственное, изначально было жалко, что 2 года придется время, там... Да, может, это хорошо, это надо — не откупаться, то есть, да, закон не нарушать, да и как-то самому не стремно. Да и не было возможности, может быть. Единственное, не то, что боялся или не хотел идти в армию — даже хотел, — но, единственное, жалко было 2 года времени.

И. А почему вы хотели идти в армию?

Р. Да ну, говорю: молодой был, розовые очки еще немножко были. А когда в армию попал, я понял, что, оказывается, там — дурдом. А когда вернулся с армии, понял, что, оказывается, вся наша жизнь — это армия: круглое носят, квадратное катают, все законы для понта. В принципе, так и есть. Просто я осознал это в армии, видимо. Армия раскрывает глаза на жизнь, на все нюансы, детство кончается, — но я посчитал, что только в армии такой дурдом. А потом я пришел и понял, что вся наша жизнь — в чем-то армия, так устроена. Проблемы, зло какое-то вот, все вот эти дурацкие порядки, законы, в принципе, да.

И. То есть вы два года были в армии?

Р. Да. И на тот момент, вы спросили, уходя в армию — видимо, башка была загружена, вот, то, что в армию уходить как-то всё равно расстройство: уходишь куда-то на два года, и поэтому я не думал тогда об этом. И придя из армии, опять же, ну, не было никаких мыслей, куда идти. Может, тогда внутренне я понимал, что ничего мне это не даст. Ну, закончил бы я после армии еще 5 лет какой-нибудь институт, заплатил бы за него деньги по-любому, скорее всего, — они платные все были. Ну и, вот, что бы я сейчас делал с этим институтом? Просто мучения, лишние выкинутые деньги. Так же бы копал носом землю, как и большинство сейчас. Я не один такой, я не жалуясь, народ сейчас — в большинстве, жизнь тяжелая у всех.

И. Вы с армии пришли, вы устроились на работу? Чем стали заниматься?

Р. Да, первый месяц что-то там подкалымил, там, буквально, по мелочи. Потом устроился на хорошую работу: буквально, через месяца три уже я работал. Я устроился в охрану, в частное охранное предприятие. В принципе, наверное, как все ребята после армии — кто-то, может, всю жизнь связывает с охраной. Нет, я вот устроился на первое время, там тоже мозги съедаются, то есть все тупеют быстро от безделья. Просто на первое время устроился в охрану, попал в бутик, в хороший магазин. То есть не где-то на стройке бухать, как в то время было, а в бутик я ходил, — ну, довольно всё красиво и четко. Почти год проработал я там, сразу начал копить, одежду сам себе купил после армии, телефон первый. Права сделал, отучился на права. Так, где-то развлекались, то, се. И уже через год первую машинешку купил, после прав, сразу. То есть права получил, чуть попозже машину купил. То есть я пытался из такой работы выжать максимум, какой-то старт всё равно был. Потом что-то у меня случилось, там, какое-то время не работал, не помню, что.

И. А почему не работали?

Р. А что-то я ушел отсюда на другую работу вроде как.

И. Помните, на какую?

Р. Ой, я ушел что-то типа продавец-консультант в хороший магазин. На тот момент не было крупных гипермаркетов, это был строительный магазин, довольно, такой — ну, как гастроном, да, грубо говоря, размером. Не как «Леруа Мерлен» сейчас.

И. А почему вы ушли из охранного предприятия?

Р. Я опять говорю, понятно — это не предел мечтаний.

И. То есть вы целенаправленно хотели оттуда уйти?

Р. Да, я уже ушел, потому что, во-первых, ну что, всю жизнь в охране: ну, не скажу, унинительно или что-то, не сказать, что какой-то средний класс. Ну да, в какой-то степени: люди ходят, тебя пинают, кто ты такой, там, охранник стоит, ну, дворник, да. Нет, профессии, конечно, нужны — и дворник, и охранник, но какой-то не предел мечтаний: сидеть разгадывать сканворды, слушать двух продавщиц дурнушек (смеется), работать, там, в магазине тряпок — ну, это не предел мечтаний. Просто я сделал старт после армии, чтобы ни от кого не зависеть, сам заработал, какие-то вещи купил, те же права сделал, то есть это всё нужно.

И. И после этого вы стали искать работу?

Р. Да, я решил как-то, ну, просто уже, что здесь ходишь сутки через два, там, сидишь — ну, не предел. Я думаю, ну пойду. Нашел работу поближе к дому, вдобавок, открывался магазин, буквально пешком можно было пройти. И вроде, там, в обществе работаешь, там, с какими-то сотрудниками, что-то делаешь, даже тупо что-то взял, переставил, расставил — уже занятие, не сканворды гадать сидеть. Ну, потом что-то магазин закрылся, дело не пошло. И вот, после этого что-то, вот, так получилось, что нас уволили.

И. Сколько вы там проработали?

Р. Там что-то я недолго, месяцев, наверное, сейчас скажу — месяца 4, наверное, вот так вот. Сейчас что-то не помню, этот момент вылетел из головы. Ну, и получилось: какой-то период дома посидел, там, как-то вот так вышло. Потом уже не знаю, во многих местах работал, крутился.

И. Ну, в каких, вот? После того, как вы были дома, вы официально куда-то трудоустроивались?

Р. Да, официально, и на этом месте был официально недолго.

И. После этого — куда устроились работать?

Р. Потом работал я, была компания «Салют» у нас.

И. Чем вы там занимались?

Р. В отделе логистики, как бы, поначалу курьером был, это было интересней, чем в охране, всё равно то же: ну, кто там — курьер. Но потом мы там, как сказать... У меня уже личный водитель был (смеется). Ну, как личный. Просто курьеру давали водителя, он с ним ехал. Вот. Потом, там, в отделе логистики, в общем, мы числились. Но «Салют» быстро, — там тоже задержка по зарплате была, и так — копейки, — в общем, уволились, он буквально через пару месяцев закрылся.

И. Вы сами нашли эту работу?

Р. Одноклассник меня позвал — на тот момент сам там работал. Позвал одноклассник, вот. Потом много работал...

И. А с «Салютом» что случилось?

Р. Они, это, зарплату не платили, задерживали. То есть это мы при офисе еще, там нам задерживали. То есть, кто работал в магазинах в рознице, там они вообще по полгода не получали. В общем, всё это надоело, там, с копейки на копейку, — уволился.

И. Сколько вы там проработали?

Р. Сейчас скажу: полгода, месяцев 5, полгода получается, да, с января по май, по конец мая как раз. И в лето я увольняюсь, буквально, как ни странно, пришел за зарплатой, обратно звали — в принципе, как и на предыдущих работах. Потому что, когда я работал тогда в этом, в охранном — ну, ценятся все, кто молодой, не пьет, не дебошир, не ворует. Кто-то пришел, что-то на работе украл, напился. Поэтому меня всегда звали обратно, и тут тоже звали. Но я говорю: нет, и тут месяца через 3, буквально,

к Новому году они закрылись, потом я узнал, — потому что непонятно, как компания работала себе в убыток, ну, история умалчивает. Потом много работал без трудовой, потом с трудовой.

И. После «Салюта» чем занимались?

Р. После «Салюта» я устроился, что-то подкинули. Не мог долго найти работу — бывает, попадешь на такой период: ну, ничего нельзя найти, даже грузчиком. Товарищ подкинул тоже, там, буквально: развозили воду, эти 20-литровые бутылки, недели три я там проработал. Ну, буквально, человека заменял, но это неимоверно тяжело, и копейки, плюс ты еще должен и машину чинить на морозе эту развалившуюся. Ну, как — любой начальник хочет большего: меньше вкладывать, больше получать. Вот, там подкалымил. И, буквально через несколько месяцев, там, летом, меня позвал тоже товарищ на хорошую, там, работу. Ну, не сказать, что там что-то шикарное, но получал я там много, были большие бонусы, хорошая зарплата. Но я работал без выходных, без проходных. И сначала — за товароведа, за начальника склада, потом в итоге продавцом стал на этом же складе и еще в офисе хакером помогал, в компьютеры там все вбивать, — то есть за троих работал, но там хотя бы были стабильно деньги, и были бонусы, калымы, то есть довольно, прямо, большая зарплата на тот момент. Жалею, что начал поздно путешествовать.

И. А что произошло, подождите?

Р. А, оттуда я ушел, потому что ушел товарищ. А во-вторых, директор стал что-то, непонятно, какие-то дела нелегальные вести. Не то что нелегально, а, в общем, обманывать, подставлять своих же: попадаешь в кабалу. Если, там, мягко говоря, маргинальные грузчики выпьют с утра, им пофиг — копейку платят, они 100 лет и будут работать. А мне это, как бы, не надо было. Думаю: так подставляют — ну что, всю жизнь ему отработывать, что ли? Вот, и спокойненько отказался, ушел.

И. Вы уходите. Там вы сколько проработали?

Р. Ой, тоже почти полгода, сейчас скажу, 4 месяца, 4,5. Так, ноябрь, да: ну, где-то 4–5 месяцев без выходных, без проходных я работал вообще, то есть каждый день. С одной стороны, хорошо, больше заработал. И вот, в тот момент как раз надо было немножко... Тормознули. Надо было немножко свою планку поднять, задуматься о путешествиях, о заграничах, посмотреть мир. Я как бы всегда об этом мечтал, но не думал, что вот это... Учась в школе — сказали бы мне, что я... Про древний Египет изучали по истории — я даже не представлял, что окажусь в Египте. В то время таких мыслей не было, а вот уже в более поздние года, конец 2000-х, когда я начал — только успел пару раз в Египте побывать, теперь такая ситуация с мамой. Поэтому, даже если Египет сейчас откроют, мне всё равно не светит, то есть я вырваться не могу.

А надо было в тот момент, у меня что-то более приземленные мечты были, машинешка, там, была, какие-то вещи тоже, так, где-то развлечься, в аквапарк сходить, не знаю, съездить, еще куда-то. Поэтому, вот, мало успел мир посмотреть. Но, тем не менее, городов я много видел, и наших, и Шарм-эль-Шейх, и Марсалан египетские, Хургаду, там, потому что мы просто приземлялись в аэропорт Хургады, оттуда ехали в Марсалан. А по стране — так с детства: были родственники в Питере, в Ленинграде был, ездили. В Ленинграде был, правда, в 89-ом, наверное, последний раз. Новокуйбышевск, Самара, понятно, я не беру, Тольятти, Москва — то есть часто ездили к маме на родину в Архангельск через Москву на поезде. Когда перестали летать на самолете, то есть в 90-х, вот, эта была проблема, — мы стали ездить на поезде: как бы, получается, через Москву — на северное направление. Пока бежишь с вокзала на вокзал, смотришь Москву (смеется). Так, ездили по Москве: Красная площадь, было время между поездов — смотрели. Ездил в Свердловск, там,

к друзьям — но это уже тоже давно было, лет 5 назад, — познакомились в Египте. Много городов посмотрел — там, Ульяновск. Когда разговариваешь с людьми — многие вообще дальше Самары никуда и не выезжали. То есть, в принципе, на этой ноте, тем не менее, жалко, что мало успел.

Я смотрю не на тех, кто меньше меня, а на тех, кто больше. То есть: есть знакомые, есть одноклассник, хорошо, вот, сейчас раскрутилась сестра — она может себе позволить мир посмотреть, гораздо, там, дальние страны красивые, и больше возможностей — ей это легче. Поэтому я стараюсь всегда ориентироваться на них, и я всегда, вот, хожу, — есть у меня, наверное, недостаток, не знаю, мне об этом тоже советует товарищ, с которым мы на велосипеде катаемся, — я смотрю всегда выше, думаю: вот, люди молодцы. То есть я не то что завидую им — да, завидую белой завистью, ничего такого.

И. Сравниваете?

Р. Да, сравниваю, почему, вот, я — не как они? Почему я — более низкие люди? А мне сосед, вот, тоже, ну и многие говорят: ну ладно, что ты? Мы, вон, в парк ходим иногда, там, белок покормить, а люди и этого не видят. А я не могу смотреть всегда, я всегда планку, не знаю — как у нас директор школы говорила на выпускном, — может, действительно, надо всегда планку закидывать выше и стремиться к этому. Поэтому я не могу, вот, ориентироваться: вот, кто-то ниже, просидел всю жизнь в Самаре, ничего не видел — и я думаю, о, я круче, — я не радуюсь. Я, наоборот, расстраиваюсь, что я не те, кто выше. Может, поэтому мне еще так грустно, особенно последние годы.

И. Дмитрий, давайте к вашей работе опять немножко вернемся. Вы закончили работать на вашем последнем месте работы, о котором рассказали мне, с которого вы ушли по понятным причинам, что было дальше с вашей трудовой деятельностью? Что вы делали?

Р. А дальше, с того времени как-то всё понеслось, что-то я не помню.

И. Вы проработали 4 месяца там, и дальше куда вы?

Р. А, потом еще нашел хорошую, так сказать, неофициальную работу, фактически официально мало работал, да не думаю, что это страшно. Работал я на стоянке, еще где-то. Ну, честно говоря, на тот момент я понял, что мне всё равно, где, лишь бы, уже хотелось работать не то чтобы попроще, а спокойней, где тебя никто не трогает, не надо писать бумажки, что-то бегать. То есть для меня всегда была проблема, даже при увольнении с официальной работы: надо бежать с этим бегунком в отдел АХО, в бухгалтерию, ставить печать. Зачем мне всё это? Меня всегда это напрягало как-то очень сильно (улыбается). Там, в трудовой что-то отметить. И на тот момент я после... Так, где-то я еще работал? Работал на окнах с товарищем неофициально, это, буквально, был как калым. Довольно на тот момент мне помогло. Потом устроился на стоянку на небольшую — товарищ позвал: она в таком тихом месте находилась, что, как бы, в принципе, тихонько сидишь, деньги получаешь. И было, не то что я ленивый, не хочу ничего делать, — я люблю и руками работать, и вообще, — но как бы хотелось просто, чтобы тихонько, никто тебя не трогает, не нервничать. И там довольно получалась хорошая денежка. То есть бывает тяжело, вроде и зарплата большая, пока от зарплаты до зарплаты живешь, тяжело распределить. А тут получалось так, что какая-то денежка капает небольшая, и каждый день идет денежка, даже получалось что-то купить, допустим, что-то за 2000 пойти купить. DVD я помню, да, в этот момент, то есть, буквально: накопил за несколько, пошел, купил. Как-то было просто, что ли, легче: и всё время при деньгах, и домой всегда несешь фрукты, там, продукты. Ну, что-то, ну, как-то так. А потом там закрылась эта стоянка.

И. Так. И что было дальше? Сколько вы там побыли?

Р. Наверное, год, потом я что-то ушел, я устраивался в авиакомпанию, как ни странно (улыбается), всё-таки, немножко мечты у меня...

И. На стоянке вы год проработали?

Р. Да.

И. Дальше? Она закрылась? Вы ушли до того, как она закрылась?

Р. Она, получается, как — я ушел, товарищу говорю: слушай, тут появилась такая, эта, реклама, слышал — проходил отбор в компанию ЮтЭйр, набор проводников. Как бы мне уже, наверное, было поздно учиться на пилота — опять же, не уверен, потяну, не потяну (смеется). Но, хотя, там, наверное, ничего сложного — всё автоматически сейчас. Дело в том, что, думаю, что уже предлагает на данный момент, вот, такая реклама — набор бортпроводников. Но, как оказалось, там что-то такие несусветные правила. Я прошел отбор, из 600 человек отобрали, из 400 человек отобрали 60 человек, все были радостные, то есть, ну, в принципе, там, как, я не знаю, как они отбирали. Там сидел такой довольно взрослый, старый такой, по лычкам — командир корабля, может, уже, там, на пенсии, я не знаю. Он только спросил: служил? Я говорю: да, в Волгограде. В принципе, всё. Меня отобрали. Но, когда мы приехали в учебный центр аэропорта, там через какое-то время назначили — и там-то нас всех 60 человек и приземлили (смеется), — получается, как: комиссия там такого наговорила — то-то-то, девушкам не краситься, не мазаться, ни каблучков, ни серег, ни колец, — это меня не касается, понятно. Там, будете летать так-то, дома почти не будете. И, самое главное, они там сказали: вот, обучение, будете обучаться две недели, где-то там, в Казани, или где-то тут, или в Уфе, что-то такое, в Уфимском филиале ЮтЭйр. В итоге, получается, как: там такого наговорили. А тут майские праздники. Мы пришли, буквально, 2–3 мая, и они нам дают 3 дня на проход, там, всех врачей — всех пробежать. Сразу подкидывают: вот вам платные врачи, типа с ними быстрее. Но, если вы пройдете комиссию, то будет еще комиссия, это в ЛЭК, и если наши врачи вас не пропустят строгие, так что так и так вы не пройдете. И даже если вы в ЛЭК пройдете, две недели вы обучаетесь: чуть что, какой косяк — вас отчисляют (улыбается), и 20 тысяч выплатите, затраченные на вас компанией. То есть такой бред наговорили, я потом встретил одну девушку случайно, как-то так познакомились: как выяснилось, она тоже там была, прошла комиссию, но почему-то её все равно там завернули, ей тоже не понравилось. Какие-то, вообще, накрутили, даже не реально, даже если это всё в одном месте делать, — праздники, столько там врачей, и все сразу. Как я потом выяснил, на воздушно-летную комиссию, после всех врачей, на их комиссию пришло уже не 60, а 30 человек. То есть кто-то на деле учился (улыбается), кто-то двое, там. Может, они специально это наговорили, чтобы отпугнуть. Но, как бы, люди-то слушают, что им говорят. Я в расстройстве приехал из аэропорта домой, изматерился, думаю... А я уже в предвкушении был, что я летаю хоть каким-то боком, мне это с детства нравилось.

Ну, как обычно, понервничав, всё приняв на сердце, попсиховав, думаю: ну ладно. Звоню товарищу, говорю: слушай, ну, я тут погорячился, ушел, ему объяснил, ну, такая история, какую-то фигню накрутили, ну, нереально просто сделать физически, даже не в деньгах дело, а физически. Говорю: давай, что, пока работы нет — давай обратно, тем более лето, я говорю — там, на стоянке поработаю. И какое-то время еще проработал на стоянке, стало затишье: там небольшая стояночка, мало машин. Ну и там зимой что-то совсем, и потом я ухожу, и, буквально, слушай, там реально заработка не стало — буквально, 3 машины приедут. Ну и мы с товарищем уже, и он ушел, мы оба ушли. Я потом, буквально, через несколько месяцев смотрю — закрыли эту стоянку, в общем, как-то там убрали всё: будку, забор. Мимо проезжал.

Вот, как-то так. Ну, а потом с мамой как-то подрабатывал на выборах. То есть я всегда любил работать, было время...

И. То есть дальше, после стоянки, вы никуда не пошли, не стали искать работу?

Р. Нет, нет, не вышло. Было много калымов, мне было на тот момент...

И. Где калымили?

Р. Вот, мне было всё равно. Был момент, как раз со стоянкой, я еще работал на ней, тут мама у меня устроилась на выборы, она любила это дело. Ну, на пенсии, понятно. Она подрабатывала в ближайшей же школе — на выборах, там, перепись населения.

И. Сколько вам лет было, когда вы работали на стоянке?

Р. Сейчас скажу — получается, 26–27, где-то так. 26, наверное. И в тот момент, получается, я вечером — на стоянку бегу, еду, днем — там, какую-то там агитмакулатуру разношу, вот эту, депутатскую, так сказать, по выборам что-то там: какие-то списки, опросы. Даже на перепись сунулся, но там не успевал. Короче говоря, мама там за меня поработала (смеется), вот, крутился. Я как раз хотел, вот, ехать в Египет к дню рождения, поэтому я, вот, по осени разрывался во все стороны, лишь бы работать. То есть не сказать, что я не люблю работать. Я такой человек — мне проще без всяких бумажек, без всего. Да, может, с бумажкой проще, не обманут — да, как бы, у нас и с договорами обманывают. Но мне проще — никаких: сделал работу, получил, убежал. И быстро, и четко, и без лишнего, для меня это — мозги не напрягать.

И. Вот вы поработали на выборах. Дальше, еще — какие калымы были у вас?

Р. Да я уже не помню, так, по мелочи. А потом, вот, всё — мама слегла у меня.

И. То есть потом у мамы случается инсульт?

Р. Да.

И. Сколько вам лет было, когда это произошло с мамой?

Р. Сколько получается? 28. Какой 28? 27.

И. Маме на тот момент — сколько лет?

Р. Так, ей сейчас 65 — было, значит, 62.

И. То есть мама была на пенсии уже?

Р. Что-то у меня сейчас сложно с цифрами. Да, она вышла на пенсию, подрабатывала на пенсии на выборах, в железнодорожном общежитии подрабатывала, вахтер или что-то, недолго. В основном так вот, небольшие калымы собирала, в основном дома сидела. И вот так вот выборы там, у нее всякие там бабули есть знакомые, подруги, где-то с ними она что-то, какие-то там в организациях всяких ветеранских, что-то я не вникал, честно говоря, не особо тогда с ней разговаривал. Просто сказала на выборы пойти, я говорю — давай, для кучи. Ну и вот, как-то так. И получается, я еду в Египет на день рождения, а в конце года мне мама устраивает вот такую штуку, а с тех времен я... А сейчас уже и деваться некуда. Официально было две работы на тот момент у меня. Вот, благодаря одной...

И. То есть после того, как вы с мамой на выборах поработали, у вас было еще две работы?

Р. Да, мне друг, опять же, подкинул хорошую работу в рекламном агентстве.

И. Чем вы там занимались?

Р. Там распространение рекламы, то есть я сначала водителем просто пришел: мне друг подкинул — берешь рекламу и курьеру везешь. Потом получилось так, что я говорю: а что, я буду помогать. Что я буду сидеть? Потом получилось так, что я один стал работать. И потом меня притянули: слушай, ну, ты, говорят, нормально, — в общем, я стал там в офисе сидеть. Не бог весть какой офис, ну, попроще мне стало, конечно, там. Ну, что-то иногда возить или, там, что-то такое, где-то в офисе с менеджером сидеть — когда как, в общем, по-разному. Там я работал неофициально, хотя довольно долго. Там, как бы, работа была не постоянно: то есть, допустим, неделя

через месяц, или, там, неделя через неделю, довольно часто, больших перерывов не было — бывало, там, на месяц, смотря какой заказ. И я фактически потом, под конец, я уже стал в офисе, как бы, постоянно там находиться. Где-то появляется — еду, калымлю, сам, там, что-то разношу. И что-то мне еще на тот момент подкинули.

А, вот, такая ситуация сложилась, благодаря этой работе-то я и попал еще раз в Свердловск, можно сказать, за счет работы. То есть я соединил приятное с полезным. Надо было там что-то отвезти, и буквально на три дня. Ну, я остался там, в общем, просто мне билеты оплатили, я просто взял на него не через 3 дня, а взял через 10 дней (смеется). И остался там: друзья, познакомились мы в Египте. Вот, говорил, поехал, заодно приятное с полезным сделал. А тут вот мама совершила, как будто специально ждала, совершила вот такую штуку. Я уже вернулся тут. Соседи, там, сестра вроде что-то: нашли её, открыли, а она — оказывается, она с инсультом провалялась день. А у меня получалось, что я... Ну, в общем, как сказать, сразу приехать не могу, уже билет куплен, а и смысла нет, буквально, там, то есть менять билет: на завтра билета нет, а послезавтра я сам уезжаю уже, у меня билет есть. Я уже потерпел 2 дня там, весь в горе, уже ни до чего, не до друзей, там. Вот сейчас, по скайпу, обещаются в гости, может, приедут, ребята есть. Вот, вернулся домой, там, из больницы её потом уже забрал — и вот, три года уже почти с ней кувыркаюсь, так скажем.

И. На что вы живете сейчас? Чем вы занимаетесь? У мамы есть пенсия какая-то?

Р. Пенсия-то да, есть, я оформил, но пенсия — знаете, её смешно трогать (улыбается). За квартиру плачу 3,5 тысячи с пенсии, вот. А так, где-то, вот, я автоэлектрикой подрабатываю, в компьютере — опять же, говорю, мне подкидывают.

И. А где вы автоэлектрикой подрабатываете?

Р. Есть, это, товарищ в сервисе — ну, такой сервис, мелкий, шабашка: там, кто приезжает, что-нибудь попросит, можешь прийти, что-то сделать, — то есть иногда зовет. Или просто друзья, кто знает: кому сигнализацию поставить, кому что. Сосед, буквально: машину купил, в сервисе дорого — я подешевле делаю, там, естественно, в два раза. Ну, еще что-то по мелочи, в компьютере много сейчас: сестра одноклассника подкидывает мне, как сказать, то какие-нибудь документы, то еще что-нибудь, ну, разное, вот так вот. Ну, кручусь, верчусь.

И. Какие-то планы у вас есть? Какие-то планы сейчас, как-то дальше строить свою жизнь?

Р. Да вы знаете, планы сейчас нет смысла строить, они как рухнули... Да, я пытался еще работать на работе на той, — сейчас она тоже закрылась, потом я узнал, — в рекламном агентстве, но там нагрузка большая, приходилось много бегать иногда. То есть и ты домой приходишь выжатый, а плюс мама первое время вообще плохо себя чувствовала: какие-то там, то упадет, то что-то — ну, сами понимаете. То есть звонят соседи: приди, а я просто разрываюсь. Ну, тяжело стало. Пришлось. Ну и закрылось это агентство, тоже они так, тяжело работали, так что так я дома и осел — то есть вынужденно.

Может, я и работал бы, но вынужден был — и осел. И планы сейчас строить мне, вы знаете... Вот хочу в космос полететь — ну вот, как (улыбается)? Я к дому привязан. Построил план: завтра лечу, — а что толку-то их строить, они невыполнимы. То есть, я говорю, если Египет завтра откроют (улыбается), всё равно не светит. Нанимать сиделку — это дорого. И, сами понимаете, сиделка не может быть с ней вечно. Слушай что, тыфу-тыфу, опять что-то происходит, мне звонят: несись домой, а я — как вот? Представляете — я сижу, уехал отдыхать, ну, в тот же Египет, мне звонят: так и так, с мамой ЧП, приезжай, — а я куда дернусь? Чужой человек не будет. Есть мама одноклассника, они, как бы, через это прошли, там немножко другая история была,

они прошли через это: у них отец долго лежал, вообще 15 лет. Она говорит: если что, обращайся, ну, так, зайти, помочь. Может, куда-нибудь поедешь, ну, мало ли, отдохнуть. Ну, как бы, напрягать чужих всё равно я не хочу людей. И, да, опять же, мало ли что, как бы... Убирать и варить, готовить, тем более, она сама в возрасте. А особо помощников, ну, нанять сиделку... Предлагали мне соцсиделку, буквально, там, ну, она приходит на 2 часа в день. И опять же, случись чего — опять меня нет. Мне проще самому.

И. Дмитрий, сейчас вас устраивают ваши жилищные условия?

Р. Да, ну, как сказать... В принципе, мне бы этой двушки хватило, но если бы я был один, ну, со своей семьей. А сейчас я, получается, с мамой. Понятное дело, мать не обуза, но, как бы, мать — мать, но все равно обуза: я привязан. Так-то она в одной комнате, я в другой — слава богу, у нас двухкомнатная. Так бы, хотелось уже поновее, дом резко состарился, дом чуть постарше меня, за последние 10 лет — вообще как-то стал, ну, немножко хотелось бы поновее. Но, знаете, если сейчас какая-то возможность появится свободы, деньги — лучше я больше ошибаться так не буду, как, вот, в молодости, да: лучше мир посмотреть, что-то купить, достичь, уже себе в удовольствии, ну, по возможности, создать семью, но это сейчас уже, по-моему, тоже так сложно все.

И. Почему? Вы не были женаты?

Р. Нет, не успел.

И. А какой-то был у вас опыт неофициального брака?

Р. Нет, так встречались, но неофициально не жили никогда, гражданским браком не жили. Я, как бы, тут... Вот тут я не тупил (смеется), я стал учиться на более старших ребятах, что ли, на других — как бы, тут я стал учиться на чужих ошибках. Иногда шучу, говорю: не прошел, это надо пройти (улыбается). Может, уже и не стоит — больше 30-ти такая шутка есть: больше не флиртуешь, а больше фильтруешь (смеется). Сейчас больше к 30, вот сейчас 30, последние годы больше как-то — да не сказать, что охота, плюс еще как-то с мамой привязан, ну что — ну, сложно это. И как-то не попадались хорошие, говорю.

И. Вы планируете создавать семью вообще?

Р. Ну, хотелось бы. С другой стороны, много факторов играет, в плане того, что наша жизнь — такая... То есть иногда смотришь, думаешь: вот, рожать в этом мире детей — да ну, на фиг, только на мучения ребенка, как сказать, подвергать на мучения. Жизнь сложная сейчас, вот эта политическая обстановка. Да, все говорят, надо рожать детей для себя, но это мы думаем, что для себя, а в итоге мы рожаем, извиняюсь, очередного раба системы вот этой, то есть он будет так же жить, его будут доить, — как вот мы сейчас: по сути, мы живем в рабстве. Вот эта политическая обстановка, нам говорят, что мы свободны, но мы на самом деле не свободны. Ну, к примеру, взять налог на собственность — пойдешь заплати: кому, за что я должен заплатить? Я купил эту квартиру, и ты еще должен платить каждый год, сейчас еще баснословные деньги. Это тупо, я не знаю (усмехается). Можно раба, — вот, раньше было рабство, — взял себе: ты мой раб, паши на меня. Тут фактически то же самое, только по-современному. Плюс обстановка: всё делается только на бумажках пресловутых, всё делается, по телевизору красиво говорят, то есть я уже выкину скоро телевизор в окно уже, я уже и так его не включаю. По телевизору говорят, эти пафосные речи толкают: вот, у нас спорт развивается, то, се. А что вы развиваете? Куда ни плюнь, если стоит какое-то заведение, то оно дорогущее. Повыкорчевывали советские турники из дворов, поставили вот эту фигню для трехлетних детей. Там даже и трехлетние, там всё компактно, там что-то турничок, на котором ничего и не делаешь, все хлипенько, а подойдет взрослый подросток 15–20 лет, захочет — ничего

не сделаешь. Крутанулся, подтянулся, а там — ничего. А идти куда-то в спортзал, дышать, там, в лесу, на улице, на свежем воздухе, и в спортзале — всё равно разница. Во-вторых, всё это платно и не всем доступно. А на деле наши все системы на каждом углу кричат, по телевизору: мы развиваем спорт, то, се, у нас всё доступно. Ну что доступно? Образование — поганое бесплатное, оно у нас еще и платное, оказывается.

И. Дмитрий, вы довольны своим уровнем образования на сегодняшний момент?

Р. Да вы знаете, я такой человек, что да, может, среднее стоило получить, вот я его получил. Но я видите, опять же, почему плохо учился, говорю: я больше способен к самообразованию. То есть, вот, английский я сейчас знаю в десятки, в сотни раз лучше, чем в школе. Хотя в школе он мне нравился, но учитель что-то, вот, говорит: сделай, запомни, — я не воспринимаю. Если мне что-то понадобилось, я это запомню раз и навсегда на всю жизнь. Благодаря интернету это всё стало проще, быстро можно найти, проще, я даже всех учу, водят, там, детей на английский, там, сами ходят на курсы. Что на курсы? Сел в интернете — учи. Переводчики, сколько всего, все быстро. То есть я способен больше к самообразованию, и, в плане чему-то научиться, где-то что-то не могу, могу спросить. Мне сказали — всё, на всю жизнь запомнил. Некоторые вещи не даются, какие-то сложные, ну никак, не всё дано, как говорится, не всем. Что дано — я очень быстро, поэтому образование я никогда не считал, как мне кто-то сказал, — это не критерий. А во-вторых, опять же, вот сейчас какое бы образование у меня бы ни было, жизнь бы у меня была такая. Говорят, судьбу делаем мы, но не всегда. То есть, ну, вот, я сейчас — что тут сделаю?

И. Дмитрий, а вот, сколько сейчас зарабатываете?

Р. А у меня же нет стабильного заработка, когда как. Бывает в месяц — то, се, там крутанешься, сям — бывает, 15 тысяч заработаешь, 10 заработаешь. Но не сказать, что шикарно живу, потому что коммуналка, всё это, там. То есть мамина пенсия маленькая, государство мне дает за уход за инвалидом еще тысячу, ну, там, может, сейчас побольше, но всё равно это всё копейки, то есть прибавка к пенсии. Но я стараюсь её не трогать, вот, она у мамы лежит на черный день, как говорится. Пытаюсь крутиться. То есть, вот, когда как, месяц от месяца не приходится. Ем, маме всё вроде покупаю, удается: там, таблетки, всё, едим хорошо (смеется), вроде и ладно, то есть вот так.

И. Представления есть какие-то у вас о вашей жизни лет через 5–10?

Р. Вы знаете, вообще нету, потому что я не знаю, что будет через 5 лет, может, я так же буду с мамой сидеть, потому что, ну, куда деваться? Даже если я где-то смогу работать, все спрашивают: как ты живешь, сколько зарабатываешь? Я говорю: а мне — зачем деньги (улыбается)? Дома сидеть в банку складывать? Если бы я их зарабатывал, там, много — путешествовать, туда-сюда, — а мне они сейчас на что? Да и фактически, знаете, такой возраст, ничем не удивишь, ничего не надо: раз что-то хочешь купить, думаешь, а зачем, да ладно. И вот, через 5 лет хотелось бы, чтобы что-то изменилось, может, там, мама поправится, может, ну как-то, я не знаю...

И. А что бы хотелось, чтобы у вас было?

Р. Хотелось бы, конечно, да, мечты есть, они всегда в хорошую сторону. Хотелось бы, чтобы через 5 лет я, наконец, мог путешествовать, завести, там, семью, хотя бы жену, чтобы с ней где-то проехаться, может, чуть попозже. Насчет детей уже не знаю — наверное, старый буду. А во-вторых, жалко мне детей в наш мир приводить, ну, е-мое... То есть мне просто неохота брать на сердце еще одно глобальное переживание, трястись за жену, чтобы никто не убил в темное время суток, трястись за ребенка, и кто из него вырастет, в этом мире ему жить предстоит. А так, конечно, хотелось бы, хорошую собаку, люблю немецкую овчарку, вообще, животных люблю. Жена, ребенок, там, — да хрен с ней с машиной уже даже — катится и катится. Домик, там, или

хорошая квартира. Да, как в идеале у всех, я представляю, но это только в кино, наверное, сейчас.

И. Дмитрий, расскажите, у вас есть какие-то, вот, сожаления, может быть, об упущенных возможностях? Что-то было, что вы смотрите сейчас, оглядываетесь и говорите — да, здесь, вот, я упустил, надо было делать так или вот так. Что-то такое есть, о чем вы можете пожалеть?

Р. Было, есть, да. Вот, я говорю, опять же: поздно начал, немножко иногда отстаю, мне бы раньше начать путешествовать, глядишь, я бы успел больше мир посмотреть, — это большое, да.

И. Кроме путешествий есть еще что-то?

Р. Упущено то, что эти последние годы пронеслись очень быстро, а яркого-то особо, вот, ничего не было, кроме Египта. Да, может быть, чуть раньше надо было семьей заняться. С другой стороны, сейчас я был бы с женой и с мамой, разрывался. Ну, может быть, и было бы всё по-другому. С другой стороны, если бы по молодости — знаете, как сейчас: в 20 лет все женились, через год ребенка родили, и ничего не надо, — на фиг такая жизнь муравьиная, я же не муравей. Это они — выросли, потомство принесли, умерли. Мы же, всё-таки, люди: надо что-то в мире, не то что даже оставить после себя, а прожить как бы. Не вот — вырос, школу закончил, ребенка родил, работа, работа, и всё... Мои ровесники уже просто устали, им ничего не надо: работа, дом, работа, дом. Им ничего не надо.

И опять же, своего ребенка — в этот круг, где ценности «Макдональдс», е-мое. У нас в 90-х были ценности — я не знаю, у маленьких, когда были маленькие, — классная жвачка. Это было как-то, ну, действительно, что-то. А сейчас у них ценности — «Икеа», «Макдональдс» какие-то там, купить технику никому не нужную, какие-то лейблы, которые китайцы пишут, ааа, там, — так все деградировало, то есть. Ценности нам когда-то в какой-то момент, видимо, в 90-е это все началось, — нам подменили все ценности. И сейчас — не то что занижены они — вообще, очень... У людей нет ценности жизни, ценности истории, там. Ровесники мне говорят: а зачем тебе это знать, на фиг тебе знать украинский язык, на фиг тебе знать, что там было в 45-м году? Ну, люди не хотят знать свою историю, это плохо.

И. Что значит хорошо прожить жизнь для вас?

Р. Насыщенно, красиво.

И. Что значит насыщенно?

Р. Насыщенно — чтобы в жизни было много хороших моментов, интересных. Плохого, конечно, не надо, но без этого никуда. То есть, опять же, чтобы много путешествий, много каких-то событий, много дел, то есть много достижений, — я никогда не мечтал, там, о золотых горах, пятиэтажные коттеджи, зачем мне?

И.: Хорошо, Дмитрий, спасибо за интервью.

Социальное пространство отдыха (российское Черноморье): палеоэтнографические этюды¹

DOI: 10.19181/inter.2018.15.8

Олег Оберемко*

Введение

«Социальное пространство отдыха (российское Черноморье)» — так называлась студенческая исследовательская экспедиция, проходившая 30 сентября — 9 октября 2017 г. в бухте Инал Краснодарского края в рамках программы НИУ ВШЭ «Открываем Россию заново». Участвовали студенты-социологи, успевшие на первом курсе бакалавриата пройти общеобразовательные и умеренно «втягивающие» в профессию дисциплины.

Дидактически экспедиция ориентировалась на методику сбора и анализа данных: упор делался не на «что исследовать», а на «как исследовать», и как самим провести исследование полного цикла. Каждому надлежало выбрать интересную для себя тему в рамках *социального пространства курорта* — пространства, где люди взаимодействуют исключительно как социальные субъекты. И, по желанию, предлагалось кооперироваться в «тройки» или «двойки» для исследования одной или близких тем. И пусть ничтошеньки интересного *urbi et orbi* не найдем, зато освоим метод и познаем себя.

Конечно, в предложении «выбрать интересную тему» можно увидеть подвох в виде ограничений места и времени. Бухта Инал — средоточие баз отдыха; поселок с местными жителями есть, но, из-за ничтожных размеров и расположения, его совсем не видно: в нем *совсем* нет публичного пространства, отдельного от зоны пляжа. Среди провайдеров жилья преобладают базы отдыха советского образца — с «домиками» коттеджного и барачного типов с разными конфигурациями удобств — нехитрых для городской жизни, но требующих изошренной заботы в жизни спартанской. За 30 лет базы не единожды успели сменить формы собственности и собственников; были и ремонты, и даже точечные стройки, но общая организация *социального пространства отдыха*, его функций (где, как и чем могут заниматься отдыхающие) и дискурсов (что, кому и кем может быть *сказано-сделано*) существенных изменений не претерпела. Появились некоторые признаки расслоения в виде мест премиум-класса — на фоне остальных мест для *проживания*. Однако минимальное или, скорее, точечное расслоение не слишком усложнило жизнь курорта — разделение его труда и быта. Так что разнообразие репертуара *интересных тем* исподволь, но жестко ограничивалось данным в ощущении бытием-бытом.

¹ В данном материале каждый раздел имеет свое авторство. В подготовке статьи принимали участие следующие студенты департамента социологии НИУ ВШЭ: Воробьева Марья, Громова Анастасия, Крапчинова Полина, Леонтьева Арина, Матанцева Дарья, Новокрещенов Максим, Парфенова Ангелина, Пермякова Валентина, Покидова Татьяна, Розенфельд Наталья, Ромашова Софья, Сулейманова Анна, Шепетина Ксения.

* Оберемко Олег, кандидат социологических наук, доцент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». ooberemko@hse.ru.

Два основных метода сбора данных — наблюдение и интервью — нам были в помощь. Наблюдение намеренно отличалось от *глазения* и засчитывалось только при наличии *протокола* и приложенных к нему черновиков; мемуарные фрагменты (записи, сделанные после наблюдения по памяти) рекомендовалось строго отделять от фрагментов собственно наблюдения. Короткие интервью писались либо на телефон, либо вручную, либо (а что было делать?) — мемуаром. Также настоятельно рекомендовалось вести дневник: о делах и думах — по поводу дел и без дела.

В игре в этнографию, в баловстве этнографией — главный смысл экспедиции. В первый рабочий день так и было сказано: что мы тут с вами будем делать? — баловаться! Делать научное исследование весело, но сосредоточенно; пробуя, шая — но всерьез! В рабочие дни обязательно собирались на семинар — утром или вечером, иногда и утром, и вечером: чтобы сохранить творческий заряд, чтобы обменяться находками, послушать других и себя, послушать, как другие слушают тебя и слушают себя. И пережить, что бывает, что *не* слушают ни тебя, ни себя и никого, а бывает, что спорят, критикуют, помогая, а в молчании — уклоняются. (Да, такие простые задачи. А что вы хотите? За плечами только первый курс. И, пожалуй, главная дифференциация — по способности очароваться той экспедицией, куда «вляпались», не подозревая и не предвидя, в духе «сама (сам) обманываться рада (рад)!».)

А после семинара всем надо разбредаться. Чтобы почувствовать себя в поле. Из которого по желанию быстро не выйдешь, потому что далеко забрался, а обратной дороги — как бы и нет. Она есть, но только через 10, 9, 8 и т. п. дней. И важно было наесться этим полем и слегка переесть его даже. И почувствовать на собственном опыте: без *любопытства* (что это и откуда оно берется?) «а чоита вы тут делаете?» исследования не сделать, никакого — даже самого простого, даже его фрагмента и кусочка. И надсадный кураж любопытства не заменит, а даст только искусственную ажитацию, которая сдуется при первой же трудности.

Что может помешать любопытству к тому, что происходит *здесь и сейчас*? Конечно, современные средства связи — когда можно позвонить, например, маме и поплакаться. И если условная мама помогает принизить *принудительность реальности* экспедиции, нескончаемости поля и нехитрости быта, тогда — пиши пропало: в любопытство себя мобилизовать трудно, невозможно. Поэтому, дорогие (например) мамы! Когда ваши первокурсники едут в экспедицию для исследования, пожалуйста, беспощадно «заземляйте» своих чад на любопытство к тому, что у них происходит *здесь и сейчас*. Иначе маленькая жизнь экспедиции (маленькая жизнь всякого исследования) пойдет прахом.

Потому что в экспедиции, как и в жизни, можно планировать одно, а выйдет непременно другое. За два дня до дня заезда пляжи и базы опустели, потому что дневная температура воздуха упала с 28 до 13 градусов, причем холод пришел с моря, так что и температура воды резко упала. Одновременно закрылись магазины, ларьки, палатки. Остались только считанные люди из персонала, редкие не заметившие перепада отдыхающие и мы — экспедиция по изучению социального пространства отдыха, в котором от отдыхающих остались лишь разметка да продукты жизнедеятельности.

Поэтому и получились палеоэтнографические этюды. «Этюды» — потому что тексты намеренно учебные, «этнографические» — потому что основным методом было участвующее открытое наблюдение, «палео» — потому что, в основном, по «останкам».

В этюдах осваивались два основных правила. Во-первых, каждый вывод и каждая интерпретация непременно должны вырастать из данных, поэтому текст должен состоять из *высказываний* с однородной двухчастной структурой: данные + вывод/интерпретация. Отсюда два табу (не всегда соблюдаемые и *взрослыми, как бы опытными авторами*): (а) табу на приведение данных без осмысления; (б) табу на безосновательные утверждения. Во-вторых, в каждом утверждении должна быть заметна модальность — степень

уверенности, с которой утверждение делается; отсюда в текстах назойливые «по-видимому», «предположительно» и т. п.: это не проходные и не «красные словца», а продуманные и вынужденные. Осмысление правил не только помогает писать *научный текст*, но и диагностировать ошибки в нем.

Непременные атрибуты студенческих работ — фразы типа «стоит заметить», «хочется подчеркнуть», «интересно рассмотреть» — нещадно вымарывались на стадии первых черновиков. Пишем научную работу, а потому: (1) что не заслуживает «замечания», в работу не тащим (под лозунгом «научную коммуникацию мы не спамим и спамим не мы!» — дискурс, так сказать, тщательно фильтруем); (2) в научном тексте ничего не появляется, потому что *кому-то хочется*; текст продиктован *железной необходимостью*: пишем о том, что есть (чему приписываем статус реальности, или *условий дискурса*), и о том, что может быть (что может быть сказано о реальности — чему приписываем статус *самого дискурса*)., — возможно, эта дистинкция искусственна и не обязательна, но ее введение в пролегомены к полевой работе полагаю дидактически оправданным; (3) для научного текста простое упоминание *интересности* объекта в качестве основания о нем поговорить, недостаточно: надо эксплицитовать, почему/зачем объект видится автором *интересным*. Смысл всех ограничений для письма — с молодых ногтей привить вкус к отказу от производства спама под вывеской *науки*.

Этюд первый. Границы и пространства бухты Инал

Дарья Матанцева, Наталья Розенфельд

Экспедиция проходила в начале октября, когда сезон уже кончился, поэтому исследование проводилось «по следам», оставленным людьми, и носило палеонтологический (чтоб не сказать «гипотетический») характер. В данном случае, мы работаем с «достаиваемой реальностью», которая образуется в результате использования понимающей социологии.

Итак, пространство бухты Инал. Мы исследовали территорию по правую и левую стороны главного пляжа и выделили две большие архизоны, которые, в свою очередь, подразделяются на семь более мелких зон (рис. 1).

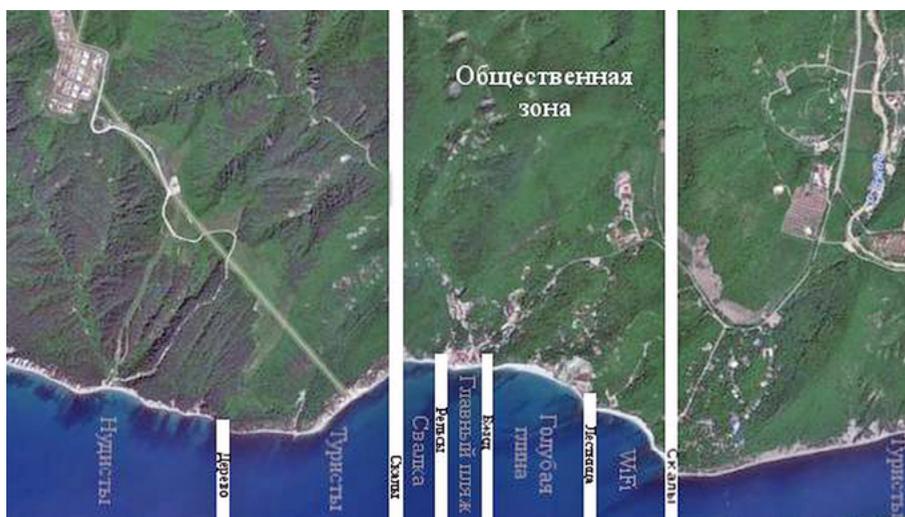

Рис. 1. Зонирование пляжа бухты Инал

В каждой зоне мы выделили свои атрибуты — черты, характерные только для неё, и границы — физические и символические (природные и созданные человеком). Начнем описание с центра. Зона *главного пляжа* характеризуется максимальным количеством посетителей и наиболее развитой инфраструктурой. На основании доступных нам данных невозможно установить, инфраструктура ли повлияла на большой поток людей или, наоборот, сама конституировалась вокруг потока. В ней можно выделить пространства питания (преимущественно «вредная» пища), магазинов (больше трендовых вещей, чем товаров первой необходимости) и развлечений (тир, 3D-кино, фиш-спа).

Большинство построек в зоне главного пляжа — временные, нестационарные, так как работают только в сезон, — возможно, из-за того, что вне сезона велики затраты на охрану объектов, и выгоднее выстраивать «ларьки» каждый год перед началом сезона заново. Также не исключено, что на территории береговой линии вообще запрещено (или затруднено, ограничено, чревато финансовыми издержками) возведение стационарных построек.

С правой стороны границей является ручей Малый Бжид, который можно перейти по мосту в обход. За ручьем начинается новая зона, которую мы назовем, в честь главной достопримечательности, *пляж голубой глины*. В отличие от других зон, этот пляж — песочный, и на нем имеются урны. Можно предположить, что в данной зоне люди ближе к природе, так как рядом — только горы, никаких дорог и построек, а наличие урн предотвращает загрязнение окружающей среды. О том, что люди пользуются глиняными источниками, говорит наличие вещей, на которых остались следы глины, и бутылки, наполненной глиной.

От следующей, третьей, зоны пляж голубой глины отделен символической лестницей из труб и табличкой «Купаться запрещено». В эту зону сверху, от баз отдыха, ведет лестница — значит, данное место предназначено для *развлечения отдыхающих*. Здесь есть кафе с музыкой и Wi-Fi, что дает этому месту преимущество перед другими общественными местами.

Вернемся к главному пляжу. Слева его ограничивают старые ржавые рельсы для спуска лодок. За этой границей начинается *зона свалки*. Здесь не купаются, пляж не очищается от водорослей, а в отдалении находится бетонная стена, огораживающая мусорные баки. Данная зона очень загрязнена мусором различного происхождения: бутылки, обувь, ёмкости от бытовой химии, как выброшенные на эту свалку, так и принесенные морем.

В море перечисленные четыре зоны разграничены буями, за которые запрещено заплывать. Эти зоны составляют общественную архизону, противоположностью которой является архизона *девиаций*. В первой находится «обычный (нормальный) человек», который плавает на огороженной и специально для этого предназначенной территории, следует запретительным знакам и другим указателям, находит развлечения среди предоставляемых услуг. Не входящее в данные условия, отклоняющееся от «нормы», является «некультурным» и скрыто от общественности. Например, за пределами общественной зоны встречается значительно больше граффити, мусора и мест под костры.

Еще одно различие заметно в людях на обеих территориях. В общественной архизоне люди были в разызначительно разговорчивее, легче шли на контакт, чем те, кто был встречен за её пределами «общества». Вторые, последние, если и выходили на контакт, то отвечали очень односложно, всем своим видом давая понять, что в данном месте каждый за себя, мы их «не видели», как и они «не видели» и нас. Такое явление Ирвинг Гофман называет *civil inattention*, или, в переводе на русский, гражданское (или общественное) невнимание. Подобное, скорее неосознанное, поведение состоит в том, что человек, дав понять встречному, что заметил его присутствие, стремится, однако,

исключить взаимодействие, которое может быть воспринято как навязчивое и неприятное второй стороне.

Рассмотрим границы общественной архизоны. В нашем примере они физические и естественные — представлены довольно трудно преодолеваемыми скалами, которые с одной стороны уходят под воду, особенно в прилив, при этом сверху наблюдаются оползни, и с другой — вертикальные острые скалы, также уходящие в море. Обычный человек не станет рисковать здоровьем, преодолевая их, а ограничится первой зоной. Правая граница общественной архизоны стала стеной для граффитистов, которые явно вступили в диалог друг с другом: есть здесь презентации своего города (Тамбов, Воронеж), политических взглядов (Навальный, Путин) и других направлений мысли (рис. 2).

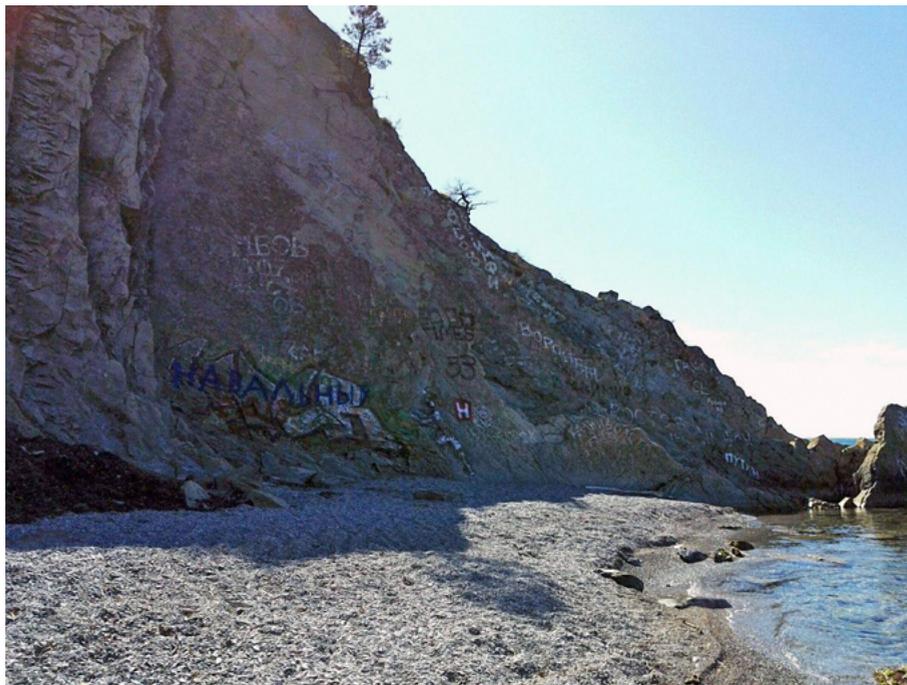

Рис. 2. Пример естественной границы

За пределами общественной архизоны находятся туристические зоны. На их территории заметны места, где жгли костры, вокруг них встречаются самодельные скамейки и столы из бревен, качели, каменные мангалы. Природа тоже указывает на прекращение общественной зоны: встречается больше природных элементов, чем социальных (рыбы, креветки, крабы, чайки, вековые деревья и ягодные кусты).

Последняя рассматриваемая зона отделена от предыдущей упавшим деревом и камнем с надписью «нудисты», она названа *нудистским пляжем*. Это бухта, закрытая горами с обеих сторон. Возможно, в более теплое время здесь было поселение, так как сохранилось нечто наподобие палатки.

Открытое (без предварительной категоризации) наблюдение за палеографией пляжа сделало возможным рассмотрение пространства с двух перспектив: с одной — мы фокусируемся на том, как человек подстраивался к природной среде; со второй — акцент делается на изменениях, произведенных человеком для того, чтобы облегчить подчинение себе пространства (или пространству себя).

Хотя изменение природы и подстраивание к ней имеют место в любом пространстве, в *общественной* архизоне преобладает изменение, выражающееся в конструировании ландшафта (выравнивание почвы, вырубка деревьев) и приручении природы, в то время как в *девиантной* архизоне человек отходит на второй план и использует то, что дано природой: костры из найденных веток, а не купленного угля, и граффити на стенах скал.

Этюд второй. Блеск и нищета бухты Инал

Полина Крапчинова, Максим Новокрещенов, Ксения Шепетина

В ходе первичных наблюдений мы заметили противоречие между относительно низким качеством предлагаемого в бухте Инал жилья и относительно высоким качеством мест проведения досуга. Также мы обратили внимание на различия в репрезентации этих мест и в их расположении по отношению друг к другу. В связи с этим, мы поставили перед собой следующие задачи: (1) продемонстрировать это противоречие систематическим сбором релевантных данных и проинтерпретировать его, (2) уточнить первоначальную типологию мест «относительно низкого/высокого качества» на основе их подхода к саморепрезентации, (3) выделить и охарактеризовать зоны, которые здесь сформировались. Текст поделен на три раздела соответственно. Для того чтобы точнее охарактеризовать социальное пространство туризма в бухте Инал, мы провели сравнение его с близлежащим селом Архипо-Осиповка.

Дорогой досуг — дешевое жилье. После прогулки по окрестностям бухты Инал мы обратили внимание на одну интересную особенность этого места: большую часть территории занимают старые базы отдыха, построенные еще в советский период, в то время как на пляже расположена большая танцплощадка/бар/кафе «Стереодача», выполненная в современном столичном стиле.

Местный информант сообщил нам о том, что летом это заведение пользуется большой популярностью среди молодежи. По его словам, достаточно много людей приезжает сюда из Краснодара и близлежащих мест на один день, без ночевки, однако бывают и те, кто задерживается на более долгий срок. Предположительно, большинство из них проводят досуг на «Стереодаче», а живут все-таки на старых базах, которые на порядок ниже по качеству и статусу. Несмотря на то, что в бухте Инал есть новые, современные базы отдыха и гостиницы, они представлены в значительно меньшем количестве, поэтому в разгар летнего сезона им не удастся вместить всех посетителей «Стереодачи». В социальной сети Instagram в течение туристического сезона люди активно выкладывали фотографии стаканчиков кофе, оформленных в том же стиле, что и в московских кофейнях, а также огромную вывеску «Стереодача» и светящиеся шатры. Почему же так происходит, почему люди согласны на дешевое и низкое по статусу жилье, но не согласны на аналогичный досуг?

Мы видим следующее объяснение этому: жилье представляет собой непубличную сферу, а значит, его уровень, состояние и статус не так важны, как формы проведения досуга, являющиеся публичными. Человек, уделяющий большое внимание своему гардеробу для «выхода в свет», вполне может позволить себе ходить дома в простой, возможно, даже поношенной одежде, так называемой «домашней». Это, как нам кажется, иллюстрирует ту самую разницу между публичным и непубличным; её мы можем наблюдать и в описываемой нами ситуации в бухте Инал.

Московские урбанисты употребляют в своем языке описания не совсем официальный и академичный концепт «хипстерская урбанистическая идеология»: это особый тип восприятия и организации городского пространства, когда город и публичные места

становятся «сценой», куда человек приходит, чтобы показать себя и посмотреть на других. Непубличная сфера отходит далеко на второй план: можно жить в плохих условиях, но никак нельзя ходить на немодные вечеринки. Город организуется таким образом, чтобы быть максимально пригодным для этих целей. Москва в последние годы развивается в соответствии с этой идеологией, пример этой тенденции мы увидели и в бухте Инал.

«Снежинки» vs. «стереодачи»: различия в саморепрезентации. Далее мы анализируем различия в саморепрезентации двух типов мест, которые мы увидели в Инале. Эти типы мы обозначили как «стереодачи» и «снежинки». «Стереодачи» — относительно новые, современные и высокие по статусу, «снежинки» — старые, явно построенные еще в советское время. Названия обоих типов мы взяли в поле по наиболее характерным кейсам.

Различия можно увидеть уже на уровне вывесок, названий и наружной рекламы. Места типа «стереодача» часто используют иностранные слова в названиях («Villa Alla», «Стереодача», «Inal Bay»), а шрифты на их вывесках, в основном, минималистичны (часто это белые буквы на цветном фоне). «Снежинки» же, напротив, предпочитают названия на русском, состоящие из одного имени существительного («Снежинка», «Дельфин», «Ласточка», «Чайка», «Уют» и т. д.). Вывески у них — аляповатые, чрезмерно нагруженные иллюстрациями, в них используются самые разнообразные шрифты (часто с вензелями и другими подобными элементами). Таким образом, уже по вывеске можно определить, какого типа место ждет тебя за оградой.

Особый интерес представляет реклама двух данных типов мест досуга. Если базы «снежинки» ограничиваются надписью «есть места», то «стереодачи» обязательно указывают, какой спектр услуг они предоставляют: детская площадка, настольный теннис, бассейн и т. п. «Стереодачи» в целом рекламируют себя гораздо более интенсивно, не смотря на то, что их услугам часто даже нет аналогов поблизости, что ставит их вне конкуренции (в то время как «снежинки» все примерно похожи). Например, реклама единственной большой танцплощадки «Стереодача» встречает каждого въезжающего в бухту, а по пути от главной дороги к пляжу он встретит еще три огромных плаката, по-разному оформленных и призывающих «кутить в Стереодаче».

Такие различия в преподнесении себя связаны с разницей в смыслах, которыми руководствуются люди. Для баз типа «снежинка» достаточно того, что вообще есть возможность получить хоть какое-то жилье и хоть как-то провести отдых. Для «стереодачи» более важно — как его провести. То есть «снежинки» уделяют внимание базовым потребностям и возможности «выживания», а для «стереодач» в приоритете комфорт и «излишества».

Но это не означает, что все посетители «снежинок» готовы довольствоваться малым за неимением лучшего. Мы предполагаем, что некоторые из них предпочитают другой тип отдыха. Они приезжают сюда большой компанией и со всем необходимым, готовят на костре, ходят на море, проводят время вместе. По словам информанта, многие приезжают каждый год на одну и ту же базу, где встречаются с давними друзьями. Таким людям не нужны жилищные условия высокого уровня и масштабные развлечения, они готовы жить в условиях, близких к походным, находясь в постоянном контакте с природой.

Сегментация — Синтез. В этом разделе с помощью оппозиции «снежинка» — «стереодача» мы выделяем основные зоны, сформировавшиеся в Инале, и сравниваем курортные структуры Инала и близлежащего села Архипо-Осиповка. Сравнение с Архипо-Осиповкой позволит точнее охарактеризовать исследуемое нами пространство бухты.

Нами было обнаружено, что для Инала характерна сегментация: «стереодачи» стараются отгородиться от «снежинок». Прямо противоположная ситуация наблюдается в Архипо-Осиповке, где эти два типа гармонично соседствуют друг с другом, происходит их синтез. В Инале большое количество отелей и баз типа «стереодача» находится на утесе, где расположены ресторан и смотровая площадка, вход на которую платный.

Попасть в оба этих места можно только через территорию отеля. На утесе есть чебуречные и шашлычные, но они оформлены и отремонтированы современнее и выглядят привлекательнее, чем на первом участке. Пообщавшись с информантом, мы выяснили, что все самое дорогое и качественное жилье расположено на утесе. На пляже первого участка, по его словам, всегда много людей и мусора, а на утесе есть собственный спуск к морю, где все чище и лучше, чем на центральном пляже. Таким образом, утес — особая зона, в некотором смысле элитная, границы которой резко отделяют ее от более низких по классу и статусу мест.

В Архипо-Осиповке «снежинки» и «стереодачи», напротив, соседствуют друг с другом. Постоянно происходит смешение высокого по статусу и низкого, дорогого и дешевого, устаревшего и современного. Например, рядом с большой гостиницей «Альбатрос» расположен ларек «Живое пиво» и старые палатки. На территории самой гостиницы кальянная, бар, игровые автоматы, бассейн и парк аттракционов мирно сосуществуют с небольшой часовней. На каштановой аллее заведение с претенциозным названием «Loft 54» и шрифтом в стиле «Стереодачи» расположено рядом с магазином «У Шуры», в котором торгуют носками из валяной шерсти. Большие современные гостиницы соседствуют со старыми деревянными домиками.

Особенно заметным это становится на центральной набережной села. Там человек попадает на «рынок мест», где все рядом, и каждый может выбрать для себя подходящий досуг и жилье, в зависимости от запросов и экономического положения.

Таким образом, в ходе проделанной работы нам удалось проанализировать, как могут сочетаться дешевое жилье и дорогой досуг, при помощи таких понятий, как «публичное» и «непубличное». Мы разделили все встретившиеся нам в Инале места на бюджетный тип «снежинки» и дорогой тип «стереодачи». Предположительно, разница в оформлении их вывесок и рекламы объясняется разными ценностными установками отдыхающих, которым они адресованы. Кроме того, мы выделили в Инале особую зону — утес, где находится, в основном, более дорогое и высокое по статусу жилье. Жители утеса отделяют себя от всех остальных отдыхающих. Примечательно, что в близлежащей Архипо-Осиповке мы наблюдали прямо противоположную ситуацию: там происходит смешение дешевого и дорогого, высокого по статусу и низкого.

Этюд третий. Стратификация баз отдыха в бухте Инал

Наталья Розенфельд, Дарья Матанцева, Татьяна Покидова

Черноморское побережье России. Бухта Инал. Осень. Октябрь. Чем может быть занят человек в курортном месте с наступлением холодов и завершением сезона? Для большего расположения к себе и к разговору использовалась легенда: московские студенты ищут место для летней школы, которая пройдет в следующем году. Нами было проведено 8 интервью о базах отдыха побережья. В результате получены описания баз и их методы привлечения клиентов.

Облик баз отдыха. В бухте Инал Краснодарского края имеется большое количество баз отдыха. В советское время все базы отдыха побережья принадлежали предприятиям. Все эти базы характеризовались определенными условиями. Большая часть пространства на типичной базе — общественная:

1. Общие туалеты
2. Общие душевые (с ограниченным временем работы)
3. Кухня-столовая.

И небольшое личное пространство:

4. Комната с минимальным количеством мебели (кровать, тумбочка, шкаф).

Данные пункты берутся в качестве базовых; в то же время, у представителей баз отдыха исследуемого района — особое представление об «условиях». Как было сказано информантом с одной из баз: «У нас “условий” нет, у нас только “эконом”». Такой ответ наводит на мысль, что информанты подменяют понятия, вкладывая в понятие «условия» то, что «сверх» базы.

От насыщения двух типов пространства различными «условиями» зависит комфортность пребывания в местах отдыха. Если в пределах уже имеющегося помещения это невозможно, то оно подвергается перестроению: совмещаются комнаты, возводятся пристройки, переносятся стены.

На данный момент базы приватизированы, взяты в частную собственность, а земля арендована частными лицами. Базы могут быть реконструированы по усмотрению собственников — владельцев баз, однако у них нет стимула возводить стационарные постройки, так как они зависят от арендатора, который может и не продлить договор аренды.

Старые базы начинают конкурировать с новопостроенными отелями и гостиницами, из-за чего начинается процесс «превращения» баз отдыха в отели. Ярким примером этого служит база отдыха/отель «Солнышко». В отличие от большинства баз, у нее есть рекламные баннеры, на которых размещена полезная информация.

Согласно эмпирическим данным, базы не только не терпят убытки, но и принимают всё большее количество посетителей. На основании данных интервью, можно выдвинуть 4 гипотезы о том, почему процветают предприниматели туристического бизнеса в бухте Инал.

Во-первых, базы начали приобретать черты современных апартаментов, которые «приличный» человек обойтись не может. В комнатах появилась техника: телевизоры и кондиционеры. Все чаще можно встретить отдельные туалеты и «мини-кухни» в номерах. Т. е. владельцы начинают идти навстречу клиентам, удовлетворяя возросший спрос.

Во-вторых, на территориях баз наряду с привычными корпусами или вместо них выстраиваются номера класса «люкс» со всеми удобствами. Администратор одной из баз рассказал, что зимой собирается строить новые коттеджи на месте старых домиков. Из этого можно сделать вывод, что туристов действительно много — имеются средства для постройки. Этому есть еще одно объяснение: так как договор аренды заключается на ограниченный срок (максимум 10 лет), можно проследить связь между качеством (стационарностью) построек и инноваций на определенных базах и уверенностью их хозяев в продлении договора. Именно поэтому на базе «Лесная» сносятся старые домики и выстраиваются корпуса, а у базы «Тенистая» есть некие связи с управлением имущественных и земельных отношений.

В-третьих, появился большой выбор жилья на любой вкус, на все категории отдыхающих. Со слов информантов, в номерах есть различные удобства; можно выделить следующие их уровни, которые различаются и по ценовой категории:

1. Эконом
2. Частичные удобства
3. Комфорт
4. Люкс
5. Кемпинг.

Первый уровень повторяет базовое состояние, описанное выше (может еще присутствовать холодильник). На втором уровне добавляются кондиционер и электрическая плитка. В третьем — уже имеется туалет и душ в помещении, но только один на несколько номеров. В люксе же эти удобства индивидуальные.

Что касается последнего пункта: 1) англицизм кемпинг (camping) говорит о влиянии глобализации, 2) наличие кемпинга сообщает о том, что происходит «перепродажа»

земли, максимизируется использование земельного участка. Подобный вид жилья доступен из-за дешевизны, однако предполагает, что отдыхающий привозит всё необходимое с собой.

В-четвертых, «советский» общественный стиль баз отдыха начинает позиционироваться как преимущество: он подходит для больших компаний близких людей, людей общительных, желающих вернуться в советское пространство. Бухта ориентирована на бюджетный отдых: «У нас “эконом”...», «Кухня у нас общая...». Если стоимость жилья более высокая — предупреждают: «У нас дорогие номера, имейте в виду».

Из полученных данных можно сделать вывод, что «советский» стиль баз отдыха не только не отпугивает отдыхающих, но является привлекательным и сам по себе, и благодаря приемлемым для нижнего и среднего слоя населения ценам. Кроме того, на таких базах часто предлагается набор условий, который пользуется спросом у современного человека.

Таким образом, за счет большого выбора опций отдых на побережье Инала успешно конкурирует с популярными курортами, так как отдыхающие имеют возможность отказать от ненужных им излишеств (например, личного душа), сэкономив на отдыхе. Создавая всё больше удобств, владельцы баз делают их комфортнее для посетителей. При этом заметна дифференциация по комфортности как баз в целом, так и номеров — от люкса до места под палатку. Чтобы выстоять в конкурентной борьбе, владельцы баз отдыха реконструируют их, а их представители стараются привлечь посетителей, положительно позиционируя свою базу в процессе общения с потенциальными клиентами.

Способы привлечения клиентов на базы отдыха. На всех исследованных базах отдыха степень обустроенности территории различалась, хотя определенные черты повторялись время от времени. Например, места для общего сбора большой группы людей, такие как лавочки, столы, беседки, имелись на каждой из исследованных баз, на нескольких из них для клиентов предлагались мангалы. Все эти объекты предназначены для совместного времяпрепровождения отдыхающих — как приехавших группами, так и тех, кто познакомился только на Черноморском побережье. В местах проживания людей в бухте Инал практически везде кухни, туалеты и душевые являются общими. На территории многих баз отдыха присутствуют и особые объекты, отсутствующие в других местах проживания людей на территории бухты.

Рассмотрим подробнее, какие способы были использованы для привлечения клиентов на каждой базе.

База РЖД. Информант сообщил нам о наличии хорошей столовой прямо на территории базы. Возможно, в бухте есть трудности с питанием, и наличие доступной еды на самой базе является большим преимуществом.

База «Афалина». Администратор базы говорила с нами достаточно холодно, несмотря на озвученную нами легенду о 50 клиентах в следующем году, однако сообщила, что база располагается рядом с морем, в чем её главное преимущество, и что всё находится близко. Как мы заметили в дальнейшем, действительно, в горной части бухты приходится преодолевать значительные расстояния, чтобы приобрести продукты питания или посетить какое-нибудь заведение.

База «Вертикаль». Здесь нас старались привлечь тишиной. Видимо, в летнее время в бухте достаточно шумно, и туристы пытаются найти наиболее спокойные и тихие места. Информант сообщил, что на базе есть бассейн, что, видимо, считается в бухте элементом роскоши, несмотря на непосредственную близость к морю.

База отдыха «Дубрава». Администратор этой базы оказался одним из самых активных: он убеждал нас в том, что сливов нигде нет (хотя нами была обнаружена иная ситуация) и на пляже «мелкая галечка» (что также достаточно сомнительно), — то есть

приукрашивал действительность для завлечения туристов. В то же время, заострение внимания на отсутствии сливов говорит о том, что в бухте есть проблемы с загрязнением среды. Действительно, на побережье можно обнаружить огромное количество мусора. Нам также сказали, что именно на этой базе очень свежий воздух (хотя, вообще, в этом районе достаточно чистый воздух везде — из-за природных условий и почти полного отсутствия транспорта). Администратор базы сделал акцент на её материальных преимуществах, отметив, что в летний период отдыхающим предлагаются гамаки, турники, а в следующем году появится теннисный стол. На наш взгляд, наличие таких объектов особенно актуально для людей, ведущих здоровый и активный образ жизни.

База «Тенистая». Здесь наше внимание обратили на то, что ключи от туалета выдаются только отдыхающим, — возможно, это было сказано для того, чтобы подчеркнуть их чистоту и отсутствие очередей. Здесь имелись и «модные столы», уже разобранные: можно предположить, что такой «рекламный ход» предназначен именно для представителей молодого поколения, которые ценят не только наличие чего-либо, но и «подачу» этого.

База «Кавказ-М». На этой базе отдыха нам сразу предложили сесть — вежливый жест со стороны хозяина с целью расположить клиентов. В ходе интервью администратор акцентировал внимание на том, что «внизу», то есть на главном пляже, много баров и дискотек. Скорее всего, именно таким способом он, обычно, старается привлечь клиентов нашей возрастной категории.

База «Горный воздух». Вначале нам просто хотели дать визитку администратора, но к концу разговора администратор заговорил о преимуществе именно этой базы, сообщив, что день назад на пляже, недалеко от берега, видели дельфинов и что только на этой базе есть два выхода к морю. На наш взгляд, побережье практически одинаково на всей протяженности, и одного выхода было бы вполне достаточно, — соответственно, нам это показалось спорным преимуществом. Нас спросили, знаем ли мы, что в бухте есть источники голубой глины. Действительно, район славится этим, но данная «достопримечательность» относится не только к данной базе — голубая глина является природным ресурсом, доступным для всех отдыхающих. Получается, администратор хотел привлечь нас в саму бухту Инал, а не на конкретную базу.

Проанализировав интервью и отметив особенности привлечения клиентов на базы отдыха, можно выделить два основных способа привлечения, а именно: коммуникацию и информирование о материальных преимуществах конкретной базы (мангалы на БО «Тенистая», бассейн на БО «Вертикаль»). Привлечение через коммуникацию можно условно разделить на непосредственно речь и высказывания в адрес клиентов (обращение «лапочки» на БО «Дубрава», предложение присесть на БО «Кавказ-М») и приведенные в разговоре преимущества бухты Инал как места отдыха (дельфины и глина на БО «Горный воздух»).

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что администраторы баз отдыха в бухте Инал, в основном, привлекают клиентов посредством коммуникации, ведь материальная сторона развита слабо: почти все базы не перестраивались еще с советских времен.

Этюд четвертый. Внутреннее устройство типичной базы отдыха в бухте Инал

Валентина Пермьякова

В данном этюде представлен анализ внутреннего устройства одной из баз отдыха, ее номеров, функциональных пространств как внутри, так и снаружи территории, а также сравнительная таблица условий базы и турецкого отеля Sirene Golf Belek Hotel. Данная

база является типичной, так как включает в себя все основные признаки большинства расположившихся в Инале баз отдыха: предоставляет разные типы номеров, имеет схожее с остальными базами внутреннее и внешнее обустройство (мебель, удобства, двор). Что касается отеля, выбранного для сравнения, то он находится в средней ценовой категории среди отелей в городе Белек и представляет собой типичный образец турецкого отеля со стандартными услугами и условиями проживания.

Интервью было взято в октябре 2017 года в одной из многочисленных баз бухты Инал. Респондентом стала женщина в возрасте около 45 лет, занимающая должность помощника администратора. Свой рассказ о базе женщина начала с описания номеров и в первую очередь обозначила четыре их типа: «эконом», «частичные удобства», «люкс» и «комфорт». «Эконом» находится на втором этаже основного здания, где располагаются семь комнат, в некоторых есть холодильник. Более дорогие — домики с «частичными удобствами». На наш вопрос, почему «частичные», нам ответили: «Потому что дом старый, советский, телевизор не плазма». Мы заметили, что в домиках с «частичными удобствами» есть собственные небольшие веранды-балкончики. Также нам показали номера «люкс» и «комфорт». Одно из существенных различий между «экономом» и данными номерами в том, что они представляют собой отдельные домики коттеджного типа. «Комфорт» отличается от «люкса» тем, что в первом — на три комнаты один душ и туалет, а в номерах «люкс» — для каждого номера отдельно; внутри комнат всё одинаково. Мы увидели, что на данной базе есть четкое разделение типов номеров, то есть они категоризированы.

Ценообразование, по нашим наблюдениям, оказалось на базе «договорным»: «Цена обговаривается с администрацией. Вот я вам сейчас скажу — 800, а она возьмет и за 700». При этом самым дешевым месяцем считается июнь — около 400 рублей с человека в сутки за номер эконом-класса. Сентябрь «еще недорогой», а вот июль и август, по словам информанта — пик туристического сезона. Сколько стоят номера в этот период, нам не сказали. Нам показалось, что цена за номер может быть сформирована здесь и сейчас, на ходу, в зависимости от статуса потенциальных клиентов, их внешнего вида, разговора, намерений и т. д.

Кроме того, на базе сложилась нефиксированная иерархия должностей. На первой ступени иерархии стоит владелица базы, она же является и администратором («администрацией», по словам респондента), далее идет помощник администратора, которая прибирала все дома на зиму, когда мы вошли. Неизвестно, входит ли это в прямые обязанности помощника, но создается впечатление, что одна должность здесь совмещает в себе несколько других. Кроме того, видно, что название должностей — всего лишь формальность, так как чувствуется неуверенность в том, какую функцию исполняет и какую должность занимает информантка на самом деле: «Я не администратор, ну, в смысле я этот, помощник».

Данная база отдыха имеет ряд преимуществ. Среди них можно различить те, что нам указала информантка, и те, которые мы выделили сами. Так, нам сообщили, что на базе имеется общая «столовая». Оказалось, что, на самом деле, это общая кухня, на которой нужно готовить самостоятельно, а поваров и меню из готовых блюд, как в реальной столовой, нет. Однако, по словам помощника администратора, там есть «стулья, ложки, чайники — есть всё, что надо». Еще нам указали на то, что «только на нашей базе два выхода к морю, это на других базах нет» — хотя на некоторых других базах нам также называли это как преимущество. Информантка вспомнила и про дельфинов — что их здесь много, и люди видят их каждый день, упоминает и источник с голубой глиной, а также, что, «если вот так выйдете через нашу базу, как раз туда попадаете». К слову, попасть туда можно из любой точки Инала. То есть преимущества, в каком-то смысле, даже выдумываются ради привлечения клиентов. В ряду преимуществ базы называются

признаки, свойственные и другим базам, или признаки, свойственные всей бухте, или общие удобства для всей бухты — общественные блага.

Что показалось нам самым сильной стороной этой базы, так это наличие разных типов номеров: есть выбор для клиентов с разными предпочтениями и возможностями. Очень важно и то, что общий душ и туалет на этой базе работают круглосуточно, несмотря на дороговизну обслуживания. Мы отметили, что визитка, которую нам предложили взять, была красочной и качественной.

В заключение рассмотрим небольшую сравнительную таблицу удобств данной базы отдыха и типичного турецкого отеля.

Таблица

Сравнение удобств базы в бухте Инал и типичного отеля в Турции

Условия	База отдыха в бухте Инал	Sirene Golf Belek Hotel
Пляж	Общий. Дорога 7–10 минут	Частный. Дорога 6 минут
Номера	<u>Эконом</u> : советский стиль, кровати, тумбы, в некоторых номерах есть холодильник. <u>Частичные удобства</u> : советский стиль, кровати, тумбы, холодильник, старый телевизор. <u>Комфорт/Люкс</u> : современный стиль, кровать, тумбы, шкаф, холодильник, плитка, кондиционер, телевизор плазма	Оформлены в современном стиле, оснащены кондиционером, телевизором с плоским экраном, мини-баром и рабочим столом
Питание	Общая кухня	4 ресторана, 2 ресторана с обслуживанием по системе «шведский стол» и 6 баров.
Территория	Много мангалов Скамейки и столы	Бассейн, детский клуб, дискотеки под открытым небом, спа-салон, сауна, фитнес-центр.
Тип номера	1. Эконом 2. Номер с частичными удобствами 3. Комфорт-класс 4. Люкс	1. Стандартный (двухместный, трехместный) номер 2. Улучшенный номер 3. Номер повышенной комфортности 4. Люкс 5. Люкс с террасой и видом на море 6. Вилла 7. Королевская вилла
Ближайшие достопримечательности	Голубая глина, Джубга, Архипо-Осиповка, дельфинарий, дольмены, винный завод	Гольф-клубы, Сад Терпимости, Торговый центр Antalium Premium Mall, Амфитеатр

Таким образом, отдых в Инале пытаются разнообразить, предоставлять все больше услуг, строить комфортабельные базы, однако того уровня, который обеспечивается на отдыхе за границей, российскому курорту достичь пока не удается.

Этюд пятый. Сравнительная характеристика портрета отдыхающего бухты Инал и села Архипо-Осиповка

Ангелина Парфенова, Софья Ромашова

В этюде отражена реконструкция социокультурных типов отдыхающих, запросам которых отвечают условия развлекательной и жилищной сфер бухты Инал (базового поселка экспедиции) и села Архипо-Осиповка, куда мы попали во время «вылазки», предпринятой для сравнения. Поскольку исследование проводилось после завершения высокого сезона и резкого похолодания, анализ функциональных пространств базируется на данных наблюдения за пустой инфраструктурой, вписанной в природный ландшафт, и полуструктурированных интервью с редкими информантами. Включенное наблюдение мы вели в роли отдыхающих: были клиентами кафе, ориентированных на потребителей с разным уровнем дохода, клиентами магазинов, посетителями мест рекреации (источника «лечебной» (как гласила надпись) глины, не работающего парка аттракционов и др.); вступали в беседы с администраторами гостиниц и баз отдыха как потенциальные клиенты, вели светские беседы с единичными посетителями пляжей. Невключенное наблюдение проводилось во время прогулок по «центральным пляжам» и прилегающим к ним пешеходным зонам.

Общее описание курортных мест. Обе курортные зоны — бухта Инал и село Архипо-Осиповка — характеризуются высокой посещаемостью в летний период, высоким спросом на размещение на базах отдыха, в отелях, в пансионатах и т. д., высоким спросом на развлекательные услуги, а также на предоставление питания. Основные различия между курортами, по-видимому, объясняются простым фактом, что в бухте Инал с окончанием сезона не остается проживающих, за исключением минимума персонала бездействующих баз отдыха, в то время как Архипо-Осиповка — населенный пункт, функционирующий круглый год, с постоянным населением (7853 человека по данным на 2010 г.)² и стационарными учреждениями, в частности, школой, детским садом, воскресной школой, школой искусств и т. п.

Функциональные зоны развлечений. Благодаря стационарному населению прибрежная зона Архипо-Осиповки, функционально определяемая как развлекательная, частично действует и после окончания курортного сезона; поэтому (по сравнению с Иналом) там больше стационарных, качественно выполненных построек, которые на зиму не демонтируются. Также, по-видимому, ввиду большей туристической нагрузки, Архипо-Осиповка предлагает своему посетителю значительно больший спектр развлекательных услуг. В прибрежной зоне располагаются несколько клубов, аквапарк, дельфинарий, музей космонавтики, аттракцион «Дом вверх дном», контактный зоопарк и др., а в отдалении от моря расположены историко-этнографический музей, океанариум, эко-деревня, домик с оленями и т. д.

Как видно из данного перечня, развлекательное пространство Архипо-Осиповки может предложить варианты как для отдыхающих с разной категорией дохода, так и для разных возрастов: присутствуют детские пространства, а также пространства, способные вызвать интерес у людей пожилого возраста.

Мы не ограничились наблюдением и провели несколько интервью (размером чуть больше, чем small talk). Как сообщил один из информантов: «Здесь [в Архипо-Осиповке] <жизнь> кипит, здесь она кипит, а в Инале нет». Он также поделился с нами реакцией двух девушек, которых привез из бухты Инал в Архипо-Осиповку на один вечер: «Они

² Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 1, таблица 4. Численность городского и сельского населения по полу по Краснодарскому краю.

офигели³, они в натуре офигели, говорят: «Вот это мы в дыру <бухта Инал> попали!»». Другой информант в ходе интервью сообщил нам: «Ну, по-моему, здесь <в Архипо-Осиповке> лучше, чем в бухте Инал».

В бухте Инал больше бюджетные развлечения, о чем гласят вывески: тир, 3D-кино-театр, «Спа-рыбки», временные татуировки и роспись хной. Все эти развлечения носят исключительно сезонный характер, т. е. закрываются после конца курортного сезона; в большинстве своем они располагаются в небольших ларьках, возведенных из недорогих материалов; можно заметить, что часть киосков сносится после лета и отстраивается заново каждый сезон. Поэтому в бухте Инал как ценовой спектр развлечений, так и их возрастная направленность достаточно однотипны. В отличие от Архипо-Осиповки, в бухте Инал практически отсутствуют функциональные детские пространства, где можно на время оставить ребенка под присмотром. Также не видно пространств, которые могли бы служить для времяпрепровождения людей преклонного возраста, за исключением, разве что, пары кафе и природного источника глины рядом с пляжем. Цитаты информанта только подтвердили такое положение дел: «Тут <в бухте Инал> вообще ничего нет никогда», «Там <в бухте Инал> летом даже нет ничего интересного», «... тут набережная вся чистенькая, здесь везде всё убирается, а там, в бухте Инал всё валяется, так всегда», «Там вечером два бара, и всё», «на первый участок — там хоть чуть-чуть получше, хоть движуха какая-то».

Сектор услуг, связанный с предоставлением жилья отдыхающим, также характеризуется разными показателями. Архипо-Осиповка предлагает разнообразный и достаточно развитый сектор, характеризующийся возможностью проживания в номерах, отвечающих современным стандартам: комфортабельные помещения, индивидуальные уборные и душевые, доступ к сети Wi-Fi, а также хорошо обустроенные детские и публичные пространства. Как описал это один из наших информантов: «Здесь именно комфорт». Беседа с администратором одной из прибрежных гостиниц показала, что за приблизительно одну и ту же сумму (500 ± 100 рублей) в сезон (?) здесь может быть предоставлен номер с индивидуальным санузелом, доступом к парковке, бассейну, сауне, сети Wi-Fi, настольному теннису и пр., хотя за ту же сумму в бухте Инал может быть предоставлен лишь самый базовый номер «эконом» с гораздо менее комфортабельными условиями и отсутствием более половины пунктов приведенного выше списка.

Как уже было упомянуто, в бухте Инал качество жилья отличается более низкими показателями при сохранении примерно одинаковой стоимости — во всяком случае, относительно номеров категории «эконом», рассматривавшихся в рамках данного исследования. Здесь значительно преобладают базы отдыха, отстроенные в советское время, принадлежавшие предприятиям, а ныне приватизированные, сдающиеся в аренду. Как правило, данные заведения характеризуются минимальным общим и косметическим ремонтом, общими пространствами для приготовления еды и осуществления гигиенических процедур, использованием недорогих материалов, что приводит к высокой звукопроводимости и продуваемости, а также минимальной обустроенностью детских зон: на большинстве баз отсутствуют детские площадки или какие-либо аналоги данной зоны. Впрочем, публичные зоны (скамейки и столы, бассейны, мангалы, беседки) тоже могут либо отсутствовать, либо находиться в состоянии, непригодном для использования. «Ничего не обустроено, ничё нигде нет», — такое описание дал один из информантов.

Портрет отдыхающего: кто может приехать в Архипо-Осиповку и бухту Инал.

В чем различие между отдыхающими на этих двух пространствах, если, как было указано выше, цены на жилье могут характеризоваться относительной схожестью при значительном различии всех остальных сфер? Для более точного вывода сравнение будет проводиться по нескольким категориям отдыхающих, которые являются наиболее распространенными в данной среде.

³ Здесь и далее авторские произношение и стилистика сохранены.

Во-первых, это молодежь, готовая проживать в непритязательных условиях и, одновременно, терпеть отсутствие рутинно организуемых развлечений. Несмотря на бюджетность жилья, бухта Инал не может предоставить даже относительного схожего с Архипо-Осиповкой спектра увеселительных услуг, что формирует противоречие: ведь молодежь стремится искать новые и новые способы получить яркие впечатления и попробовать новое и будет вынуждена покидать бухту и добираться до ближайших населенных пунктов, среди которых находится и Архипо-Осиповка.

Во-вторых, можно рассмотреть категорию семейного отдыха, частью которого мы считаем наличие в группе отдыхающих одного или более детей. Как было указано в описании пространства бухты Инал, оно не способно предоставить достаточного количества и качества функциональных детских зон, таким образом, ответственность за постоянное наблюдение за ребенком будет возложена на родителей, которые не смогут позволить себе даже краткий срок отдыха, посвященного именно себе. А имеющиеся варианты развлечений для детей однотипны и не самого высокого качества. Таким образом, Архипо-Осиповка, предоставляющая как детские площадки на территории места проживания отдыхающих, так и многочисленные детские зоны в непосредственной близости к пляжной зоне, является более логичным, разумным и выигранным выбором для семей.

В-третьих, категория людей пожилого возраста. Как правило, многие из них выбирают отдых на море с целью поправить собственное здоровье, потому базы отдыха бухты Инал с их жилищными условиями вряд ли будут достойным вариантом. Кроме того, данное место не может предоставить им практически никаких рекреационных возможностей ввиду банального отсутствия соответствующих функциональных пространств. Тогда как в Архипо-Осиповке кроме описанных выше баз отдыха, отелей и т. п. есть санатории, которые оздоровление обещают.

В-четвертых, рассмотрим вариант одиночек-путешественников среднего возраста, предпочитающих или вынужденных отдыхать без сопровождения семьи/друзей и т. д. Как можно понять из сделанного выше анализа, этот вариант отдыхающего также сможет комфортно устроиться в пространстве Архипо-Осиповки. Каков же портрет отдыхающего, которому могут подойти условия отдыха Инала? Скорее всего, это будет человек с низкими притязаниями на комфорт и со стремлением провести более спокойный отдых без непосредственной близости к шумному курорту. Один из информантов сказал: «Очень много людей, очень <про Архипо-Осиповку>. Чтобы до пляжа дойти, вам надо 6 половичков пройти», и добавил после: «Летом мало там <в бухте Инал> людей, из-за этого все туда, кто тишину любит, те туда едут». Также это может быть отдых не на продолжительный срок, а на один день без оформления проживания: «В Инал ездить — только на глинку, отдохнуть, помазаться». Таким образом, в данной категории можно выделить тот тип отдыхающего, которого устроил бы отдых именно в бухте Инал в противовес Архипо-Осиповке, удовлетворявшей каждой из трех предшествующих категорий.

В-пятых, рассмотрим вариант, при котором на отдых организованно едет большая компания людей. В таком случае бухта Инал также может стать возможным вариантом для остановки. «Тоскливо <в бухте Инал>, зато вас много <про отдыхающих>». Таким образом, даже в отсутствие развитой и многообразной сферы развлечений, компания отдыхающих может сама организовывать досуг, не так сильно зависящий от окружающих условий, как в случае одного отдыхающего или немногочисленной группы. Тем не менее, Архипо-Осиповка также будет подходящим вариантом и для данного типа отдыхающих, так как предоставит достойные условия и возможности для проведения досуга.

Итоги. Различия в возможных категориях отдыхающих, вероятно, можно объяснить и с иных ракурсов, однако анализ предоставляемых функциональных пространств видится нам краеугольным камнем исследования такого рода. Именно на основе данного анализа были выявлены основные запросы отдыхающих и сформулированы их типы и их

совместности. Опираясь на собранные материалы, особенно на данные полуструктурированных интервью, были выделены следующие категории отдыхающих: молодежь, пенсионеры, семьи, отдыхающие «одиночки» и компании отдыхающих. Ввиду низкого уровня жилищных условий, неразвитости и однотипности как жилищной, так и развлекательной сфер, а также практически полного отсутствия ряда ключевых функциональных зон, портрет отдыхающего бухты Инал обладает достаточно четкими и выраженными характеристиками: это непритязательные люди, выбирающие менее шумный и людный курорт. Следовательно, все остальные типы отдыхающих имеют сравнительно низкие шансы на удовлетворение своих потребностей. Заметим, что в данной работе не рассматривались варианты, при которых человек оказывается в том или ином месте по путевке с работы или по причине отсутствия свободных мест для проживания в ином месте.

Рис. 3. Сравнение условий отдыха в бухте Инал и селе Архипо-Осиповка

Условия пространства Архипо-Осиповки отвечают требованиям разнообразных категорий отдыхающих и их конфигураций, благодаря чему портрет отдыхающего получается сегментированным. Поскольку исследовательская экспедиция проводилась в ограниченные сроки, не было возможности привлечь большой набор методов и респондентов, однако данная тема видится нам перспективной для дальнейшего изучения как в социологической дисциплине, так и в ряде смежных. Для повышения содержательности и репрезентативности полученных данных рекомендуется применять смешанные методы (не только качественные, но и количественные), а также посетить курорты и в другие периоды курортного сезона, что также может предоставить возможность проведения сравнительного исследования.

Этюд шестой. Разбор кейса «Subway» в Джубге

Марья Воробьева, Арина Леонтьева, Анастасия Громова, Анна Сулейманова

Кейс посвящен вечно актуальной теме микросоциологии — динамике ролевого взаимодействия, в ходе которого происходит смена социальных ролей, определяющих поведение индивида. Мы хотели бы показать, как одна ситуация может иметь множество интерпретаций, в зависимости от принимаемых во внимание социальных ролей

участников взаимодействия. Данные кейса были собраны в ходе участвующего наблюдения с отсроченным протоколированием. В кейсе даны пять различных интерпретаций для ситуации наблюдения, произошедшей во время выезда в поселок Джубга. В качестве участников взаимодействия выступали: четыре посетительницы-студентки (наблюдатели), кассир сетевого ресторана общественного питания «Subway» и мужчина-посетитель.

Собранные в результате наблюдения данные фиксировались постфактум вечером в день наблюдения. Такое отклонение от стандартов полевых исследований вызвано тем, что ситуация произошла за рамками наблюдения: посещение ресторана расценивалось исследователями как обеденный перерыв. Во время вечернего обсуждения дневных результатов всей экспедицией кейс был признан перспективным для анализа, в результате чего и было принято решение формального описания и анализа ситуации.

Текст включает в себя две основные части: в первой рассмотрена экспозиция, скомбинированная из впечатлений каждого из четырех наблюдателей с учетом расхождений в воспоминаниях об обстоятельствах ситуации, а во второй части даны пять возможных интерпретаций произошедшего.

Экспозиция. Ситуация начала разворачиваться, когда мы в качестве посетительниц вошли в ресторан. Никого из персонала ресторана нам обнаружить не удалось, поэтому мы самостоятельно посмотрели меню и начали обсуждать выбор, после чего за стойку вышла кассир — единственный присутствующий сотрудник, одновременно выполняющий роль повара (собирающего сэндвич из готовых составляющих, подогревающего его и подающего на кассу; разливающего напитки), кассира, менеджера (ответственного за разрешение спорных ситуаций и ресторан в целом) и вышибалы. Кассир не стала принимать заказ у одной из нас, уже сделавшей выбор, а дождалась, пока выбор сделают все четверо, демонстрируя нетерпение и разглядывая нас, пока мы колебались. Во время приготовления заказа мы живо обсуждали между собой опыт посещения других ресторанов этой сети, упоминая, что рестораны находились рядом с университетом и что университет расположен в Москве. Кассир задавала вопросы относительно состава заказа нетерпеливо, но вежливо.

В тот момент, когда мы расплачивались за заказ, в ресторан вошел молодой человек не старше 30 лет неопрятного вида: на нем было много слоев грязной одежды, капюшон, наполовину закрывающий лицо, из-под которого свисали нестриженные волосы и неаккуратная борода. За спиной у него был плотно набитый походный рюкзак (*небольшой полупустой рюкзак*⁴). Как только молодой человек вошел и встал напротив витрины, глядя в нее, кассир посмотрела на одну из нас и спросила: «Сильно?», указывая взглядом на молодого человека. По интонации, вопросу и неприязненному выражению лица та поняла, что кассир имеет в виду запах, исходящий от молодого человека, и ответила: «Вроде нет». Мужчина продолжил, не двигаясь, смотреть в витрину, пока мы расплачивались за заказ банковскими картами с технологией Paypass и Apple Pay. В момент оплаты кассир снова обратилась к другим двум из нас с вопросом: «Не сильно пахнет?» Получив ответ «Мы не чувствуем», она демонстративно прикрыла нос рукой, показывая отвращение.

Мужчина дождался, пока мы зайдем столик напротив кассы, и подошел к стойке. Его взаимодействие с кассиром произошло вне нашего внимания. Когда мы снова обратили на него взгляд, мужчина направлялся к самому дальнему столику с пластиковым стаканчиком, полным кипятка, и чайным пакетиком той же марки, что предлагает сам

⁴ В скобках курсивом указаны альтернативные ретроспективные воспоминания.

ресторан — неизвестно, был ли пакетик с чаем куплен у кассира или принесен с собой. Стаканчик же принадлежал мужчине, он принес его с собой; мы поняли это, поскольку ресторан в таких стаканах ничего не предлагал. Кассир, закончив обслуживание, вышла на улицу.

Мы говорили на отвлеченные темы, пока не почувствовали запах, исходящий от мужчины, после чего начали шепотом обсуждать, не стоит ли нам уйти. Одна из нас пожурив остальных за отсутствие сочувствия к молодому человеку, поскольку никто из нас не имел представления, каким образом он попал в такую жизненную ситуацию. Кассир вернулась, зашла за стойку и, заметив, что мы прикрываем нос руками из-за запаха, громко поинтересовалась, обращаясь только к нам: «У вас все нормально?» и кивнула в сторону мужчины, игнорируя тот факт, что он тоже слышит этот разговор. Мы ответили: «Всё хорошо». В ответ на это кассир попыталась обратить на себя внимание мужчины, окликнув: «Молодой человек!» Мужчина никак не отреагировал и не пошевелился. Мы поняли, что кассир пытается избавиться от него и попытались ее остановить, сказав, что уже уходим. Кассир сразу же прекратила попытки как-то повлиять на ситуацию и удалилась в подсобное помещение, мы быстро доели заказанное, убрали подносы и ушли, оставив мужчину одного в помещении.

Интерпретации. Далее мы хотим показать, что любая, даже самая простая ситуация может быть проинтерпретирована несколькими разными способами при помощи теоретической концептуализации, выделения объясняющего сюжета, подкрепляемого доказательствами — деталями ситуации. В данном случае нам удалось выделить пять сюжетов с учетом того, что *статусная* и *гендерная* интерпретации раздваиваются на сюжеты:

- 1) *статусная* интерпретация: солидаризация по статусу, основанная на межличностном социальном (*gemeinschaftlich*) взаимодействии;
- 2) *статусная* интерпретация: исполнение статусных ролей, основанных на формальных ценностях, косвенном социальном (*gesellschaftlich*) взаимодействии;
- 3) *моральная* интерпретация;
- 4) *гендерная* интерпретация: *гендерная солидарность*;
- 5) *гендерная* интерпретация: *кроссгендерное покровительство*.

Различие сюжетов заключается именно в том, как каждая из наблюдательниц проинтерпретировала возникшее между нами и кассиром чувство солидарности, в результате чего и возникли вышеупомянутые пять сюжетов.

Для статусного сюжета солидарность была основана на близости или относительном равенстве социального статуса одних участников конфликта и резком отличии статуса других участников. Альтернативная интерпретация в том же сюжете: солидарность по социальным ролям с «общим знаменателем» — отношением к ресторану: клиент или сотрудник — по одну сторону конфликта, попрошайка, не утвердивший статуса клиента — по другую. Для морального сюжета солидарность возникает из-за того, что испытывающая дискомфорт сторона конфликта (мы и кассир) не имела представления о «верной» стратегии поведения в такой неоднозначной с моральной точки зрения ситуации: никто из нас не был уверен в том, что устранение доставляющей дискомфорт стороны конфликта (мужчины) — это морально оправданный жест. Для гендерного сюжета возникновение солидарности также можно интерпретировать двумя способами: в первом случае, солидарность возникла между действующими лицами одного пола в силу схожего опыта, а во втором — между действующими лицами разного пола, возможно, как мы предполагаем, в силу конформности к предписанным гендерным ролям.

Рассмотрим каждый из выделенных сюжетов подробнее.

Статусная солидаризация кассира с клиентами⁵

Одной из интерпретаций ситуации может служить статусная солидаризация. Как было описано ранее, клиентки упоминали в разговоре Москву, университет, опыт посещения других точек данной сети питания, использовали банковские карты и современные технологии. В поселке Джубга далеко не каждое заведение предоставляет возможность расплатиться банковской картой. Кассир могла заметить определенный внешний вид (одежда, аксессуары), не свойственный местным жителям, и воспринять все это как признаки принадлежности к столичному среднему классу.

Молодой человек явно не выглядел равным по статусу другим участникам взаимодействия и выделялся. Его неухоженность, неопрятный внешний вид и характерный запах заставили девушку-кассира определить молодого человека скорее как маргинала, люмпена. Свою позицию о неуместности его присутствия в заведении она выразила презрительным взглядом и адресованным девушкам жестом, показывающим неприязнь к запаху. Она будто проверяла, как клиентки категоризируют мужчину-люмпена, задавая вопросы: «Сильно?» (о запахе), «У вас всё хорошо?» и наблюдая за реакцией. Несмотря на то, что клиентки не выразили недовольства явным образом, они косвенно продемонстрировали свою осведомленность в присутствии «лишнего» и неприязнь к запаху, который сложно было не заметить. Теперь и для кассира, и для девушек-клиенток это явление было определено как «ненормальность» в двух вариантах: (1) ненормальность поведения в обществе определенного уровня, где принято источать только приемлемые запахи или вообще никак не пахнуть, и (2) ненормальность ситуации для сетевого ресторана, которому необходимо поддерживать имидж и соответствовать формальным требованиям, предъявляемым к заведениям общественного питания, причем в данном случае единственным человеком, на чьи плечи были возложена ответственность по поддержанию имиджа заведения, оказалась кассир.

В первом (1) варианте интерпретации мы можем сказать, что возникла конфликтная ситуация: конфронтация между мужчиной-маргиналом и группой людей, разделяющих один и тот же немаргинальный социальный статус. С этого момента дистанцирование кассира от клиенток сменилось солидаризацией, кассир стала воспринимать их как союзников в конфликте. Кассир действовала как равная девушкам по статусу и старалась избегаться от присутствия люмпена. Параллельно она обменивалась репликами с клиентками завуалированными фразами, иногда шепотом, иногда откровенно игнорируя мужчину, тем самым демонстрируя, что он не является участником диалога (производя социальное исключение). Кассир дифференцировала молодого человека и девушек-клиенток по статусу и выбрала сторону конфликта, оказавшуюся ближе к ней по статусу, и таким же образом поступили девушки.

Во втором (2) варианте интерпретации можно предположить, что кассир защищала статус заведения. Этот ресторан общественного питания является филиалом распространенной во всем мире сети «Subway» и единственным сетевым рестораном в поселке, что отличало его от остальных местных кафе. Возможно, кассир действовала с точки зрения защиты имиджа глобального бренда. Кассир понимала, что девушкам запах мешает, поскольку видела, что те прикрывают нос рукой. Только после того, как девушки обозначили неприязнь к запаху, кассир попыталась предпринять какие-то действия для устранения проблемы. Своими действиями кассир показывала, что это не нормальная ситуация для заведения, что это приличное, чистое заведение, что оно не хуже, чем другие рестораны сети — в том числе московские, привычность которых девушки продемонстрировали во время ожидания у витрины, вследствие чего московские рестораны сети могли стать для кассира неким эталоном, в присутствии клиенток. При этом кассир

⁵ Эту интерпретацию проработали Марья Воробьева и Арина Леонтьева.

вела себя достаточно тактично, т. е. спрашивала, все ли нормально, проявляла всю возможную вежливость к обеим сторонам конфликта при попытке разрешить ситуацию.

Другим важным аспектом для интерпретации ситуации со статусной точки зрения является неоднозначность роли самого мужчины-люмпена, поскольку наблюдателям остается неясным, совершил ли молодой человек покупку (пакетика чая), тем самым приняв на себя роль клиента, или просто попросил налить ему кипятка, обозначив в контексте сетевого ресторана свою роль как попрошайки.

Таким образом, произошедшая ситуация может быть рассмотрена с позиции статусно-ролевой дифференциации и последующей солидаризации на основе равенства или приблизительного равенства статусов. Социальные статусы участников ситуации достаточно четко отличаются друг от друга: обслуживающий персонал в провинциальном «Subway» (но, в то же время — работница, получающая стабильный доход), клиентки (студентки из Москвы), люмпен. Если рассматривать солидаризацию по межличностному социальному статусу (*gemeinschaftlich*), то начальная конфронтация между кассиром и клиентами была вполне очевидной. Это может быть объяснено тем, что статус клиента стоит выше статуса обслуживающего персонала. В свою очередь, такая иерархия социального положения нередко бывает причиной для конфликтов. Затем, на фоне появившегося человека-люмпена, проявляется другой статус работницы — статус человека, получающего стабильный заработок и принадлежащего к среднему классу. Этот статус уже ближе к статусу клиенток, что способствует дальнейшей солидаризации между клиентками и работницей ресторана. Если рассматривать не личное взаимодействие клиенток и кассира, а формальное исполнение общепринятых ролей (*gesellschaftlich*), то можно предположить, что кассир демонстрировала не свой личный статус, а защищала статус бренда, желая показать, что в провинциальном городе филиал глобальной торговой сети функционирует ничуть не хуже, чем в столице.

Гендерная солидаризация сторон⁶

Предположение о солидаризации по полу между девушками-клиентками и кассиром базируется на гендерной структуре участников ситуации взаимодействия. Во-первых, посетитель-люмпен был единственным мужчиной в помещении и одновременно представлял собой угрозу не только комфорту клиенток, но и потенциально их здоровью, поскольку образ попрошайки, неопрятность и неприятный запах вызывают ассоциации с употреблением алкоголя и наркотиков, в свою очередь вызывающих непредсказуемые реакции, в том числе агрессию. Во-вторых, кассир была единственным сотрудником заведения и не имела никаких иных вариантов, кроме как самостоятельно попытаться разрешить ситуацию. В-третьих, кассир практически все время действовала так, чтобы соблюсти интересы посетительниц, а не мужчины: обращалась только к девушкам, интересовалась только их мнением, намеренно исключала мужчину из диалога.

Именно эти аспекты кейса позволяют проинтерпретировать его с позиции гендерной солидарности, возникшей между кассиром и посетительницами. Велика вероятность, что кассир сама (в силу российских традиционных ценностей, особенно в таких отдаленных местах, как Джубга) регулярно оказывается в ситуации, идентичной по расстановке сил или направлению угрозы, поэтому ей легко было ощутить себя на месте посетительниц. Как единственная в помещении, на кого возложена ответственность за соблюдение норм поведения, а также единственная, кто обладал достаточным авторитетом, чтобы эти нормы навязывать, кассир попыталась оградить посетительниц как от дискомфорта, так и от потенциальной угрозы, окликнув мужчину с явным намерением попросить его удалиться. Девушки, в свою очередь, ощутив ту же самую солидарность

⁶ Эту интерпретацию проработала Анна Сулейманова.

с кассиром, которая должна была навязать некие нормы мужчине, превосходящему её по физической силе, немедленно попытались освободить её от этой ответственности, заявив, что уже уходят: это явным образом снимало с кассира только ответственность за посетительниц, но не за ситуацию; тем не менее, именно после этого кассир приняла решение отпустить ситуацию и вышла. Следовательно, в этот момент она пыталась решить именно проблему угрозы или дискомфорта посетительниц, а не самого присутствия люмпена в ресторане.

Другая возможная интерпретация в той же гендерной рамке относится скорее к мотиву, побудившему кассира вообще обслужить молодого человека (налить ему кипятка). Здесь тоже наблюдается солидарность, но другого рода: солидарность между кассиром и посетителем-люмпеном, основанная на соблюдении кассиром одной из традиционно предписанных для нее ролей жены, матери и альтруистки. Действуя как сотрудник известного сетевого ресторана, обязанный поддерживать как имидж, так и гигиену в помещении, кассир должна была бы попросить мужчину удалиться ровно в тот момент, когда ощутила исходящий от него запах. Именно таких действий в решительной форме можно было бы ожидать, если бы кассир был мужчиной, и это позволяет нам поставить под сомнение предположение о том, что жалость была обусловлена простым сочувствием, свойственным как мужчинам, так и женщинам. Кассир не только позволила люмпену остаться, но еще и налила ему кипятка, никак не упомянутого в прайс-листе ресторана, в его собственный стакан (для горячих напитков в ресторане имеются собственные бумажные стаканы; вместе с пакетиком чая или кофе такой напиток будет стоить 50–80 рублей). Также существует вероятность, что её нежелание как-либо разрешать ситуацию, более или менее удовлетворяющую других посетителей, было обусловлено сочувствием, а не страхом, вызванным разницей в физической силе между ней и люмпеном.

Таким образом, с точки зрения гендера, реакцию кассира можно интерпретировать двумя способами в зависимости от того, чью сторону в конфликте она приняла: с одной стороны, она могла проявить женскую солидарность, попытавшись оградить комфорт и здоровье посетительниц от мужчины, представлявшего собой угрозу. С другой стороны, вследствие стандартной гендерной социализации, подразумевающей конкурентные отношения между женщинами и проявление «женских» черт характера — альтруизма, заботливости, сострадания — кассир могла встать на сторону мужчины.

Моральная сторона конфликта⁷

Рассматривая этот кейс с моральной точки зрения, можно выделить два типа посетителей в понимании кассира: предположительная «норма» — среднестатистические клиенты подобного заведения, прилично одетые, оплатившие свой заказ, ничем не выделяющиеся из общей массы других клиентов, и «не норма», представитель которой — клиент-«неформал», отличающийся только по внешним признакам (неопрятность, запах).

Своеобразным подкреплением этой точки зрения служит и то наблюдение, что, не имея никакого представления о том, кто на самом деле этот молодой человек и какова его жизненная ситуация, кассир с момента его появления в заведении демонстрировала отвращение и неприязнь к нему, невзирая даже на тот факт, что он, в первую очередь, её потенциальный клиент. Изначально изолировав его в своем восприятии, кассир далее общалась только с клиентками. «У вас всё нормально?» — это лишь этически оформленная формулировка вопроса: «Девушки, вы чувствуете запах? Может, мне выгнать этого мужчину?» Так она продемонстрировала свое участие в нашей проблеме, при этом не принимая во внимание, что это завалуированное взаимодействие легко считывается и замечается тем, от кого её пытаются скрыть. Более того, мужчина не желал нарушать

⁷ Эту интерпретацию проработала Анастасия Громова.

чье-то личное пространство, сожалел о том, что доставляет неудобства, что подтвердилось его поведением: постоянно опущенный в пол взгляд, отстраненность от других клиентов (то есть от нас), абсолютное молчание, осанка человека, который не хочет, чтоб его заметили.

В ходе дискуссии на тему произошедшего ситуацию сравнили с широко обсуждавшейся новостью о том, как няню и её подопечную, страдающую аутизмом, выставили из московского кафе, поскольку та якобы «отпугивала посетителей»⁸. Неясным остается тонкое различие между этими ситуациями: вероятно, посетителей, не знакомых с проявлениями аутизма, ребенок действительно мог отпугивать так же, как неприятный запах; ни ребенок, ни мужчина (в той жизненной ситуации, в какой он оказался) не могли контролировать обстоятельства, приводившие к дискомфорту окружающих. Таким образом, главный вопрос здесь заключается в том, имела ли кассир моральное право разделять клиентов на «достойных» находиться в этом заведении и «недостойных», основываясь лишь на этих неконтролируемых обстоятельствах.

В этом кейсе мы рассмотрели произошедшую ситуацию с нескольких различных сторон, показывая, что одно наблюдение может быть интерпретировано абсолютно по-разному несколькими участниками-наблюдателями этой ситуации. Отсюда парадокс: реальность единична, понимание людьми этой реальности — многообразно, что подтверждает некую субъективность любой социальной реальности. Однако для всех сюжетов можно выделить один общий аспект ситуации: статусная и ролевая дистанция между клиентом и персоналом, проявившаяся вначале и выраженная в том, что кассир принимала и готовила заказ с явной неохотой и демонстрировала типичное отчуждение, возникающее в ресторанах быстрого питания с самообслуживанием и подобных им заведениях, сменилась солидарностью после того, как обозначился явный конфликт. Выделение общего аспекта в каждом из сюжетов говорит о том, что, хотя все интерпретации и основываются на разных подходах, у них есть одна общая базовая идея, на которую они опираются.

⁸ Больную аутизмом сестру Водяновой выставили из кафе // Лента.ру [Электронный источник]. URL: <https://lenta.ru/news/2015/08/12/vodyanova/> (дата обращения: 06.10.2017)

Обзоры конференций

Социальные исследования и современность: обзор конференции «Ломоносов-2018»¹

DOI: 10.19181/inter.2018.15.9

*Иван Касьяненко**

9–13 апреля в Москве в стенах МГУ состоялась XXV международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2018», которая включала 40 секций, охватывающих большинство областей современного научного знания. Этот обзор посвящен секции «Социальные исследования и современность», в частности, ее первой подсекции: «Социологическое исследование современности: теории, методы, результаты». На секцию было заявлено 50 докладов со всей России, также присутствовала докладчица из Беларуси. Большинство участников составили студенты бакалавриата и магистратуры, чем обусловлен преимущественно локальный характер представленных исследований; обсуждались и результаты нескольких больших проектов, в которых участвовали докладчики. Заявленные цели конференции: развитие творческой активности студентов, аспирантов и молодых ученых, привлечение их к решению актуальных задач современной науки, сохранение и развитие единого международного научно-образовательного пространства, установление контактов между будущими коллегами.

Относительное большинство докладов было посвящено исследованию онлайн-среды, что свидетельствует о возрастающем интересе молодых исследователей к этой области. В российской социологии пока не много авторитетных специалистов в данной сфере, поэтому, по сравнению с исследователями традиционных областей — гендера, мобильности, качества жизни и других, — у начинающего ученого, занимающегося изучением онлайн-среды, меньше возможностей продолжать работу своего научного руководителя. Можно предположить, что в недалеком будущем нас ждет новая волна исследований взаимодействия человека и информационных технологий.

Одним из самых интересных докладов, затронувших исследования онлайн-коммуникации, стал доклад А. М. Ефимова, студента магистратуры НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, «Триангуляция методов в исследовании онлайн-сообществ: возможности и ограничения». В нем были представлены результаты двухлетнего изучения сообществ людей, вовлеченных в практики текстовых ролевых онлайн-игр, реализуемых на платформе социальной сети «ВКонтакте». В ходе этого исследования была предпринята попытка изучить феномен онлайн-социализации в игровых сообществах с помощью комплекса социологических методов: включенного наблюдения, глубинного интервью, контент-анализа, тематического моделирования и сетевого анализа. Использование этих методов позволило выявить статусную структуру игрового сообщества, агенты, механизмы и барьеры

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре поколения российской истории» (грант РНФ 14-28-00217).

* Касьяненко Иван, студент Социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук. vanomort@yandex.ru

онлайн-социализации. Особое внимание уделялось совмещению пространств сбора данных, изучению сообщества симультанно в реальном и виртуальном пространствах. Другой доклад, на который хотелось бы обратить внимание читателя, был представлен Г. И. Чикаровой, аспиранткой ЮФУ в Ростове-на-Дону. Она рассказала об исследовании профессиональной идентичности молодых учителей в условиях прекариатизации российского общества. Выборка из 618 преподавателей из Ростова-на-Дону показала, как профессиональная группа учителей в регионах подвергается процессам прекариатизации, что оказывает, по мнению Чикаровой, преимущественно деструктивное воздействие на формирование профессиональной идентичности молодого педагога. Так, молодые преподаватели (до 30 лет) в среднем считают свою профессию менее престижной, чем их старшие коллеги. Кроме того, большинство респондентов испытывают дискомфорт от того, что рост зарплаты не сопоставим с ростом нагрузки. В среднем учителя удовлетворены своим достатком на 2,8 баллов из 5, а жизнью в целом — на 4,1. При этом 77,2% опрошенных полностью или скорее довольны своей работой.

Фото 1. Заседание секции «Социальные исследования и современность», 12 апреля 2018 г.
Фото автора

Несколько исследований были посвящены музыке. Студентка МГЛУ А. А. Морозова изучила музыкальный фанатизм как социальный феномен с помощью серии полуструктурированных глубинных интервью, проведенных среди московского студенчества, и онлайн-анкетирования. Теоретической базой исследования стала теория социального действия М. Вебера и, в частности, его понятие «ценность». В результате ей удалось построить концептуальную модель феномена музыкального фанатизма среди студентов и разработать авторскую типологию студентов-меломанов по отношению к музыке как к ценности, включающую 4 типа: эмоциональный, преданный, творческий и сведущий. Они дифференцированы по субъективно значимым аспектам воспринимаемой музыки, цели ее восприятия и степени вовлеченности в связанные с ней практики.

В центре внимания многих исследователей оказались городская среда и публичное пространство. В. А. Петрова поделилась опытом социологического наблюдения за интеракциями жителей Вязьмы, проведенного с целью формирования критерия оценки качества публичного пространства. Методологическая часть исследования вызвала

вопросы, касающиеся интерпретации исследователем наблюдаемых интеракций. Кроме того, у слушателей возникли сомнения в том, что количество и качество наблюдаемых интеракций является основным индикатором, выражающим качество публичного пространства. Другие доклады касались экологической ситуации в городах и набирающего популярность велодвижения.

Тематическое, методическое и географическое разнообразие докладов негативно отразилось на оживленности обсуждения конкретных результатов — исследовательские интересы большинства слушателей различались очень существенно. Прозвучали доклады, посвященные исследованиям туризма, религиозности, рекламы, кинематографа, трансформации системы коммуникаций, семьи, методологии и т. д. В то же время, это дало участникам возможность сравнить различные исследовательские подходы, взглянуть на работу коллег с профессиональной точки зрения, абстрагировавшись от конкретных тематических особенностей. Для многих участников эта конференция стала одним из первых мероприятий такого формата и представляла для них ценный опыт, который, в отличие от результатов исследований по знакомой им тематике, едва ли возможно почерпнуть из книг. Это подтверждается характером обсуждений, в ходе которых чаще других звучали вопросы и комментарии, касавшиеся методологии и внутренней логики исследования.

Подводя итог, хочется сказать, что результаты работы секции «Социальные исследования и современность» студенческой конференции «Ломоносов-2018», не будут отмечены таким приращением актуального научного знания, какое достигается в результате работы аналогичных секций «взрослых» конференций. Но организаторы ставят перед собой другую цель: развитие научно-образовательного пространства и привлечение студентов к научной работе, — и в этом они действительно преуспели. Опыт выступления на конференции, общение с коллегами и обсуждение результатов позволяют начинающему ученому почувствовать себя частью академического сообщества, узнать, чем занимаются и как работают люди из разных концов страны, разделяющие его интересы. Значение этого опыта сложно переоценить — как и значение студенческих конференций для будущего российской науки.

Многоголосие исследовательских подходов на Апрельской международной конференции¹

DOI: 10.19181/inter.2018.15.10

*Анастасия Говорова**, *Мария Красникова***

10–13 апреля 2018 г. в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» состоялась ежегодная Апрельская международная научная конференция, посвященная актуальным проблемам экономического и социального развития. По сложившейся традиции, доклады участников конференции представляли различные тематические направления, в основном, имеющие отношение к экономической сфере. Но достаточно насыщено была представлена и секция социологии, фокусирувавшаяся на анализе социальной структуры, социальных институтов и процессов, а также на методологических и методических проблемам их изучения. В рамках данной секции работало множество сессий, охватывающих самые разные области социологической науки. В частности, участниками конференции обсуждались проблемы возможностей и ограничений социологического инструментария, перспективы исследований социальной структуры, современные проекты в области образования, социологические исследования городского пространства, перспектив дезурбанизации, исследования детства и молодежи, макроэкономических и макросоциальных проблем, профессиональных идентичностей, трудовых ценностей и отношений, экономических практик, баланса семьи и работы, родительства и партнерства, коммуникаций, использования интернета и мобильных приложений, социокультурного развития, эмоций и т. д. Такое тематическое многоголосие привлекло сотни участников и слушателей, как российских, так и зарубежных.

Выступления в рамках сессии «Социология пространства и территориальные политики» касались изучения особенностей городских пространств. О. С. Сидорова представила результаты исследования, показавшие наличие в г. Новосибирске социально-пространственной сегрегации — разделения территории города, которое поддерживается физическими и ментальными границами, на относительно гомогенные кластеры по стоимости и престижности жилья. Т. М. Крихтова рассказала о своем опыте исследования пространства на примере часовен в московских больницах: несмотря на то, что они являются местом пересечения двух, казалось бы, непересекающихся миров (науки и религии), как показали результаты исследования, их пространство — пример сосуществования, а не конфликта, поскольку оно становится местом для согласованных действий, имеющих разный смысл для всех участников. Также на сессии обсуждались исследования территориальной идентичности — в частности, идентичности жителей

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре поколения российской истории» (грант РНФ 14–28–00217).

* Говорова Анастасия, студентка Социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук. nastena_govorova@mail.ru

** Красникова Мария, студентка Социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук. maria.crasnikova@yandex.ru

района Тушино г. Москвы: исследование в рамках проекта «Прошлое и настоящее рабочих районов: трансформации социокультурной и территориальной идентичности» было представлено председателем сессии А. В. Стрельниковой. Опыт исследования идентичности жителей районов г. Перми поделится О. В. Лысенко. Рассмотрение вопросов территориальной идентичности продолжилось на отдельной специализированной секции по трансформациям заводских районов.

Заседание сессии «Структуры, организации, эмоции» началось с доклада С. А. Коротаева, посвященного неиерархическому конструктивистскому подходу к исследованию социальной структуры, предложенному автором в качестве альтернативы традиционному классовому подходу. Представленный доклад, в котором подчеркивалась необходимость изучения социальной структуры с помощью категории «стиль жизни», вызвал оживленную дискуссию по вопросам определения ключевых понятий с точки зрения конструктивизма, новизны подхода, его возможности отразить структуру неравенства и пр. Следующий доклад, посвященный теоретико-методологическим возможностям социологии эмоций и принципам исследования эмоций в социологии, подготовленный О. А. Симоновой, был воспринят аудиторией более позитивно, несмотря на кажущуюся спорность рассматриваемых вопросов. Завершилась сессия докладом Е. А. Гудовой о результатах исследования организации с помощью метода нарративного анализа.

Сессия «Современное родительство и партнерство» открылась докладом М. А. Голевой о сетевых эффектах рождаемости: влиянии социальных сетей, взаимодействия семей со значимыми другими. Согласно результатам проведенного исследования, социальное окружение семей оказывает значительное влияние на рождаемость и может способствовать возникновению «большой» (многодетной) семьи благодаря действию таких механизмов, как социальное заражение, социальное давление, социальное обучение и социальная помощь. Далее выступили Б. Ола и И. Они, представившие результаты сравнительного исследования распространенности и факторов подверженности женщин насилию со стороны супругов или интимных партнеров (intimate partner violence — IPV) в Нигерии и Зимбабве. Исследователи обнаружили, что для женщин, которые оправдывают IPV, в семье которых в детстве были случаи домашнего насилия, женщин, имеющих более трех детей или мужа (партнера), употребляющего алкоголь, — вероятность подвергнуться IPV намного выше по сравнению с женщинами, отказывающимися оправдывать данную модель поведения, а также участвующими в принятии решений о распоряжении заработком супруга (партнера). Наиболее интересным результатом является то, что такие показатели, как материальное благосостояние, уровень образования, доход, религиозная принадлежность, не были статистически значимы и не оказали значительного влияния на шансы женщин подвергнуться эмоциональному или физическому насилию. Завершилась сессия выступлением Н. Э. Соболевой с докладом об исследовании удовлетворенности работой мужчин и женщин, результаты которого подтвердили гендерный парадокс: при худших объективных характеристиках рабочих мест женщины более удовлетворены работой, чем мужчины; это касается всех аспектов работы, за исключением заработной платы.

Сессия «Барьеры использования мобильных приложений и пользовательские практики их преодоления» была открыта выступлением К. П. Глазкова, представившего результаты исследования практик участия в геолокационных играх. Наблюдение за публичными взаимодействиями в подобных играх показало, что существуют определенные правила поведения, поддержания публичных приличий как в онлайн-, так и в офлайн-сферах: от участников требуется постоянное выстраивание отношений с «публикой» и определенный «резерв вовлеченности» — постоянная готовность включиться во взаимодействие с окружающими. Выступление Н. И. Руденко было посвящено анализу социотехнических барьеров использования коммерческих приложений (на примере приложения для поиска водительских экзаменов в Великобритании) как факторов «цифрового неравенства». Цифровые приложения увеличивают возможности пользователей, одновременно уменьшая

возможности тех, кто не является их пользователями («барьер неиспользования»). Более того, зачастую в них создаются внутренние иерархии посредством разделения аккаунтов на различные типы в зависимости от стоимости использования приложения, что также ведет к неравенству возможностей пользователей («барьер преимущества», или «иерархический барьер»). Это характерно, например, для «Тиндера», которому был посвящен доклад О. Г. Соловьевой, где также были рассмотрены барьеры использования данного приложения — технологические, социокультурные и институциональные.

В рамках секции «Экономика, социология и политика образования» работало много интересных сессий, связанных не только с тенденциями современного высшего, но и с реалиями школьного и среднего профессионального образования. В частности, на сессии «Вызовы экономики знаний и предпринимательская активность молодежи» в докладе, представлявшем итоги полевого исследования, В. Н. Базавлюк, основываясь на анализе интервью с руководителями российских колледжей, рассказал об особенностях дуального образования в России и Германии и системе СПО в России. Исследователем сделан вывод о том, что не всегда слабое участие бизнес-ассоциаций указывает на отсутствие кооперации и согласования интересов между основными участниками образовательных программ. В. И. Майковская в своем докладе представила статистические данные, отражающие состояние образовательной системы Украины, а также анализ программ курсов по формированию предпринимательской компетентности школьников. Также докладчица рассказала о результатах изучения состояния подготовки студентов к предпринимательству в разрезе специальностей и специализаций.

Особого внимания заслуживает секция «Демография и рынки труда», в рамках которой прозвучал приглашенный доклад А. Коробкова, посвященный российской «элитной» диаспоре за рубежом. Докладчик сосредоточился на вопросах направления и интенсивности потоков миграции российской интеллектуальной элиты на Запад, в частности США, проблеме «утечки мозгов», а также на определении основных форм деятельности мигрантов в различных сферах жизни. На основании статистики получения российскими гражданами определенных видов виз сделан вывод о том, что возможность новой волны массовой интеллектуальной миграции в США крайне мала, что во многом связано как с существованием «охоты» на высококвалифицированных специалистов, так и с наличием большого количества ограничений для мигрантов в этой стране. А. Коробковым выделены 4 типа «элитной» миграции, включающие: преподавателей вузов, высококвалифицированных специалистов, студентов, а также людей, готовых вложить средства в экономику страны. В связи с этим возникает ряд проблем. В частности, докладчик отмечает проблему определения диаспоры как понятия и проблему выборки, а также связанные с ними вопросы: какую миграцию (интеллектуальную или «элитную») необходимо рассматривать в данном случае, и что именно считать «утечкой мозгов»? А. Коробков рассказал о примерах наблюдений за потоками миграции специалистов с гуманитарным и естественноведческим образованием, примерах профессиональной миграции в разные исторические периоды России и формах взаимодействия РФ с российской диаспорой. Исследователь пришел к выводу, что России нет необходимости ограничивать интеллектуальную миграцию или настаивать на возвращении российских специалистов на родину. По завершении сессии участники конференции активно задавали вопросы. На вопрос о том, можно ли определять российских мигрантов в США именно как диаспору, докладчик затруднился ответить, отметив необходимость применения новой терминологии при рассмотрении этой проблемы.

Следует отметить, что описанные в данном обзоре доклады — лишь малая часть выступлений, прозвучавших в рамках конференции. Программа была крайне насыщенной и охватывала еще множество не менее интересных тематических направлений, каждое из которых вносит значительный вклад во всесторонний анализ проблем развития экономики и общества как в России, так и за рубежом.

Анализ системы «позднего социализма»¹

DOI: 10.19181/inter.2018.15.11

*Мария Красникова**

Рецензия на книгу: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. 664 с.

Работа А. Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение», вышедшая на английском языке в 2006 г., а в 2014 г. переизданная на русском, повлияла на многочисленные исследования антропологов, историков, социологов и славистов, продолжая и сегодня оставаться в центре дискуссий на конференциях, семинарах и в научных статьях. В книге профессора Калифорнийского университета анализируется система «позднего социализма» (сер. 1950-х — сер. 1980-х гг.) в перспективе следующего парадокса: «несмотря на то, что большинство людей воспринимало советскую систему как вечную и неизменную, они в принципе были всегда готовы к ее распаду». Образ «позднего социализма», который преподносит нам автор, отличается от привычных стереотипов о советской реальности и показывает ряд интересных феноменов.

Несмотря на то, что данная работа позиционируется автором в традициях антропологии, однако ее содержание выходит за пределы одной науки, так как в ней предлагается новый подход для исследования того, как в целом развиваются, изменяются и переживают кризис политические системы. Это позволяет работе быть востребованной у социологов, политологов и других обществоведов. Тематика книги предполагает способ исследования советской системы «позднего социализма», однако разработанный автором исследовательский подход во многом универсален и вполне актуален для анализа либеральных обществ Запада, государств постколониального мира и постсоветского пространства. Автор переосмысливает общепринятые аналитические модели, описывая культурные феномены, социальные отношения, политические формы и строя исторические параллели.

Книга состоит из семи глав, каждая из которых содержит несколько микротем. Во вступлении А. Юрчак рассказывает о трудностях и тонкостях написания книги на русском языке, связанных с тем, что российский читатель лучше знаком с фактами советской реальности, однако, в то же время, ему сложнее посмотреть на эту реальность со стороны и дать ее объективную оценку. Далее в книге наряду с историческими фактами приводятся воспоминания некоторых людей о «переломных» моментах в стране, которые оказались шокирующими для них: к примеру, официальная публикация стихотворений Гумилева или других запрещенных ранее писателей.

¹ Статья написана в рамках проекта РНФ «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре поколения российской истории» (грант № 14–28–00217).

* Красникова Мария, студентка Социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук. maria.crasnikova@yandex.ru

Отправной точкой для проведенного ретроспективного анализа служит распад СССР. Это событие, по мнению автора, может выступать в качестве своеобразной «линзы», сквозь которую можно увидеть скрытые ранее аспекты советской системы. Особое внимание в работе уделяется тому, как именно советские граждане взаимодействовали с идеологическими дискурсами и ритуалами, как осуществлялось их членство в организациях и сообществах, что собой представляли языки (идеологические, официальные, неидеологические, повседневные, частные), которые они использовали в разных сферах своей жизни. Важно упомянуть, что А. Юрчак использует термин «система», вкладывая в него особое значение. Так, системой в книге является конфигурация социально-культурных, политических, экономических, юридических, идеологических, официальных, неофициальных, публичных, личных и других видов отношений, институтов, идентификаций и смыслов, из которых складывается пространство жизни граждан.

Рассуждая о том, как следует определять термин «поколение» и что имеется в виду под «последним советским поколением», автор отмечает, что значение этих понятий находится в зависимости от конкретного культурно-исторического контекста. В данном случае, А. Юрчак использует понятие «последнего советского поколения» для обозначения совокупности людей, сформировавшихся в советский период, но превратившихся в «постсоветских людей» еще в относительно молодом возрасте — то есть людей с довольно широким разбросом возрастов, родившихся между серединой 50-х и началом 70-х годов прошлого столетия.

В главе, посвященной «авторитетному дискурсу», автором рассматривается ситуация нарастающей стандартизации в стране, пик которой приходился на 1970-е годы. По мнению А. Юрчака, одинаковость городского пространства и символов наглядной агитации, как ни странно, не свидетельствовала о незыблемости системы. По его мнению, стандартизация идеологического дискурса сопровождалась глубоким смысловым сдвигом: чем более стандартными становились форматы авторитетных высказываний и символов, тем менее стандартным и предсказуемым был смысл, который мог соответствовать этой форме в различных контекстах.

Вызывает интерес также рассуждение автора о «притворщиках в масках» — представителях власти, которые, согласно теориям мимикрии и раздвоенного сознания, говорят на публике одно, а мыслят совсем иначе. Подобная модель субъекта, как считает автор, распространена в анализах идеологии авторитарных систем власти. Также, наряду со специфическими научными терминами, в книге встречаются понятия, придуманные самим автором, например, «общества своих».

Подводя итог, можно сказать, что написанная доступным и понятным языком книга, в которой применяется абсолютно новый и оригинальный анализ системы «позднего социализма», представляет интерес для широкого круга специалистов различных профилей и всех заинтересованных читателей.

Abstracts

Representation of fatherhood: blogs' sociological analysis

Chernova Zhanna

This article is devoted to the analysis of fathers' representations presented in the Russian authors' blogs. Fathers' blogs are analyzed as a way of (re)production contemporary parenting, which is characterized by pluralistic parenting patterns, equal participation of men in everyday childcare practices, and the lack of gender-specific problems that parents faced in the upbringing of children. The conclusion is the model of contemporary fathering is formed mainly at the level of practices, while the conservative family policy is oriented on the maintenance of "patriarchal deficit" and reproducing gender asymmetry in the sphere of parenting.

Keywords: parenting, fathering, patriarchal deficit, blog

"Unconventional" working conditions of women's industrial labor: the experience of participant observation

Pinchuk Olga

The article is devoted to the specifics of women's employment in production. Based on the empirical data collected by myself during the period of one-year participant observation at the candy factory, two aspects will be mentioned in the article. The first one is the temporary work of women coming to the Moscow region and working for industrial enterprises. These women work off-the-books for several weeks or months at a time, which involves leaving home for a short while. The second aspect, which I will talk about, is the risks associated with female labor in production. In particular, I will raise the topic of accidents at work. Through the analysis of accidents at work I will show why the working conditions of female temporary workers and permanent workers are equally precarious and unreliable. The task of the article is to analyze the specificity of female labor in the conditions of production, involving, for the most part, manual labor.

Keywords: prekariat, gender, ethnography, workers, female labor

Nostalgic affects and the commodification of the soviet period: on the case of museum soviet arcade machines

Abramov Roman

The article is devoted to the case of the Museum of Soviet arcade machines, which successfully combined a nostalgic interest in Soviet childhood, "technoretromania", the phenomenon of "informal museumification" and the trends of a new creative entertainment economy

in Russia's large megacities (Moscow, St. Petersburg). The article is written based on the results of the included observation, an interview with the organizer of the museum and an analysis of available publications. The Museum of Soviet arcade machines, founded in 2007 by a group of engineers from Moscow, is booming now. It is a successful commercial enterprise, a "repository of nostalgia" for the late Soviet childhood, a hipster café and an entertainment center for children and their parents. The social history of arcade machines describes and shows the sociological meaning of studying this phenomenon of technological and mass culture. The history of the creation and production of slot machines in the USSR is also described. Special attention is paid to the history of the Museum of Soviet arcade machines. Further, types of visitors are characterized in the article and the results of the included observation of the work of the museum are summarized. The phenomenon of technological nostalgia is analyzed in the context of a special affect of perception of the game on an electronic mechanical machine with its limited possibilities of simulating reality. There are parallels with the works of Haruki Murakami: the arcade machines become anchors of nostalgic memories for the heroes of this Japanese writer. The author substantiates the importance of studying the manifestations of nostalgia about the Soviet past for understanding the forms of representation of this period of the history of the country.

Keywords: museums, museumification, arcade machines, creative industries, nostalgia, commemoration

New soviet consensus: resuscitation of the ideal in the fifties

Rozhansky Mikhail

The article focuses on three works of the fifties (A. Tvardovsky's poem, A. Kuznetsov's novel and A. Arbuzov's play), the action of which takes place on the construction of the Irkutsk hydroelectric power station. The works are considered as versions of reanimation of the Soviet ideal in the conditions of the desacralization of power. An important resource for such resuscitation is the myth of Siberia as the space of the present, actualized by large buildings of the fifties. People's search for the opportunities of "new life" on the construction sites of Siberia gives the art intelligentsia the opportunity to give a second breath to social idealism in Soviet culture and thus participate in the re-establishment of the Soviet consensus.

Keywords: de-Stalinization, "Ottepel'", Soviet consensus, Soviet idealism, Siberian myth

Letters from the front

Rozhdestvenskaya Elena

In the center of the article is the phenomenon of the front epistol, considered on the example of a selection of attributed letters of Russians from various fronts of the XX century. A letter from the front is a personal document; with appropriate historical processing, can be a socio-historical document that narrates the attitude of the participant of events to what is happening, the context of the front and its circumstances. The front letter as a personal ego-document is at the same time a reflection of the discursive regime of the era, which determines and forms the prevailing modes of written communication. For the purposes of the article, we confine ourselves to the subject of a professional attitude toward war, which undoubtedly changed throughout the XX century. What is the difference between military professionalism

during the Anglo-Boer War in the Transvaal from the ideas of the times of the Russo-Japanese War, the First and Second World Wars or the relatively recent Afghan war and the Chechen campaigns? Socially oriented narrative analysis of individual front letters of the Russian military from various wars of the XX century allows us to outline the leading leitmotifs of the plot of “work in the war”, the evolution of military professionalism, military ethos and public discourse about it. Significantly, the letters emit the symbolic significance of war as events of a national scale. There is also no shadow of the sacredness of the theme of the Motherland and its frontiers. There is a change in the general discourse about military work as devoid of pathetic and heroic talents. This gives rise to great variability in the discourses of military writing, because of the weakening of the propaganda machine, but not the disappearance of traces of ideology. There are several narrative styles of communicating with those who are connected with combatants at home in the country: the possible absence of a story about the war itself, its elimination by describing war as a service experience, as a collection of episodes of military operations and cases from front-line everyday life, as career experience or service achievements, as a form of reflexive narrative about military affairs. The war is already in the late epistol in its open form — as a solution to the tasks of destruction, and subjectively — to survival.

Keywords: letters from the front, war, labor in the war, military professionalism

Performative memory and the vianbu monument in South Korea

Rozhdestvenskaya Elena

The article is devoted to a visual and commemorative analysis of the monument to the victims of the Japanese-Korean War (vianbu). The installation of visual-sociological analysis is realized in this case not by means of exclusively visual hermeneutic, on the contrary, the idea of the monument is deciphered in the context of the history and museum culture of Korea. It is shown that the meaning of the monument is recreated through rituals of performative resonant memory. The historical events to which the monument is dedicated still do not have a consensus in national and international historical memory, therefore they require a performative format of commemoration as a constantly redefined and confirmed by narrative accomplices of the commemoration. Among the participants in the commemorative process around the Vianbu memorial are social actors with various mnemonic abilities and institutional resources (actually surviving witnesses, activists of the commemoration fund and the public). In response to the social demand for commemoration, a new memorial aesthetic of anti-monumentality emerges, commensurate with the person, pulsating in the weekly ritual mode and habitable, like with scarf wrapped street sculpture.

Keywords: memorial, performance, history of the Japanese-Korean war, commemoration, visual

Авторы номера

Абрамов Роман

кандидат социологических наук, доцент кафедры анализа социальных институтов факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Горова Анастасия

студентка Социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук

Касьяненко Иван

студент Социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук

Красникова Мария

студентка Социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук

Оберемко Олег

кандидат социологических наук, доцент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Пинчук Ольга

научный сотрудник Лаборатории методологии социальных исследований Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС).

Рожанский Михаил

кандидат философских наук, научный директор Центра независимых социальных исследований и образования

Рождественская Елена

доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

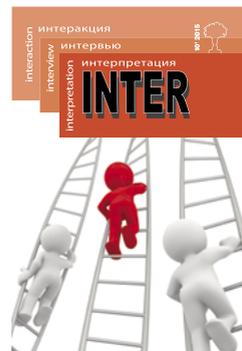
Тартаковская Ирина

кандидат социологических наук, доцент Государственного академического университета гуманитарных наук; старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Чернова Жанна

доктор социологических наук, профессор департамента социологии Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

ИНТЕР № 10 (2015)

Памяти В. А. Ядова

Кшиштоф Косела. Прощальное письмо варшавских друзей

Виктория Семенова, Елена Рождественская. Владимир Александрович Ядов

Исследования социальной мобильности

Елена Омельченко, Гюзель Сабирова, Яна Крупец. Социальная мобильность молодежи в фокусе тройной рефлексии

Наталья Кремнева, Евгения Лукьянова. Рабочая профессия: успех или неудача? Восприятие социального положения рабочего в семейном контексте

Анна Стрельникова. Пространственные проекции социальной мобильности: переезды как доминантные события биографического повествования

Елизавета Полухина, Александра Горяйнова. Жилищные траектории московских семей в XX веке как объект вторичного анализа биографических интервью

Мария Балакирева. Изучение повседневной мобильности горожанок с детьми: опыт применения стратегии смешивания методов

Павел Сушко. Успех по-сельски или как брать «быка за рога»: модели жизненного успеха сельской молодежи

Константин Глазков, Анна Стрельникова. Мобильные методы: движение как часть исследовательской стратегии

Визуальная социология

Павел Демин, Станислав Пашков. Символика университета в восприятии студентов

Публичная социология

Ольга Казьмина. «Управляемый хаос» — от теории к социальной практике российской «глубинки»

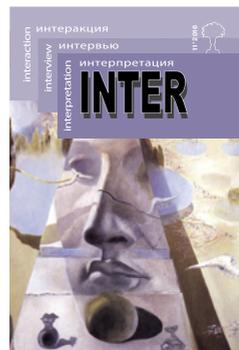
Обзоры конференций

Надежда Васильева. Перспективы исследований социальной мобильности. Международный конгресс Европейской социологической ассоциации. Прага, 25–28 августа 2015 г.

Авторы номера

Abstracts and key words

ИНТЕР № 11 (2016)

Петр Иванов. Городские жители и производство пространства (на примере российских городов)

Анатолий Жвитиашвили. Нестабильная занятость и социальное неравенство: западный опыт

Екатерина Бессчётнова. Социальные коннотации запаха

Алиса Толстокорова. Украинские «золотые рыбки»: стратегии сопротивления неравенству и доминированию во взаимоотношениях мигранток-домработниц и их работодателей

Биография номера

Интервью с руководителем сети дистрибьютеров в компании сетевого маркетинга

Размышления над книгой

Oleg Yanitsky. The Urry's global mobilities concept: some comments and considerations

Обзоры конференций

Евгения Гольман. Международная трансдисциплинарная конференция «Doing the Body in the 21st Century». Питтсбург, Университет Питтсбурга, 31 марта — 2 апреля 2016 г.

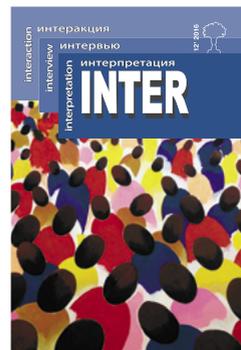
Надежда Васильева. Новые проблемы в исследованиях социальной мобильности. Российско-польская конференция. Варшава, Варшавский университет, 11–12 апреля 2016 г.

Павел Сушко. Дискуссии социологов о настоящем России. XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 19–22 апреля 2016 г.

Авторы номера

Abstracts and key words

ИНТЕР № 12 (2017)

Теоретические дискурсы и дискуссии

Виктория Шмидт. «Спасем наших детей»: к проблеме дискурса кампаний в пользу реформы общественного воспитания детей с инвалидностью в России

Lyudmila Nurse. Identities and a sense of belonging: young Lithuanians and Latvians from ethnic minorities

Полевые исследования

Мария Миронова, Анастасия Кожевникова. Измерение удовлетворенности съемным жильем: методические аспекты

Константин Вернигор, Яна Воронина, Ольга Синева. Геймифицированная онлайн-анкета: возможности и ограничения

Ольга Маркова. Письма с фронта как документ военной эпохи

Эссе

Екатерина Постная. Музей истории ГУЛАГа как отражение травматического опыта

Визуальная социология

Александрина Ваньке, Елена Рождественская, Евгения Гольман, Роман Абрамов. Визуализация телесности в контексте профессии: аналитическая дискуссия

Новые книги: авторский взгляд

Борис Докторов. История должна быть многолюдной и писаться многими

Вероника Жобер. «Много нас рассеяно по свету... Мы — лишь след на тающем снегу...»

Рецензии

Виктория Семенова. Границы памяти в городах с короткой историей

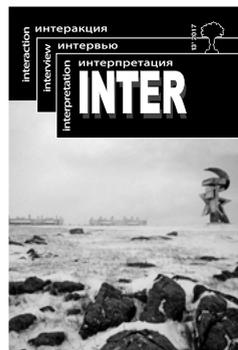
Обзоры конференций

Анна Стрельникова. VII Международная научно-практическая конференция памяти А. О. Крыштановского «Методы и процедуры социологических исследований», 23–24 сентября 2016 г.

Авторы номера

Abstracts and key words

ИНТЕР № 13 (2017)

Письмо редакторов

Теоретические дискурсы и дискуссии

Ralf Bohnsack. The Interpretation of pictures and the Documentary Method

Наталья Веселкова. Куда идет «Троллейбус»? Социологический ресурс одной фотографии

Svetlana Bankovskaya. Epistemological premisses of converting video of social events into the narrative

Визуальная социология

Елена Рождественская. Анализ фотографии С. Максимишина: объединяя документальный и гештальтистский подходы

Полевые исследования

Анна Стрельникова, Александрина Ваньке. Полевое исследование индустриального района: стратегии сбора и анализа визуальных данных

Дмитрий Омельченко, Святослав Поляков. Исследователь с камерой в пространстве медийной публичности: полевой опыт

Мария Балакирева, Александра Горяйнова, Елизавета Полухина. Переезды внутри Москвы: как тип домохозяйства и стиль жизни предопределяет выбор места жительства

Первые шаги

Яна Багина, Анастасия Кочервей, Светлана Нарьян. Восприятие видеоблогов и потребительское поведение (на примере бьюти-блогов)

Рецензии

Анастасия Говорова. Азбука визуализации данных

Abstracts and key words

Авторы номера

ИНТЕР № 14 (2017)

Исследовательские дискурсы: профессиональный труд, занятость, этнография

Liliia Zemnukhova. Russian IT specialists and their professional mobility abroad

Виктория Семенова. Профессиональный успех: изменяющаяся саморефлексия современных профессионалов

Михаил Черныш. Информационные работники: профиль социальной группы

Ирина Тартаковская. Женственность прекарности

Павел Сушко. Специфика человеческого капитала работников сферы информационных технологий

Ирина Чудова, Анастасия Пироцкая. Изучение социальных сетей в перспективе поколений

Дарья Морозова, Ольга Гурова. «Следуя устойчивой моде»: изучение практик финских дизайнеров одежды с помощью исследовательского фильма

Биография номера

Александрина Ваньке. Прекарная занятость как «свободный» выбор? Интервью с работницей клининговой компании

Первые шаги

Иван Касьяненко, Антон Алабин. «Айтишники» как современная профессиональная группа

Рецензии

Александра Бурдяк. Два поколения исследований о поколениях. Читая книги «Социальная мобильность в России: поколенческий аспект» (2017) и «Социальное расслоение возрастной когорты: Выпускники 80-х в постсоветском пространстве» (1997)

Анастасия Говорова. Социальная мобильность в ракурсе рынка труда

Обзоры конференций

Анна Стрельникова. Социальное неравенство и информационные технологии: обзор конференции «eLearning Stakeholders and Researchers Summit 2017»

Марат Суставов. Исследования в digital-мире: IT-тренды, определяющие настоящее и будущее

Авторы номера

Abstracts and key words

Журнал можно приобрести в редакции или заказать по пересылке.

Адрес редакции:

117259 Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

Тел.: (499) 128-86-18

Факс: (495) 719-07-40

e-mail: inter.fnisc@gmail.com

Размещение журнала: www.inter-fnisc.ru

Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без разрешения редакции.

Журнал зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, радиовещания и средств массовых коммуникаций (регистрационный номер ПИ № 77-9679)

ISSN 2307-2075

Учредители:

Федеральный научно-исследовательский социологический центр

Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Российское общество социологов (РОС)

Над номером работали:

Выпускающий редактор *Ирина Тартаковская*

Корректор *Наталья Штурман*

Оригинал-макет *Виталий Кудымов*

Подписано в печать 15.07.2018. Формат 70×100 1/16.

Гарнитура «Pragmatica». Печать офсетная.

Тираж экз. Заказ № .